

www.ifes-ras.ru/js

***ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ***
2018, №1

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические
науки и археология

08.00.00 Экономические
науки

23.00.00 Политология

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гришачёв С.В., к.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.; Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (*главный редактор*)

Редакция: Белилина Е.В.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кириченко М.А.; Овчинникова Л.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (*зав. редакцией*)

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-commercial organization
«Association of Japonologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far East Studies of Russian Academy of Sciences, Association of Japonologists.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Media registration number (in Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910

Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru” and Russian Science Citation Index.

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Branch of science:

07.00.00 History and

Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Grishachev Sergei V., PhD (History); Gurevich Tatiyana M., DSc (Culturology), PhD (Philology); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Korchagina Tatiyana I., PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Kuznetsov Sergei I., DSc (History); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Louzianin Sergei G., DSc (History); Mazurik Victor P., PhD (Philology); Nechaeva Lyudmila T., DSc (Pedagogy); Nosov Mikhail G., DSc (History), Corresponding member of the RAS; Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Shnyrko Aleksandr A., PhD (Philology); Shodiev Fattah K., PhD (Political Science); Shulatov Yaroslav A., PhD (History); Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Simonova-Gudzenko Ekaterina K., DSc (History); Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Ovchinnikova Lyubov V., PhD (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Belilina Elena V.; Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Ovchinnikova Lyubov V., PhD (History); Surkova Tatiyana I. (*Head of Editors Office*)

Requirements for authors: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japonologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2018, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Полхов С.А. Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку (Часть 1).....	6
Кужель Ю.Л. Японская иконография в камне	22
Жанг Тхи Тхом, Муратшина К.Г. Проявления «мягкой силы» в гуманитарном сотрудничестве Японии и Вьетнама	41
Катасонова Е.Л. Военнопленные Халхин-Гола	58
Кузьминков В.В. Японская историография проблемы территориального размежевания между Россией и Японией.....	68
Карелова Л.Б. Пространство и время в философии Нисида Китаро.....	80
<i>Научная жизнь</i>	
Казаков О.И. О конференции «Япония в Восточной Азии: политика, экономика».....	91

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2018, N 1

CONTENTS

Polkhov S.A. Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo (Part 1).....	6
Kuzhel Yu.L. Japanese Stone Iconography.....	22
Giang Thi Thom, Muratshina K.G. Soft Power in Japan–Vietnam cultural interaction	41
Katasonova E.L. Khalhin-Gol: The Prisoners of the War.....	58
Kuzminkov V.V. Modern Japanese historiography debates over the territorial delimitation between Russia and Japan	68
Karelova L.B. Space and Time in the Philosophy of Nishida Kitaro.....	80
<i>Academic Events</i>	
Kazakov O.I. On the Conference “Japan in East Asia: Politics, Economics”	91

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10001

Наставления Мори Мотонари сыновьям: ценности, идеалы и политическая стратегия даймё периода Сэнгоку

(Часть 1)¹

С.А. Полхов

В статье представлено первое в отечественном японоведении исследование и комментированный перевод четырёх писем с поучениями для сыновей могущественного даймё периода «воюющих княжеств» (1467–1590) Мори Мотонари. Эти документы отражают важнейшие ценности удельного князя, стремящегося обеспечить процветание и сохранение в будущем своего рода. Единение между сыновьями, возглавившими кланы Мори, Киккава и Кобаякава, рассматривается в посланиях Мотонари как стратегия укрепления их власти и положения дома Мори.

Ключевые слова: Мори Мотонари, Мори, Киккава, Кобаякава, какун, наставления, период Сэнгоку, сэngoку даймё, Ходзё Удзицуна, Асакура Такакагэ.

Teachings of Mori Motonari for the Sons: Values, Ideals and Strategy of the Sengoku Daimyo

(Part 1)

S.A. Polkhov

The article presents the study and first Russian commented translation of four letters with behavioral guidelines for the sons of Mori Motonari, a powerful Japanese daimyo of the Sengoku period (1467-1590). These documents reflect the most important values of the provincial lord, who aspires to ensure prosperity and preservation of his clan. The unity of the sons, who led the clans of Mori, Kikkawa and Kobayakawa, is regarded in messages of Motonari to be a strategy of strengthening their power and ensuring the stability and prosperity of the Mori house.

Keywords: Mori Motonari, Mori, Kikkawa, Kobayakawa, kakun, behavioral guidelines and teachings, Sengoku period, sengoku daimyo, Hojo Ujitsuna, Asakura Takakage.

---

¹ Часть 2 (окончание) будет опубликована в следующем номере журнала «Японские исследования».

Дом Мори: восхождение к господству в Западной Японии

Дом Мори восходит к Оэ-но Хиромото (1148–1225), ближайшему сподвижнику Минамото-но Ёритомо (1147–1199), основателя Камакурского сёгуната. Хиромото возглавлял *мандокоро*, важное ведомство военного правительства, а также играл существенную роль в поддержании связей между бакуфу и императорским двором. Он получал доходы из многих вотчин, среди них было и владение Мори-но сё в провинции Сагами. Хиромото передал Мори-но сё четвертому сыну Суэмицу, эта же вотчина дала имя Суэмицу и его потомкам.

Впоследствии потомки Оэ-но Хиромото получили должность *дзито* в Ёсида-но сё в уезде Таката на северо-востоке провинции Аки² на западе Японии. Именно там в 1336 г. был возведён замок Коорияма-дзё, родовая твердыня клана Мори [12, с. 21]. Пережив войну Южного и Западного дворов, дом Мори постепенно расширял свои владения и к середине XV в. контролировал в провинции Аки уезд Таката и юго-восток уезда Такамия. Однако главной линии этого рода пришлось вести упорную борьбу с боковыми ветвями, получившими немалую часть родовых земель. Непокорных родственников превращали в вассалов или уничтожали [13, с. 90, 91].

Во время смуты годов Онин³ Мори Тоёмото (1444–1476), дед Мотонари, сначала воевал на стороне Восточной армии, но в 1471 г. примкнул к Западной. После окончания смуты дом Мори вынужден лавировать между различными силами, всё чаще сближаясь с Оути, могущественными даймё Западной Японии. Признание их сюзеренитета проявилось в получении земельных пожалований и иероглифов из имен глав клана Оути. Так, Мори Хиромото (1466–1506), наследник Тоёмото, взял часть имени Оути Масахиро (1446–1495), а Окимото (1492–1516), сын Хиромото – часть имени Оути Ёсиоки (1477–1528).

При Хиромото клан Мори стал заметной силой, которую, с одной стороны, старался удержать в орбите своего влияния дом Оути, а с другой – привлечь к себе дом Хосокава [16, с. 93], который стал оказывать решающее влияние на политику бакуфу после переворота 1493 г., в результате которого сёгун Асикага Ёситанэ (1466–1523) был лишён власти. Его преемником стал Асикага Ёсидзуми (1479–1511), опиравшийся на Хосокава. Свергнутый Ёситанэ, заручившись поддержкой Оути Ёсиоки, стал готовиться к походу на Киото, чтобы вернуть власть. Ёсиоки требовал от дома Мори поддержать Асикага Ёситанэ, тогда как Масамото, глава дома Хосокава – подчинения приказам бакуфу. В 1507 г. Масамото был убит одним из своих вассалов, после чего дом Мори, ранее склонявшийся на сторону Хосокава, вновь присоединился к Оути [16, с. 97–100]. В 1508 г. Мори Окимото вместе с другими воинами провинции Аки принял участие в походе Оути Ёсиоки на Киото, в результате которого Ёситанэ вновь стал сёгуном.

Мори Мотонари⁴ (детское имя – Сёдзюмару) родился в 1497 г. и был младшим братом Окимото. Когда ему было 5 лет, умерла его мать – дочь Фукухара Хиротоси, вассала Мори, а когда ему исполнилось 10 лет, ушёл из жизни отец Хиромото, который при жизни отказался от места главы клана в пользу старшего сына Окимото. Мотонари досталась от

² Соответствует части территории префектуры Хиросима современной Японии.

³ Подробнее о смуте годов Онин [28. С. 143–145].

⁴ Мори Мотонари (毛利元就, 1497–1571).

отца небольшая часть владений с замком Саругакэ. Но и этот маленький удел долгое время удерживал под своим контролем Иноуэ Мотомори, могущественный вассал Мори и опекун Мотонари [17, с. 276]. Мотонари провёл детство в усадьбе близ замка Саругакэ, его воспитывала Оката *доно* – «госпожа Оката», наложница его отца, происходившая из рода Такахаси. О ней Мотонари впоследствии не раз вспоминал с большой теплотой.

В 15 лет Сёдзюмару прошёл обряд совершеннолетия *гэмпуку*. После этого он и получил имя Мотонари, в которое вошёл родовой иероглиф *мото*, составлявший часть имени его предков. В 1516 г. в 24 года глава дома Окимото умер, ему наследовал двухлетний сын Комацумару. Именно тогда политический вес и авторитет Мотонари в доме Мори начинает расти. В 1523 г. после болезни умирает Комацумару. На совете вассалов решается вопрос о наследнике. Часть вассалов выступала за то, чтобы место главы клана досталось отпрыску дома Амаго, влияние которого в провинции Аки возросло. Однако одержали верх сторонники Мотонари, который в 27 лет возглавил клан. Вскоре был раскрыт заговор части вассалов, желавших поставить на место Мотонари его младшего брата, который затем был убит [24, с. 59].

На короткое время дом Мори признает зависимость от рода Амаго, ветви клана Сасаки. Амаго Цунэхиса (1458–1541), занимавший первоначально пост заместителя *сюго* (военного наместника) Идзумо, смог также распространить своё влияние на многие провинции Западной Японии. Его сын Харухиса (1514–1560) получил от бакуфу назначение на посты *сюго* восьми провинций.

Однако уже в 1525 г. Мотонари вновь признаёт зависимость от дома Оути и участвует в войне против Амаго, постепенно расширяя свои владения. В 1533 г. при посредничестве Оути Ёситака (1507–1551) императорский дом присвоил Мори Мотонари титул Ума-но ками («начальника Отдела правой конюшни») и 5-й младший ранг нижней ступени. В 1537 г. Мотонари посылает в качестве заложника своего старшего сына в столицу княжества Оути, где тот после ритуала *гэмпуку* получает имя Такамото, в которое вошёл и иероглиф имени Ёситака [16, с. 137].

В 1540 г. большое войско клана Амаго и их союзников подступает к замку Коориямадзэ. В 1541 г. Мори при поддержке Оути переходит в контрнаступление, армия Амаго, терпя поражения, отступает. Последующие военные экспедиции Оути в княжество Амаго не увенчались успехом, но участвовавший в них Мотонари проявил недюжинные таланты полководца и дипломата, постепенно превращая Мори в наиболее влиятельный военный дом провинции Аки.

Чтобы укрепить свой авторитет, он использовал личные связи и брачные союзы. Для достижения цели Мотонари проявлял не только политическую изворотливость, но и коварство и жестокость. В 1538 г. он выдал старшую дочь за Сисидо Такаиэ (?–1592), главу влиятельного самурайского рода Аки, с которым ранее враждовал дом Мори. Тем самым было закреплено достигнутое ранее примирение, а Такаиэ стал верным соратником Мотонари.

Могущество дома Мори ещё более возросло после того, как два сына Мотонари возглавили военные дома Кобаякава и Киккава. Клан Кобаякава, делившийся на две ветви, Нута и Такэхара, обладал собственным флотом во внутреннем Японском море. После смерти Кобаякава Окикагэ (Такэхара), не оставившего наследника, по решению вассалов Кобаякава сын Мотонари по имени Такакагэ в 1544 г. был призван для управления домом. Приглашение Такакагэ было не случайным. Мори и Кобаякава связывали родственные узы: младшая

сестра Мотонари была женой покойного Окикагэ. Вскоре Такакагэ унаследовал и место главы линии Нута Кобаякава, из которой происходила одна из наложниц Мотонари. Сигэхира, старший сын павшего в битве (Нута) Кобаякава Масахира, ослеп. При поддержке Мори вассалы Кобаякава выбрали Такакагэ главой клана, женив его на сестре Сигэхира. После того как в 1550 г. Такакагэ стал управлять домом Нута Кобаякава, над сторонниками Сигэхира была учинена жестокая расправа. Сигэхира принял постриг и сохранил себе жизнь [12, с. 62, 63; 24, с. 93–97].

Дом Киккава также имел тесные связи с Мори: Мёкю, жена Мотонари, была дочерью Киккава Куницунэ (1443–1531). Киккава Окицунэ (1508–1550) приходился Мёкю племянником. Окицунэ встал на сторону Амаго в войне домов Амаго и Оути и принял участие в осаде Коорияма-дзё. Разгневанный Оути Ёситака даже пожаловал его земли Мотонари. Однако хлопотами последнего Окицунэ был прощён. В то же время дом Киккава был охвачен раздорами. Недовольные Окицунэ могущественные вассалы организовали убийство его фаворита. В 1545 г. под давлением противников, поддерживаемых Мори, Киккава Окицунэ согласился уступить главенство в клане Мотохару второму сыну Мотонари. По условиям соглашения он получал в качестве владения часть земель Киккава. В случае рождения у него дочери, а у Мотохару сына, их предполагалось поженить [24, с. 98–100]. Однако Мотонари не думал выполнять договоренности. Земли, ранее выделенные Окицунэ, были отобраны, а сам он в 1550 г. убит вместе с сыном по приказу Мотонари.

В том же 1550 г. Мотонари безжалостно расправился с вассальным родом Иноуэ, представители которого ранее помогли одержать немало военных побед. Позднее он обвинял их в своеволии, неподчинении приказам и неисполнении вассальной службы. В 1549 г. Мотонари в сопровождении сыновей Мотохару и Такакагэ прибыл в Ямагути. Целью поездки было изъявление благодарности сюзерену Оути Ёситака, с согласия которого Мотохару и Такакагэ возглавили дома Киккава и Кобаякава. Ёситака был также уведомлён о готовящемся ударе по Иноуэ. Вскоре после возвращения в удел Мотонари начал действовать. Отряд из более чем трёхсот всадников окружил усадьбу старейшины рода Иноуэ Мотоканэ, который с одним из своих сыновей оказал сопротивление, а затем совершил *сэнтуку*. В общей сложности погибло 30 отпрысков Иноуэ, но некоторые были пощажены ввиду верной службы и близких родственных связей с Мори [12, с. 72–76; 24, с. 103–106]. Место главы клана унаследовал Иноуэ Мотомицу, младший брат Мотоканэ, женатый на сестре Мотонари [18, с. 66].

В 1551 г. произошло событие, кардинальным образом изменившее судьбу Мотонари. Полководец дома Оути по имени Суэ Харуката (Такафуса, 1521?–1555) поднял мятеж против своего господина Ёситака, который вынужден был совершить самоубийство. Харуката поставил во главе клана Оути Ёсинага (Харухидэ, ?–1557), младшего брата Отомо Сорин (1530–1587), могущественного князя севера Кюсю. Вместе с тем Оути Ёсинага приходился племянником низложенному Ёситака, так как был сыном его младшей сестры.

Ёситака был сюзереном Мотонари. Однако, согласно заключению японских историков, Мотонари не только знал о планах Суэ Харуката, но и участвовал в их осуществлении, переманивая на сторону заговорщиков воинов провинции Аки. К середине XVI в. Мотонари стал лидером самурайских кланов провинции Аки и фактически выступал посредником при их контактах с даймё Оути. Вскоре после начала бунта Мотонари напал на некоторые замки,

где находились верные Оути Ёситака гарнизоны, и присоединил их к своему уделу вместе с окрестными землями. Вслед за этим Оути Ёсинага официально подтвердил права Мотонари на владение ими. Скорее всего, эти крепости были заранее обещаны ему Суэ Харуката в награду за участие в заговоре [18, с. 93–96]⁵. Учитывая вышеуказанные обстоятельства, вряд ли оправданно вслед за Дж. Сэнсомом считать Мотонари «верным вассалом», «отомстившим» Суэ за своего господина Ёситака [30, р. 234, 235]. Несмотря на причастность к заговору против сюзерена, Мори Тэрумото позднее преподнёс свиток с портретом Ёситака в Рюфукудзи, его поминальный храм⁶, а с середины 1570-х годов по желанию Тэрумото стали проводиться заупокойные службы по Ёситака, которые продолжались и в период Эдо [29, с. 180]⁷.

В 1553 г. Мотонари развернул наступление в провинции Бинго, тесня сторонников клана Амаго. Управление Хатагаэси-дзё, одним из захваченных замков, он хотел доверить своему вассалу, однако Суэ Харуката воспротивился этому решению, сделав командующим гарнизоном своего человека. В 1554 г. Мотонари после продолжительных совещаний с вассалами решил открыто порвать с Харуката и его креатурой Оути Ёсинага. Отряды Мори атаковали крепости Суэ Харуката, и последний расценил действия Мотонари как предательство [16, с. 169–173]. В том же году Мотонари нанёс ощутимое поражение силам Суэ, посланным для осады крепости дома Мори на границе Аки в битве при Осикибата. В 1555 г. решающее сражение между Мори Мотонари и Суэ Харуката произошло на берегах острова Ицукусима (Миядзима), где располагался комплекс особо почитаемых синтоистских святилищ.

К востоку от святилища по приказу Мотонари был построен замок Мияо-дзё. Остров Ицукусима занимал важное стратегическое положение. Вероятно, Мотонари возводил крепость, рассчитывая, что Суэ Харуката на неё нападет. Войско Мотонари по количеству воинов значительно уступало вражеским силам, но в гористой местности Ицукусима маневрировать большой армией было трудно, и численное преимущество во многом теряло значение. Несмотря на предостережения одного из своих полководцев, в 1555 г. Суэ Харуката высадил 20-тысячную армию и осадил Мияо-дзё. Войско дома Мори сошло на берег острова в другом районе и, разделившись на две части, незаметно подошло к основным силам противника. С одной стороны внезапный удар нанесли две тысячи воинов Мотонари, а с другой – полторы тысячи самураев Кобаякава Такакагэ. Силы Харуката были разгромлены, а сам он покончил с собой. Одновременно корабли Мори и их союзников уничтожили флотилию дома Оути [12, с. 102–110]. Эта победа открыла путь к дальнейшим завоеваниям: Мотонари к 1557 г. подчинил провинции Суо и Нагато – главные провинции княжества Оути, и дом Мори вошёл в число самых могущественных кланов юго-западной Японии.

---

⁵ Кисида отвергает прежде распространенную оценку этих событий, согласно которой Мотонари будто бы не одобрял заговор, но силы его были малы и он выжидал, не вмешиваясь в борьбу в доме Оути, готовясь выступить против Суэ Харуката.

⁶ Храм расположен в г. Ямагути (преф. Ямагути).

⁷ Ямамура Кёко считает, что таким образом дом Мори стремился подчеркнуть свою преданность Оути, и тем самым переписать действительную историю – затушевать совершенное предательство. Однако возникает вопрос, не было ли проведение заупокойных служб способом умиловить дух погибшего Ёситака? В японской истории предостаточно случаев, когда из страха перед мстостью умерших врагов сооружались храмы для их умиротворения. Интересно, что заупокойные службы проводились и по Оути Ёсинага, ставленнику Суэ Харуката.

Поучения Мотонари и семейные наставления *сэнгоку даймё*

В данной работе представлен перевод четырёх писем Мори Мотонари сыновьям⁸, осуществленный с их научного издания с комментариями Исии Сусуму в 1-м томе «Социально-политической идеологии Средневековья» [3, с. 357–368]. Проводя исследование, автор также использовал оригинальную публикацию этих писем в серии «Дайнихон комондзё» [2]⁹. Письма собственноручно написаны Мотонари, дошли до нас в подлиннике и входят в собрание документов дома Мори («Мори-кэ мондзё»), которому присвоен официальный статус «важного культурного достояния» Страны восходящего солнца. В настоящее время это собрание наряду с другими важными источниками хранится в музее Мори (*Мори хакубуцукан*) в городе Хофу префектуры Ямагути. Музей был создан в усадьбе князей Мори, владевших в эпоху Токугава княжеством Тёсю. Все экспонаты ранее принадлежали и передавались по наследству в клане Мори [26]¹⁰.

Первое и наиболее известное из писем датируется 1557 г., в остальных время создания не указано. Второе послание отправлено старшему сыну Такамото, видимо, одновременно с первым. Третье письмо, возможно, написано в 1550 г., сразу после уничтожения значительной части рода Иноуэ, о котором в нём немало сказано. Последнее, четвёртое письмо появилось в 1557 г. или несколько позднее, но в любом случае до смерти адресата – Мори Такамото¹¹. Документы написаны каной и иероглифами в эпистолярном стиле *соробун* и не предназначались для прочтения третьими лицами. Обычно Мотонари просил сыновей возвращать обратно или сжигать свои письма [10, с. 12].

Письмам присущ интимный, доверительный тон. Это в полном смысле слова поучения для близких родичей, а не широкого круга служилых людей. Можно вслед за Исии [15, с. 523] сказать не только о первом, но и обо всех четырёх письмах, что они очень вежливы и полны внимания и душевной теплоты по отношению к детям. Говоря о себе, Мотонари употребляет деприциативные выражения, тогда как об адресате (своих сыновьях) пишет, прибегая к гоноративу. Прав и Кондо Хитоси, считающий, что назидания Мотонари отражают в концентрированном виде жестокий жизненный опыт периода *Сэнгоку* [21, с. 106].

Первое из рассматриваемых писем Мори Мотонари, начертанное кистью на свитке длиной 2,75 м и включающее 14 статей, занимает особое место. Оно самое большое по объёму текста и адресовано трём сыновьям Мотонари – Такамото, Мотохару и Такакагэ. Мотонари написал его во время подавления восстания в провинции Суо – бывших землях дома Оути. В трёх письмах, перевод которых приведён в данной работе, Мотонари просит их вернуть обратно после прочтения. Однако такой просьбы нет в наставлениях из 14 статей, которые, как вероятно он рассчитывал, сыновья должны были хранить и перечитывать.

В эпохи Камакура и Муромати как военная аристократия, так и простые самураи составляли поучения для своих родственников и вассалов – *какун* (家訓, «клановые

⁸ Первые два документа переведены полностью, два последних – с незначительными сокращениями.

⁹ Документы № 405, 406, 418, с. 91–99, 122–126.

¹⁰ Общее число единиц хранения музея составляет около 20 тыс. единиц, в числе которых 10 тыс. документов. Среди прочего там находятся доспехи Мори Мотонари, а также его портрет.

¹¹ В определении времени составления писем я следую точке зрения Исии Сусуму [15, с. 523, 524].

наставления»)¹². К периоду *Сэнгоку* относятся поучения, написанные удельными правителями – *сэнгоку даймё*. Ходзё Соун (1432–1519), основателю могущественного клана Гоходзё области Канто, приписываются поучения из 21 статьи, текст которых, по-видимому, был написан им лично или же его третьим сыном Нагацуна на основании записей отца в первое двадцатилетие XVI в. Как пишет Карл Стенструп, этот памятник обращён не только к отпрыскам рода Гоходзё, но и к их самураям¹³. В ст. 21 изложены принципы поведения воина. В ст. 1 подчёркивается необходимость почитания синтоистских богов и будд – это своего рода топос средневековых дидактических сочинений и законодательных сводов. Распорядок дня и рутинные правила повседневной жизни самурая устанавливаются в ст. 2, 3, 4, 7, 18, 19, 20. Прописаны и нормы этикета во время службы и по отношению к господину (ст. 8, 9, 10) и другим вассалам (ст. 11, 13). В ст. 5, 14 содержатся морально-нравственные предписания, а ст. 6 Соун призывает отказаться от роскоши в одежде. На досуге воину следует читать и практиковаться в письме (ст. 12), заниматься верховой ездой (ст. 16). Составитель также советует ему изучать искусство стихосложения (ст. 15). Друзей стоит искать среди тех, кто учится и практикует каллиграфию (ст. 17). В последней статье наставлений Соун акцентируется важность постижения как пути военного искусства (*бу*, 武), так и пути «культурности» и гражданского управления (*бун*, 文) [4]. Этот постулат неоднократно встречается в морально-дидактических сочинениях японского Средневековья.

В отличие от Ходзё Соун, его сын Ходзё Удзицуна (1486–1541) и даймё Асакура Такакагэ (1428–1481)¹⁴ адресуют свои сочинения наследникам и потомкам. Их заповеди содержат советы для удельного князя периода *Сэнгоку*. В поучениях Асакура (1471–1481 гг.)¹⁵ даны рекомендации относительно управления вассальным домом и княжеством. В ст. 1, 2, 8, 10 обрисованы принципы назначения на должности и приёма на службу служилых людей и вассалов; в ст. 9 и 16 обосновывается необходимость разного отношения к верным и нерадивым вассалам. В ст. 13–16 говорится об инспекциях даймё и его эмиссаров на местах, вводится запрет на строительство замков в княжестве, провозглашается необходимость справедливого и беспристрастного суда. В ст. 4–7 автор поучений призывает к умеренности и разумной экономии, отказу от роскоши. В ст. 12 – призыв следовать не приметам, а исходить во время войны из обстоятельств и прагматических соображений, молиться божеству войны Хатиман и Мариси-тэн, бодхисаттве-покровителю воинов [1, с. 353–356].

В наставлениях Ходзё Удзицуна (1541 г.) для старшего сына Удзиясу говорится о том, что военачальник должен следовать долгу (*ги* 儀, *гири*, 義理 – ст. 1, 2). Удзицуна настаивает, что правитель обязан использовать служилых людей сообразно способностям (ст. 2), а также проявлять милосердие и жалость ко всем – от самураев до простолюдинов. Согласно ст. 3 и ст. 4 самураи должны жить по средствам и избегать роскоши, соблюдая бережливость во

¹² Жанр клановых и семейных поучений, популярный в средневековой Японии, был принесён из Китая. Об истоках и истории *какун* [21, с. 3–35].

¹³ Назидания из 21-й статьи получили распространение среди жителей всего княжества Гоходзё, использовались как свод этических правил и текст для обучения письму [31, с. 287].

¹⁴ В надёжных источниках того времени этот даймё именуется Такакагэ, а не Тосикагэ [15, с. 520]. Такое же имя носил и правнук автора наставлений Асакура Такакагэ (1493–1548), при котором княжество Асакура достигло расцвета.

¹⁵ «Асакура Эйрин кабэгаки» («Настенные предписания Асакура Эйрин»). Перевод на русский язык и научное исследование этого памятника осуществлены В.Ю. Климовым [20].

всем. В ст. 5 Удзицуна предостерегает от самодовольства и презрения к противнику после одержанной победы [6, с.119–122].

Письма Мори Мотонари ближе к наставлениям Асакура Такакагэ и Ходзэ Удзицуна, чем к поучениям Ходзэ Соун, и адресованы трём его сыновьям – главам домов Мори, Киккава и Кобаякава, а не всем самураям дома Мори. В то же время Мотонари написал их задолго до своей кончины, тогда как наставления Удзицуна датированы годом его смерти. Содержание писем Мотонари тесно связано с текущей политической ситуацией и вызовами, перед лицом которых оказался дом Мори к середине XVI в. Это не моральные назидания абстрактного характера, не описание приличий и правил благопристойности, которые устанавливались во многих *какун* японского Средневековья. Вместе с тем письма Мотонари, в том числе наиболее пространное 14-статейное послание сыновьям, далеки и от законодательных уложений *сэнгоку даймё*, предназначенных для управления княжеством, с которыми иногда сближают наставления Асакура Такакагэ¹⁶.

Ещё одной отличительной чертой писем Мори Мотонари является их автобиографичность. Поучая сыновей, он вспоминает пережитое и делится своим опытом. Таких воспоминаний в его посланиях гораздо больше, чем в других наставлениях воинов эпох Камакура и Муромати.

Наставление из 14 статей: родовые заповеди дома Мори

В первом послании Мотонари, которому исполнился к тому времени 61 год, выступает с позиции старейшины и фактического предводителя клана, поучающего своих детей. В начале письма выражена важнейшая ценность самураев японского Средневековья – стремление к сохранению и продолжению клана. «Важно заботиться и радеть о том, чтобы имя [рода] Мори до скончания времен не угасло», – увещает Мотонари своих детей (ст. 1). Он придаёт особый смысл своим наставлениям, желая, чтобы ими руководствовались не только его сыновья, но и внуки. Мотонари надеется, что дома Мори, Киккава и Кобаякава сохранятся на протяжении нескольких поколений, хотя и сомневается, что в век конца буддийского закона такое возможно (ст. 6). Примечательно, что и Асакура Такакагэ ожидает, что его потомки будут следовать его заповедям при управлении княжеством, и тогда они сохранят свой удел, а имя рода Асакура продолжится. Если же кто-либо из потомков будет вести себя своевольно, нарушит его заветы, всенепременно раскается, уверен Асакура Такакагэ (ст. 16) [1, с. 352]¹⁷. Таким образом, и в письме Мори Мотонари, и в наставлениях Асакура проявляется забота о продлении рода и его имени. В обоих случаях авторы рассчитывают, что написанное ими станет родовыми заповедями.

Главная тема наставлений Мотонари – надлежащие отношения между тремя братьями. Он призывает своих отпрысков к единству и предостерегает от раздоров. Старшему сыну

¹⁶ Впрочем, такое сближение вызывает много вопросов. Законодательные уложения *сэнгоку даймё* – судебники, ориентированные на урегулирование конфликтов не только между самураями, но и отчасти между другими социальными группами. Наставления Асакура Такакагэ, адресованные его потомкам, не являлись судебным кодексом.

¹⁷ В.Ю. Климов передаёт бином *мацуё* (*бацуё*, 末葉) из 16-й статьи наставлений Асакура Такакагэ словосочетанием «последний потомок» [20, с. 89]. Однако *мацуё* в словарях «Сансэйдо», «Дайдзисэн» и «Кодзиэн» трактуется просто как «потомки», причём в «Сансэйдо» – со ссылкой на португало-японский словарь, составленный иезуитами в начале XVII в.

Такамото, управляя домом Мори, следует опираться на младших братьев, подчёркивает Мотонари.

К 1557 г. Такамото уже более десяти лет был главой клана Мори, поскольку отец формально уступил ему своё место в 1546 г. Но на деле Мотонари сохранял огромное влияние и авторитет, продолжая властвовать над домом и уделом вместе с Такамото, ключевые решения не принимались без его одобрения [16, с. 192–193]. Судом и улаживанием ссор между вассалами занимался глава дома Такамото, именовавшийся в документах *тоно сама* (господин). Мотонари же назывался *уэсама*¹⁸ и по-прежнему ведал пожалованиями земли и военной службой вассалов [11, с. 185, 186, 225].

Однако в 1557 г. Мотонари объявил, что желает отойти от дел окончательно. Не вполне ясно, насколько он был искренен, сообщая сыновьям о своём решении. Однако Такамото воспринял его намерения всерьёз и в письмах жаловался на отсутствие способностей и сложность управления большим уделом, высказывая опасения, что приведёт дом Мори к падению. Он даже грозил отречься в пользу малолетнего сына Тэрумото (1553–1625) [23, с. 25, 26]. После долгой переписки с сыном Мотонари отказался от прежних планов уйти на покой, а Такамото остался во главе клана, потребовав, чтобы братья оказывали ему помощь в делах правления. На деле свобода действий Такамото была ограничена. Главные направления внешней и внутренней политики определялись Мотонари, хотя решения обсуждались в кругу его близких родственников и видных вассалов [23, с. 25].

Мотонари видит в Мотохару и Такакагэ помощников главы клана Такамото и утверждает, что их происхождение важнее, чем статус глав домов Киккава и Кобаякава, призывая их не «придавать забвению два знака [из имени] Мори» (ст. 2). «Вместе с тем даже незначительные взаимные разногласия могут привести к вашей гибели», наставляет он сыновей (ст. 3). Такамото следует снисходительно относиться к Мотохару и Такакагэ, если они не разделяют его мнение, они же обязаны повиноваться его приказаниям, как и другие вассалы Мори (ст. 5).

Такамото следует опираться на младших братьев, и тогда его власть над домом Мори упрочится, что в свою очередь станет условием укрепления Мотохару и Такакагэ контроля над своими домами (ст. 4). Сотрудничество тем самым оказывается взаимовыгодным. Это увещание свидетельствует о том, что дома Киккава и Кобаякава сохранялись как обособленные от Мори объединения вассалов даже после того, как их возглавили сыновья Мотонари. Мотонари и Такамото вынуждены были признавать их определенную самостоятельность, так как попытка присоединения к дому Мори была чревата мятежами и предательствами.

Можно согласиться с Каваи Масахару, по мнению которого наставления из 14 статей – это провозглашение системы *Мори рёсэн* («двух рек Мори»), названной так по иероглифу «река» (сэн/кава), входящему в фамилии Киккава и Кобаякава. Её суть заключалась в опоре главы дома Мори на Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ, которые оказывали ему всемерную поддержку [16, с. 194–195]. Политический механизм *Мори рёсэн* действовал как в правление Такамото, так и при его сыне и преемнике Тэрумото, верными помощниками которого были дядя Мотохару и Такакагэ.

Вместе с тем в наставлениях утверждается главенство Такамото по отношению к братьям. Тем самым, как справедливо указывает Кисида, Мотонари стремился исключить борьбу за

---

¹⁸ *Уэсама* (上様) называли тэнно, сёгуна или высокопоставленного и знатного человека.

власть между братьями, иначе говоря, не допустить *гэкокудзё* [18, с. 138] – «ниспровержения низами верхов», столь распространенного в то время. Примечательно, что на письмо Мотонари с назиданиями Такамото через день дал ответ (*укэбуми*), подписанный также и Мотохару и Такакагэ, в котором подтвердил готовность повиноваться советам и указаниям отца [2, с. 99–102]¹⁹. В тот момент Такамото был с отцом, но Мотохару воевал в провинции Ивами, а Такакагэ выступил в поход к замку Тода, твердыне дома Амаго. По-видимому, сначала Такамото от своего имени, а также от имени братьев представил отцу *укэбуми*, а Мотохару и Такакагэ позднее поставили свои росписи (монограммы) на этом документе. Это ответное послание никак нельзя считать спонтанным: Мотохару и Такакагэ не могли не подчиниться воле Мотонари и Такамото [16, с. 195]²⁰.

Мотонари придаёт большое значение поддержанию хороших отношений между ближайшими родственниками. Он просит сыновей, проявляя сыновнюю почтительность, справлять заупокойные службы по матери Мёкю²¹, умершей в 1545 г. (ст. 7). Упомянув имя покойной жены в письмах детям, Мотонари стремился укрепить единство своей семьи, полагает Каваи Масахару [17, с. 278]. Можно добавить, что Мотонари апеллирует к её авторитету, чтобы придать бóльшую убедительность своим словам. Кроме того, Мотонари настаивает на том, чтобы трое братьев ладили с его зятем Сисидо Такаиэ, хозяином замка Горю-дзё, женатом на их сестре (ст. 9). Мотонари был обеспокоен ссорой между женами Сисидо Такаиэ и Киккава Мотохару²².

В послании упоминаются и другие «подобные маленьким букашечкам» дети Мотонари, который доверяет их будущее старшим сыновьям (ст. 9). Жена Мотонари принесла ему трёх сыновей (Такамото, Мотохару и Такакагэ) и трёх дочерей. Если прибавить к ним детей от связи с двумя наложницами после ухода из жизни Мёкю, то в общей сложности у Мотонари было девять сыновей и пять дочерей. Девятый сын родился в 1567 г., когда Мотонари было за семьдесят лет [12, с. 69–70]²³.

Вторая половина послания содержит воспоминания Мотонари, с помощью которых он продолжает поучать своих сыновей, предлагая им средство выживания в трудную пору смут и междоусобиц. Со скромностью, граничащей с самоуничижением, Мотонари говорит о том, что ни доблестью, ни бесстрашием, ни умом и способностями, ни прямоотой и честностью не превосходил других, «не оберегали [более других] бодхисаттвы и божества» и несмотря на это сумел выжить (ст. 11). Он признаётся, что не знает причину своей удачливости, но вслед за этим рассказывает об обряде, усвоенном в детстве, когда после смерти обоих родителей он жил у Оката *доно*, наложницы своего отца, которая, можно сказать, заменила ему мать. Мотонари воспринял от неё тайный обряд, о котором она узнала от одного странствующего монаха: каждое утро молиться восходящему солнцу и десять раз возглашать памятование

¹⁹ Документ № 407.

²⁰ Иная точка зрения, правда, недостаточно аргументированная, состоит в том, что в момент написания наставлений из 14 статей и Мотохару, и Такакагэ были вместе со старшим братом и отцом в одном месте, в провинции Суо [10, с. 59].

²¹ Светское имя жены Мотонари неизвестно, Мёкю – часть её посмертного имени – Мёкю Дзёсицу. Она умерла в 1545 г. в возрасте 47 лет [17, с. 278].

²² Мотохару был женат на женщине из военного рода Кумагаи, которой приписывали не только необыкновенную красоту, но и крайне сварливый нрав.

²³ На момент составления поучений из 14 статей троим малолетним сыновьям от одной из наложниц было 7 лет, 6 лет и 3 года.

о Будде. «И думаю, не стало ли это моей защитой», – говорит Мотонари. Он советует сыновьям следовать своему примеру, говоря, что «и луне и солнцу надо равным образом поклоняться» (ст. 12).

Кроме того, Мотонари рассказывает сыновьям, что издавна чтит божество Ицкусима. Свои победы в сражениях он считает свидетельством покровительства этого великого пресветлого божества и желает, чтобы и дети ему поклонялись (ст. 13). В наставлениях этот призыв выглядит как практическая рекомендация для достижения успеха на войне и в политике, а не выражение чисто религиозного чувства.

Некоторые историки в определённой степени идеализировали фигуру Мотонари, рассматривая его преимущественно как талантливого правителя и доблестного полководца. Однако эта оценка подверглась пересмотру, стали обращать внимание и на его коварство и безжалостность, проявившиеся, например, в присоединении к заговору Суэ Харуката против дома Оути. Икэгами Хироко задаётся вопросом: не является ли Мотонари, захвативший контроль над домами Киккава и Кобаякава и уничтоживший клан Иноуэ, «единственным в своём роде злодеем» периода *Сэнгоку*? [13, с. 95]. В письме сыновьям Мотонари признаётся, что «сгубил многих людей» и с трепетом ожидает воздаяния, беспокоясь не столько о себе, сколько о детях, которых он призывал проявлять осмотрительность.

Ямамура Кёко обращает внимание на то, что наставления из 14-ти статей Мотонари не привели к полному исчезновению трений между главой клана Такамото и его братьями. Такамото позднее жаловался отцу, что братья ему не помогают, не советуются с ним, дела обсуждают тайком без него [29, с. 147]. Вместе с тем ничего не известно о серьёзных конфликтах между Такамото, с одной стороны, и Мотохару и Такакагэ – с другой, до самой кончины Такамото, а дома Киккава и Кобаякава стали надёжной опорой Мори Тэрумото, наследника Такамото.

Сохранились письма Такамото, а также письма, подписанные всеми тремя братьями, из которых следует, что они не только бережно хранили наставления из 14 статей у себя, но и время от времени перечитывали их. Таким образом, эти поучения, несомненно, не были простым письмом [10, с. 58].

В 1563 г. Мори Такамото, которому исполнился 41 год, внезапно умер. Вероятно, он был отравлен на пиру в замке Вати Нобухару, одного из землевладельцев провинции Бинго. Были подозрения, что за отравлением стояли Нобухару и Акагава Мотоясу, вассал Мори, тайно перешедший на сторону дома Амаго [12, с. 163]. Дом Мори унаследовал Тэрумото, внук Мотонари, который опирался на деда и братьев умершего отца.

После капитуляции в 1566 г. Тода-дзё, главного замка Амаго в провинции Идзумо, род Мори стал самым могущественным княжеским домом Западной Японии. В его владениях укрывался Ёсиаки (1537–1597), последний сёгун династии Асикага, изгнанный Ода Нобунага из Киото в 1573 г. Мори принимали участие во враждебных Нобунага коалициях даймё, однако после гибели «первого объединителя» Японии подчинились его преемнику Тоётоми Хидэёси. В битве при Сэкигахара в 1600 г. дом Мори сражался вместе с противниками Токугава Иэясу, который после победы конфисковал шесть из восьми провинций, принадлежавших Мори. В эпоху Эдо Мори правили княжеством Тёсю: ему суждено было стать ядром антисёгунской коалиции, действия которой привели к свержению Токугава бакуфу в 1867 г.

Примечательно, что наставления Мори Мотонари из 14-ти статей читались в его роду и после смерти. Тэрумото неоднократно обращался в письмах к поучениям деда, именуя их *Нитирай гоицу* («послание Нитирай», 日頼御一通). Нитирай – посмертное имя Мотонари, содержащее иероглиф «солнце», что связано с почитанием им солнечного диска. В письмах своим дядьям Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ даймё Тэрумото призывал их советоваться друг с другом в соответствии с заветами Нитирай сама (т.е. Мотонари). Таким образом, наставления Мотонари из 14-ти пунктов, на которые ссылался его внук в письмах близким сородичам, рассматривались как документ, накладывавший обязательства на потомков. Тэрумото призывал их хранить единство или держать совет в критические для домов Мори, Киккава и Кобаякава моменты: вторжение в Западную Японию войска Гоётоми Хидэёси или поражение в 1600 г. в битве при Сэкигахара Западного лагеря, который поддержали Мори и Киккава. Таким образом, наставления Мотонари превратились в символ сплочения родственников, который приобрёл особое значение во время кризиса, в котором оказался дом Мори после поражения при Сэкигахара [29, с. 125, 126, 133].

Известно, что Мори Тэрумото зачитывал отрывки из послания с наставлениями деда перед вассалами [29, с. 124]. Видимо, фрагмент, зачитанный Тэрумото, записал по памяти один из слушателей, а его записи в свою очередь попали в некоторые сочинения периода Токугава. К тому же времени относится появление предания о том, как Мотонари, пребывая на смертном одре, будто бы призвал сыновей. Он показал им, что одну стрелу легко сломать, в отличие от соединённых вместе трёх стрел, и тем самым завещал хранить единство. В период Мэйдзи похожая легенда вошла в школьные учебники по моральному воспитанию [29, с. 117, 118].

(Окончание следует)

Библиографический список

Источники

1. Асакура Эйрин кабэгаки : [Настенные предписания Асакура Эйрин] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
2. Дайнихон комондзё. Извакэ дайхати : [Древние документы великой Японии, разделённые по домам. Т. 8]. Мори кэ мондзё : [Документы дома Мори]. Ч. 2. URL: <http://www.hi.u-tokyo.ac.jp>
3. Письма Мори Мотонари / с коммент. Исии Сусуму // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подгот. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
4. Соундзи доно нидзю икка дзё : [Двадцать одна статья Соундзи доно] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подготов. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
5. *Сьма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи»). Т. 6 / пер. и коммент. Р.А. Вяткина. М.: Наука, «Восточная литература», 1992.

Литература

6. Ходзё Удзицуна какиоки : [Завещанное Ходзё Удзицуна] // Букэ какун икун сюсэй. Одзава Томио хэнсю : [Собрание наставлений и увещаний военных домов] / сост. и коммент. *Одзава Томио*. Токио: Периканся, 1993.
7. *Акияма Нобутака*. Сэнгоку даймё Мори-си но кэнкю : [Исследование сэнгоку даймё рода Мори]. Токио: Ёсикава Кобункан, 1998.
8. Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто / под ред. И.С. Смирнова. М.: РГГУ, 2010.
9. Большой русско-японский словарь в 2-х томах / под ред. Н.И. Конрада. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1970.
10. *Годзё Сазэко*. Мори-кэ какун-но кэйсё : [Наследование наставлений дома Мори] // Кэнрицу Хиросима дайгаку сого кёйку сэнта киё 2, 68–51, 2017.
11. *Икэ Сусуму*. Сэнгоку-ки но тиики сякай то кэнрёку : [Общество и власть в провинциях в период Сэнгоку]. Токио: Ёсикава Кобункан, 2010.
12. *Икэ Сусуму*. Тисё. Мори Мотонари. Кокудзин рёсю кара сэнгоку даймё э : [Мудрый военачальник. Мори Мотонари. От провинциального землевладельца к сэнгоку даймё]. Токио: Син Нихон сюппанся, 2009.
13. *Икэгами Хироко*. Сэнгоку-но гундзо. Нихон-но рэкиси. 10 : [Портреты периода Сэнгоку. История Японии. Т. 10]. Токио: Сюэйся, 1992.
14. *Исигэ Тадаси*. Сисоси-дзё Хидэёси : [Хидэёси с точки зрения идеологии] // Тоётоми Хидэёси-но субэтэ : [Всё о Тоётоми Хидэёси]. Под ред. Кувата Тадатика. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1991.
15. *Исии Сусуму*. Какун. Окибуми. Икки кэйдзё : [Клановые наставления, окибуми, договоры кокудзин икки] // Тюсэй сэйдзи сякай сисо : [Социально-политическая идеология Средневековья] / изд. подготов. Исии Сусуму [и др.]. Токио: Иванами сётэн, 2001.
16. *Каваи Масахару*. Аки Мори итидзоку : [Род Мори из Аки]. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1984.
17. *Каваи Масахару*. Мори итимон данкэцу-но симбору. Мёкю : [Символ единства рода Мори. Мёкю] // Тюгоку даймё-но кэнкю. Сэнгоку даймё ронсю 6 : [Исследование даймё района Тюгоку. Сборник исследований о сэнгоку даймё 6] / под ред. Кисида Хироси. Токио: Ёсикава Кобункан, 1984.
18. *Кисида Хироси*. Мори Мотонари. Токио: Минэруба сёбо, 2014.
19. *Кисида Хироси*. Мори Мотонари то Тёрё ка иккэн-но каки : [Мори Мотонари и книга Чжан Ляна] // Рюкоку дайгаку ронсю. № 474/475. 2010.
20. *Климов В.Ю.* Наставления дома Асакура – историко-правовой источник Японии конца XV века // История и культура традиционной Японии 3. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. XXXII. М.: Наталис, 2010.
21. *Кондо Хитоси*. Сэнгоку дзидай. Букэ какун-но кэнкю : [Период Сэнгоку. Исследование клановых наставлений воинов]. Токио: Фукан сёбо, 1978.
22. *Курусима Норико*. Икки то сэнгоку даймё : [Икки и сэнгоку даймё]. Нихон-но рэкиси : [История Японии]. Т. 13. Токио: Коданся, 2001.

23. *Миямото Ёсими*. Сэнгоку даймё Мори-си но вахэй сэйсаку. Гэй ун вахэй сэйрицу о мэгуттэ : [Курс на заключение перемирия сэнгоку даймё рода Мори. К вопросу о заключении перемирия между Аки и Идзумо] // Нихон рэкиси, 1978, декабрь. Т. 367.
24. *Моримото Сигэру*. Мори Мотонари. 3-е изд. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1997.
25. *Мураи Рёсукэ*. Сэнгоку даймё кэнрёку кодзо-но кэнкю : [Исследование структуры власти сэнгоку даймё]. Киото: Сибункаку сёпан, 2012.
26. Официальный сайт музея Мори (Мори хакубуцукан). URL: <http://www.c-able.ne.jp>
27. *Полхов С.А.* Законодательные уложения Сэнгоку даймё. Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015.
28. *Полхов С.А.* Япония в эпоху Средневековья // История Японии / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект-пресс, 2018.
29. *Ямамуро Кёко*. Гунью сосэйки. Сингэн. Удзицуна. Мотонари. Иэясу : [«Книга сотворения» героев. Сингэн. Удзицуна. Мотонари. Иэясу]. Токио: Асахи симбунся, 1995.
30. *Sansom George*. A History of Japan, 1334–1615. 7th printing. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1990.
31. *Steenstrup Carl*. Hojo Soun's Twenty One Articles. The Code of the Conduct of the Odawara Hojo // Monumenta Nipponica, Vol. 29, 1974, №3.

References

Primary sources

1. Asakura Eirin Kabegaki. (2001). [Wall Writings of Asakura Eirin] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
2. Dainihon Komonjo. Iewake Daihachi. Mori-ke monjo [Old Documents of Japan. Documents of Mori clan]. Part. 2. URL: <http://www.hi.u-tokyo.ac.jp>
3. The Letters of Mori Motonari. (2001). Commentaries of Ishii Susumu // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
4. Sounji Dono Niju Ikka Jo. (2001). [Hojo Soun's Twenty-One Articles] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
5. Syma, Tsyau'. (1992). Istoricheskiye zapiski (Shi tsi) [Ssu-ma Ch'ien, Historical Records] / Translated from the Chinese with a commentary by R.V. Vyatkin. M.: Nauka, 1992.
6. Hojo Ujitsuna Kakioki. (1993). [Hojo Ujitsuna's Testamentary Message] // Buke Kakun Ikun Shusei. Ozawa Tomio ed.: [The Collection of Teachings and Admonitions of Warrior Clans]. Tokyo: Perikansha, 1993.

Secondary sources

7. Akiyama, Nobutaka. (1998). Sengoku Daimyo Mori-shi no Kenkyu [The Study of Sengoku Daimyo of Mori clan]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1998.
8. Bogi, svyatilischa, obryady Yaponii. Entsiklopediya Sinto (2010) [Gods, Shrines and Rituals of Japan. The Encyclopedia of Shinto] / Smirnov I.S. ed. M.: RGGU, 2010.
9. Bol'shoi Russko-Yaponskii Slovar' pod red. N.I. Konrada (1970). T. 1. [Russian-Japanese Dictionary. N.I. Konrad ed. Vol. 1]. M.: Sov. Entsiklopedia, 1970.

10. Gojo, Saeko. (2017). Mori-ke Kakun-no Keisho: [The transmitting the Teachings of the Mori Clan] // Kenritsu Hiroshima Daigaku Sogo Kyoiku Senta Kiyo 2, 68–51, 2017.
11. Ike, Susumu. (2010). Sengoku-ki no Chiiki Shakai to Kenryoku [Local Society and Power during Sengoku Period]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 2010.
12. Ike, Susumu. (2009). Chisho. Mori Motonari. Kokujin ryoshyu kara sengoku daimyo e [The wise warlord. Mori Motonari. From the Provincial Landlord to Sengoku Daimyo]. Tokyo: Shin Nihon shuppansha, 2009.
13. Ikegami, Hiroko. (1992). Sengoku Gunzo. Nihon-no Rekishi. 10 : [The Portraits of the Sengoku Period. The History of Japan. Vol. 10]. Tokyo: Shuisha, 1992.
14. Ishige, Tadashi. (1991). Shisoshi-jo Hideyoshi [Hideyoshi from the Viewpoint of Ideology] // Toyotomi Hideyoshi –no subete [All About Toyotomi Hideyoshi]. Kuwata Tadachika ed. 3-rd edition. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1991.
15. Ishii, Susumu. (2001). Kakun. Okibumi. Ikki Keijo [Clan Teachings, Okibumi, The Treaties of Kokujin Ikki] // Chusei Seiji Shakai Shiso [Socio-political Ideology of Medieval Age]. Ishii Susumu ed. Tokyo: Iwanami shoten, 2001.
16. Kawai, Masaharu. (1991). Aki Mori Ichizoku: [Mori Clan from Aki]. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1991.
17. Kawai, Masaharu. (1984). Mori Ichimon Danketsu-no Shinboru. Myokyu [The Symbol of the Unity of the Mori Clan. Myokyu] // Chugoku Daimyo-no Kenkyu. Sengoku Daimyo Ronshu 6 [The Study of the daimyo of Chugoku Region. The Collection of Papers about Sengoku Daimyo 6] / Kishida Hiroshi ed. Tokyo: Yoshikawa kobunkan, 1984.
18. Kishida, Hiroshi. (2014). Mori Motonari. Tokyo: Mineruba shobo, 2014.
19. Kishida, Hiroshi. (2010). Mori Motonari to Choryo ka ikken-no kaki: [Mori Motonari and the Book of Jhang Liang] // Ryukoku daigaku ronshu. № 474/475. 2010.
20. Klimov, V.Y. (2010). Nastavleniya doma Asakura – istoriko-pravovoi istochnik Yaponii kontsa XV veka (The teachings of Asakura clan – the judicial and historical source of the XVth century Japan // Istoriya i Kul'tura Traditsionnoi Yaponii [The History and Culture of the Traditional Japan] 3. Orientalia et Classica. M.: Natalis, 2010.
21. Kondo, Hitoshi. (1978). Sengoku Jidai. Buke kakun-no Kenkyu [Sengoku Period. The Study of the warrior clan teachings]. Tokyo: Fukan shobo, 1978.
22. Kurushima, Noriko. (2001). Ikki to Sengoku Daimyo [Ikki and Sengoku Daimyo]. Nihon-no Rekishi: [The History of Japan]. Vol. 13. Tokyo: Kodansha, 2001.
23. Miyamoto, Yoshimi. (1978). Sengoku Daimyo Mori-shi no Wahei Seisaku. Geiun Wahei no Seiritsu o megutte [The Politics of Reconciliation of Sengoku Daimyo of Mori clan. Concerning the Conclusion of the Peace between Aki and Izumo] // Nihon Rekishi, 1978, December. Vol. 367.
24. Morimoto, Shigeru. (1997). Mori Motonari. 3-rd edition. Tokyo: Shinjinbutsu oraisha, 1997.
25. Murai, Ryosuke. (2012). Sengoku Daimyo Kenryoku Kozo-no Kenkyu [The Study of the Power Structure of Sengoku Daimyo]. Kyoto: Shibunkaku shuppan, 2012.
26. The official web-site of Mori Museum (Mori Hakubutsukan). URL: <http://www.c-able.ne.jp>
27. Polkhov, S.A. (2015). Zakonodatel'nye Ulojeniya Sengoku Daimyo. Issledovaniya i Perevody [The Law Codes of Sengoku Daimyo: Studies and Translations]. M.: Krug, 2015.

28. Polkhov S.A. (2018). Yaponiya v Epohu Srednevekoviya [Japan in the Medieval Age] // Istoriya Yaponii. Pod red. Streltsova D.V. [The History of Japan. Streltsov D.V. ed.]. 2nd edition. M.: Aspect-Press, 2018, p. 91–199.

29. Yamamuro, Kyoko. (1995). Gun'yu soseiki. Shingen. Ujitsuna. Motonari. Ieyasu [The Book of Genesis of heroes. Shingen. Ujitsuna. Motonari. Ieyasu]. Tokyo: Asahi Shinbunsha, 1995.

30. Sansom, George (1990). A History of Japan, 1334–1615. 7th printing. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1990.

31. Steenstrup, Carl. (1974). Hojo Soun's Twenty One Articles. The Code of the Conduct of the Odawara Hojo // Monumenta Nipponica, Vol. 29, 1974, №3.

Поступила в редакцию 02.01.2018

Received 02.01.2018

Автор:

Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Author:

Polkhov Svyatoslav A., PhD (History), Research Fellow, Center of Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10002

Японская иконография в камне

Ю.Л. Кужель

Основная тема данной статьи – каменные буддийские скульптуры (*сэкибуцу*), вырезанные на скалах или в пещерах и признанные как выдающиеся национальные творения. Сэкибуцу делятся на *магайбуцу* и отдельно стоящие фигуры, созданные из одного или нескольких каменных блоков. Эти замечательные образцы буддийской пластики представлены в контексте времени, породившего их.

Ключевые слова: каменная скульптура, вырезать, пещера, иконография, пьедестал, предстоящие, мандорла.

Japanese Stone Iconography

Yu.L. Kuzhel

Buddhist stone images (*sekibutsu*) form the central topic of the present article which introduces Japanese outstanding creations of Japanese stone sculpture. Sekibutsu are divided broadly into two groups: *magaibutsu* (objects carved on large rocks, outcrops, cliffs, also in caves) or free standing statues carved from a single block of stone or those, where several blocks were joined. Stone creations are rare, compared to statues made from wood or bronze, but they stand among the Japanese sculptural masterpieces and symbolize the epoch which has produced them.

Keywords: stone sculpture, to carve, cave, iconography, pedestal, attendant, mandorla.

В отличие от Китая¹ в Японии не так много скальных изображений божеств буддийского пантеона *магайбуцу* 磨崖仏, создание наиболее значительных из них восходит к начальному периоду Хэйан (794–1184). Самые известные *магайбуцу* находятся в районах Усуки, Инукаи, Сугао (преф. Оита), в Оя (преф. Тотиги), в Кинки, Тохоку, Хокурику и др.² Благодаря реставрационным работам, продолжавшимся с 1980 по 1994 г., для обозрения было возвращено много пещерных фигур, а пятидесяти девяти впервые для каменных скульптур придали статус национальных сокровищ *кокухо*: 国宝. В пещерных храмах *сэккуцудзиин* 石窟寺院 и в природной среде сохранились образцы каменной скульптуры

---

¹ Самые известные сокровища искусства каменного вааяния в Китае представлены в каменных пещерах в горных районах: Юньганские пещеры (пров. Шэнси), Лунмэнские пещеры (пров. Хэнань), Дунхуанские пещеры Могао (пров. Ганьсу).

² В префектуре Оита сосредоточено от 60 % до 70 % всех *магайбуцу* в стране. Есть предположение, что изображения Усуки *магайбуцу*, обнаруженные в нишах пещер недалеко от города Усуки, в течение длительного времени мастера-каменотёсы создавали из податливого туфа, образованного из лавы вулкана Аса с X по XIV в., что дало возможность искусно вырезать даже мелкие детали. Согласно «Легенде о богаче Мана» («Мана но тэдзядэнсэцу»), Мана велел в местных пещерах вырезать буддийские изображения в память об умершей дочери.

исиботокэ 石仏, или *сэкибуцу*, мыслившиеся как форма скальной пластики. Они высечены на каменной глыбе с учётом закона фронтальности, присущего архаическому искусству с его тяготением к замкнутости, угловатости, сведению округлостей тела к прямым плоскостям, которыми каменные изображения обращены к зрителю. Для этих скульптур характерна неподвижность поз, без каких-либо намеков на поворот вокруг своей оси, лаконичность линий, простота орнаментики. Их композиционная схема и набор персонажей не отличаются таким разнообразием, как в буддийских храмах.

Фигуры Усуки магайбуцу, как и многие другие, неотделимы от среды, внедрены в неё. Мастера искусно использовали эту ситуацию и водрузили свои персонажи на естественные, а не рукотворные, высокие пьедесталы-плиты разных геометрических форм, которым присущи тектонические черты. Постаменты не отвлекают внимание от скульптур, а придают им внушительный покой, устойчивость. Единственным украшением некоторых баз являются ниспадающие складками одеяния божеств. Двухмерный объём пещерных скульптур не лишает их выразительности и убедительности, хотя трудно говорить о многообразии пластических решений. Невозможность обхода не делает фигуры менее значимыми и мощными по энергии, нежели круглые пластические объёмы, рассчитанные на всесторонний осмотр. Кажется, что стены раздвинутся или фигуры перешагнут границы постамента и приобретут трёхмерность. Выпуклые скульптуры, развёрнутые на плоскости стен, вызывают живой интерес, в том числе моторикой, напряжением тела, разнообразием мудр.

Усуки магайбуцу

Расцвет каменной пластики связывают с синтоистским верованием японцев в духов гор, скал, а также с тем, что в X–XI вв. в стране усилились настроения относительно *манто*: (конец света) 末法, а фигурам, сделанным из самого крепкого материала, придавали

свойства каким-то образом противостоять этой неизбежности. Неудивительно, что пещерная пластика широко представлена изображениями будды будущего, а пока бодхисаттвы Мироку (Майтрейя), готовящегося сойти на Землю, чтобы помочь людям. Во второй галерее Хоки, входящей в комплекс Усуки магайбуцу, в двух нишах из четырёх, кроме Триады Амида (*Амидасандзон* 阿弥陀三尊) с двумя предстоящими, а также девяти фигур Амида – *кубон но Амидадзо*: 九本の阿弥陀像, привлекает внимание скульптура Мироку с двумя фланкирующими.

Основной фигурой в изображениях Нахара магайбуцу на правой и левой стенах тоже считается Мироку в позе медитирующего божества *ханкасиюи* 半跏思惟 высотой 120 см. Левая нога, по канону, опущена и упирается в лotosовый пьедестал, правая лежит на лодыжке левой, правая рука касается пальцами щеки. Взоры пяти предстоящих бодхисаттв обращены к главной святыне Мироку, некоторые держат в руках сакральные предметы: лотос, камень *мани – ходзю*: 宝珠. Подобные изображения встречаются в китайских пещерно-храмовых комплексах Лунмэнь, Дунхуан, в Корее, а также в японских храмах: в западном Кондо храма Кофукудзи в Нара, на фресках в Кондо храма Хорюдзи, на мандале в храме Тодайдзи. На правой стене высечены всего две фигуры: одна фронтальная – изображение сидящего будды высотой 83 см, справа от него – коленопреклонённый бодхисаттва в профиль, обращающийся жестами рук к центральному божеству. Будда грядущего представлен в позе умиротворения, пальцы левой руки сплетены в мудре *ёганъин* 與願印, правой – *сэмушин* 施無畏印. Скорее всего, изображения на левой и правой стенах сюжетно связаны между собой. На первой канонической композиции бодхисаттва Мироку, который вот-вот ступит на Землю, на второй – его становление буддой, достижение того состояния, когда он пришёл освободить человечество, избавить его от страданий. В создании этих пещерных фигур не обошлось без влияния континентальной скульптуры. Японский искусствовед Мори Хисаси отмечает сходство сидящего будды с бронзовой фигурой бодхисаттвы Каннон из пещеры Санъёдо в окрестностях Сеула [3, с. 200], проявившееся в контуре овального лица, моделировке тонкого носа, рисунке раскосых глаз.

В центре Триады наскальных изображений Дзуйсан магайбуцу – изображенный в рост будда в оплечье *кэса* 袈裟 (208 см), слева – бодхисаттва Мироку в позе ханкасиюи, справа – стоящий бодхисаттва, оба меньше по размеру (107 см). У центрального фронтального божества, вознесенного на базу *каэрибана* 反花, три пальца левой руки вытянуты, два согнуты, а все пальцы правой руки тоже вытянуты. За головой проступает искусно вырезанный нимб *хо:дзюко*: 宝珠光, украшенный в центре цветком лотоса, по краям языками пламени, а в верхней части просматриваются три фигурки будд *кэбуцу* 化仏. Лицо будды круглое, глаза широко открыты, на устах играет легкая улыбка. Такие большие глаза характерны для стеновых скульптур пещерного храма Юньмэнь в провинции Шаньдун (эпоха Суй, 589–618). Фигура Мироку, который в данной композиции не в роли главного божества, а предстоящего, исполнена в классической манере: правая нога лежит на левой лодыжке, правая рука касается щеки, левая нога упирается в такой же пьедестал, на котором возвышается основная скульптура. Но по краям нимба *хо:дзюко*: нет огненного орнамента, на голове трёхчастная корона. Умиротворённый вид Мироку с улыбкой на устах настраивает на покой и благодушие. В скульптурах, относящихся к первой половине VII в., обнаруживается сходство с корейскими фигурами государства Кudara (18 г. до н.э. – 668 г.) и сказывается влияние

пластики эпохи Суй. В наскальных композициях вышеперечисленных пещер обнаруживается сюжетная общность, а в технике их исполнения, безусловно, много похожего.

Бодхисаттва Мироку из храма Онодзи

Возможно, одной из самых монументальных и выразительных скульптур Мироку, живописно вписанных в природный ландшафт на берегу реки Уда, является Мироку из храма Онодзи в префектуре Нара³. В эпоху Камакура (1181–1391) будде грядущего придавали особое значение, так как в этот период среди населения страны вновь обострились ожидания конца света *манпо*, связанные, как уже говорилось, с приходом, пока ещё бодхисаттвы, Мироку. В 1207 г. каменотёсы Тока Сокэй, Суна Дзиро и другие, по велению Великого общинного распорядителя храма Кофукудзи Дайсодзё Миябиэн, приступили к подготовке ниши высотой тридцать метров, в которой вырезали 11,5-метровую статую будды с мандорлой в 13,6 м. Открытие статуи *кайгэнкуё*: 開眼供養 произошло через три года в присутствии экс-императора Готоба (прав. 1183–1198). Несмотря на свои

³ Храм основан в 681 г. святым Энногёдзэ (VII–VIII вв.), зал Мироку – Мирокудо – построен Кукай в 824 г.

внушительные размеры, изображение производит трогательное впечатление благодаря робкой улыбке, лёгкому наклону головы, рукам, опущенным вдоль тела. В скульптурах такого масштаба всегда поражает тщательность проработки деталей одежды. Изображение Мироку в рост, что чаще характерно для главных будд, а не в традиционной позе готовности ступить на Землю, видимо, свидетельствует о некотором переосмыслении образа – он уже близок к тому, чтобы стать буддой грядущего. Но есть и другая версия. Считается, что эта каменная скульптура вырезана в подражание когда-то очень известной, – Мироку из храма Касагитэра высотой 16 м, шириной 15 м, от которой сейчас остался только нимб⁴.

Спустя почти век (согласно записи на камне – в апреле 1300 г.) на правом берегу реки Вадзука близ г. Вадзука (район Киото) среди зелени в гранитной нише вырублена в полурельефе *ханникубори* 半肉彫り трёхметровая статуя Мироку (Вадзука Мироку), стоящая на лotosовом пьедестале *рэмбэндза* 連弁座. Особая твёрдость материала не помешала мастеру (или мастерам) создать образ бодхисаттвы, обращающегося к людям с помощью жестов рук, сложенных в классические мудры – *ёганъин* (левая рука) и *сэмушин* (правая рука).

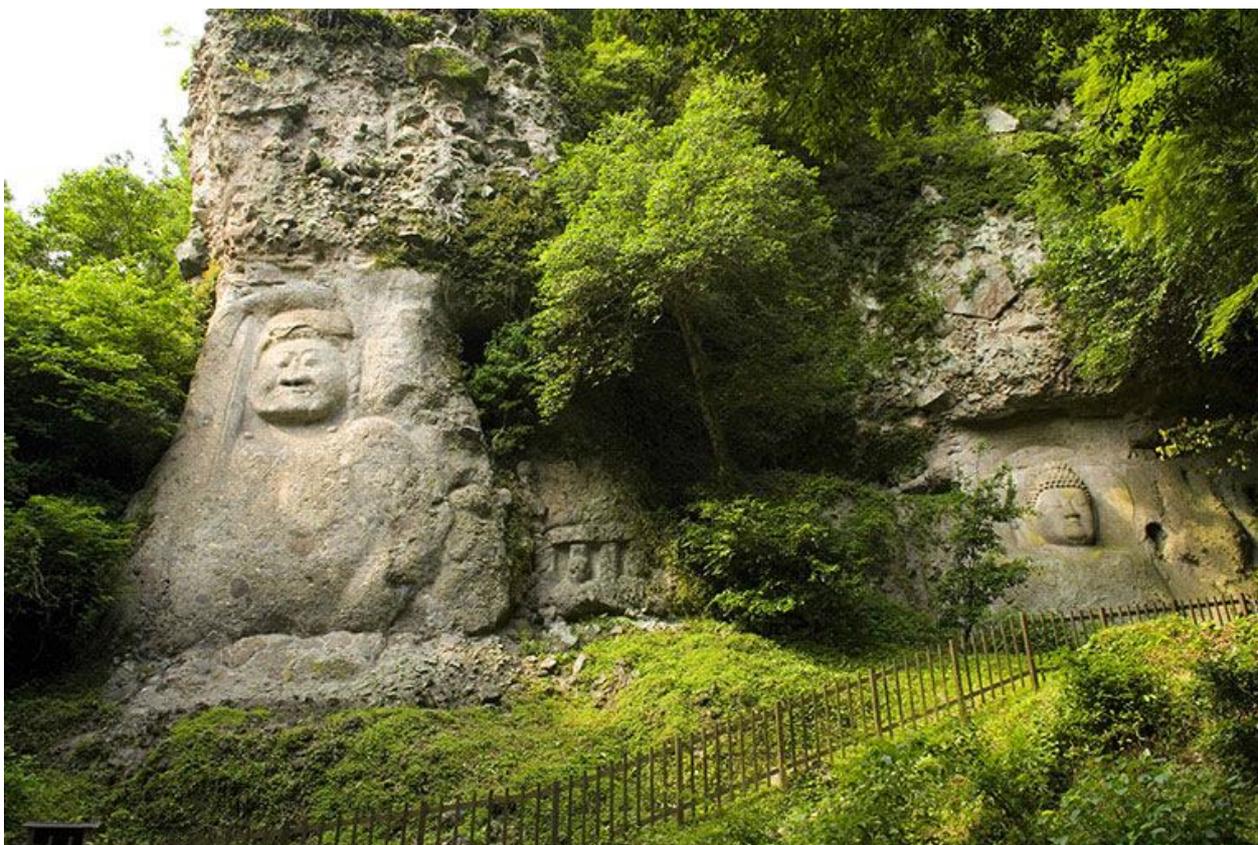
Вадзука Мироку

Очень важным буддийским божеством для японцев был Дайнити (Махавайрочана), каменным изображением которого тоже не пренебрегли местные мастера. В четвёртой галерее Фурудзоно (Усуки магайбуцу) из тринадцати скульптур Фурудзоно дзюсамбуцу, или Дайнити сансэкибуцу, доминирует фигура Дайнити из Мира Ваджры (*Конго:кай* 金剛界),

⁴ В одиннадцатом свитке «Стародавние повести» («Кондзяку моногатари», около 1120 г.) рассказывается о том, как Отомономико, сын императора Тэнти (662–671), в горах Касагияма верхом охотился на оленя, но, оказавшись на краю обрыва, едва вместе с лошадью не сорвался в бездну, а олень благополучно перепрыгнул на противоположную сторону. Отомономико обратился к божеству горы помочь ему и поклялся в случае спасения вырезать изображение Мироку на скале. Отметил это место, оставив шляпу *каса* 傘, отсюда и возникновение топонима Касаги. Когда он в следующий раз появился там, с небес спустился ангел, который и вырезал изображение Мироку. С тех пор это место считалось самым сакральным из тех, где почитали Мироку.

которую искусствоведы относят к шедеврам каменной пластики. Современные реставраторы после дискуссий решили вернуть фигуре первоначальный вид, установив голову, долгое время лежавшую в стороне. Скульптор прибегнул к особым средствам выразительности, наделив лицо Дайнити высоко поднятыми бровями, резким подбородком, окрасил в красный цвет губы и щёки, и тем самым, по мнению специалистов, придал образу таинственность и загадочность. Дайнити – центр Вселенной и олицетворение света – фланкирует канонизированная свита из четырёх будд, четырёх бодхисаттв, двух Светлых государей, двух Небесных царей (всего в композиции тринадцать фигур).

Мастерской обработкой в камне, непринужденностью пластики привлекает фигура Дайнити из Кумано, выполненная в технике высокого рельефа *таканикубори* 高肉彫り, и особенно голова одного из основных будд. Космический будда узнаваем по спокойному, но властному облику, широкому носу, пухлым губам, узкому разрезу удлинённых глаз. Тщательно вырезанные завитки канонического «шиньона» даже дают повод усомниться, что эта работа по камню, а не дереву или не бронзовое литьё. Акцент сделан на условной улыбке, подчёркивающей самоуглублённость покоя, отключённость от земной суеты и таинственную многозначительность.

Дайнити Кумано Гонгэндзя (справа)

Наибольшее число каменных изваяний посвящено придорожному божеству Дзидзо (Кшитигарбха), хранителю земли, спасителю душ, защитнику живых существ,

путешественников и детей⁵. Мастера-монахи в основном изображали Дзидзо с детским лицом, но с посохом старца и драгоценным камнем в руках. Их можно встретить в скалах над речкой Ното на тракте Ягю, а самая большая фигура Кубикирэ Дзидзо (Дзидзо Усекновенный) высотой более 2,5 м стоит на площадке для отдыха на развилке трёх троп. Такое название, по легенде, она получила потому, что выглядит высеченной из двух частей: как будто отрубленная голова приставлена к туловищу⁶. В нишах двух пещер, которые расположены недалеко от Кубикирэ Дзидзо, установлены фигуры восемнадцати божеств, вырезанные в 1157 г. из вулканического туфа [5, с. 232].

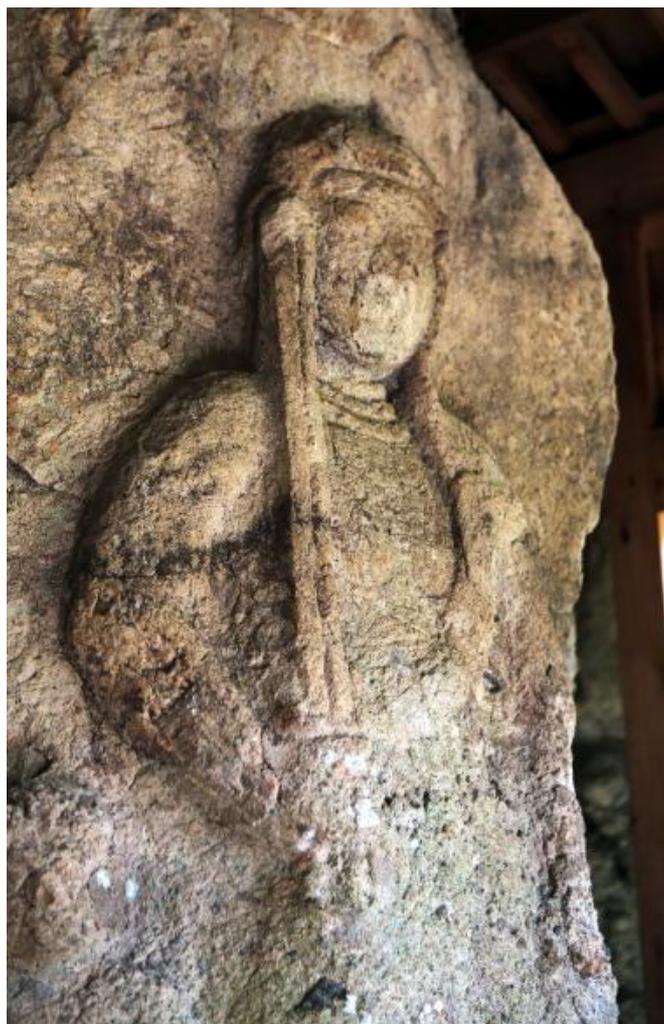

Дзидзо Усекновенный

⁵ В древности умерших детей хоронили в укромных местах, надеясь на их быстрее возвращение на землю (*акагодзука* 赤子塚 – детские могильники).

⁶ Один из так называемых замещённых Дзидзо – Мигавари Дзидзо. По легенде, монаху Дзинрэ, на которого напали грабители и отрубили голову, помог Дзидзо, приставив свою голову.

В первой галерее Хоки (Усуки магайбуцу) представлено двадцать сидящих и стоящих бодхисаттв, в том числе Дзидзо, будда Якуси, десять небесных царей, Амида, Дайнити из Мира Ваджры. В четвёртой нише – компактная, скоординированная композиция из центральной скульптуры бодхисаттвы Дзидзо и десяти предстоящих государей: по три в первом ряду и по два во втором. Дзидзо изображён в позе *ханкафумисагэ* 半跏踏下 со спущенной левой ногой, правая не лежит на бедре левой, а едва касается её. Раскрашенная мандорла Дзидзо необычной асимметричной килевидной формы *фунагата* 舟形 с явным наклоном вправо. Все предстоящие – в одинаковых головных уборах в виде трёхчастных корон, широких одеяниях, напоминающих китайские халаты, в руках у них атрибуты, похожие на складные веера. На стене, где позволяла поверхность, выгравированы в технике *сэнкоку* 線刻 килевидные мандорлы, куда вписаны круглые нимбы. Мастера сохранили принцип одноголовья, т.е. головы выдержаны на одном уровне. Между первой и второй нишами расположена сидящая фигура Светлого государя Айдзэнмё, покровителя влюблённых с соответствующими атрибутами – стрелой и луком. В третьей галерее Саннодзан (Саннояма) выразительно выглядит огромный пятиметровый будда и два предстоящих: его наивный, даже детский взгляд дал искусствоведам основание назвать бодхисаттву Какурэ Дзидзо (Скрытый Дзидзо).

Какурэ (Скрытый) Дзидзо

На паломнических тропах тоже повсеместно встречаются придорожные каменные изваяния Дзидзо, одиночные или групповые (шесть Дзидзо – *року Дзидзо*), по числу «шести миров» «шести превращений», часто в красных чепчиках и такого же цвета нагрудничках, поскольку в символике цветов в VI–XVIII вв. – красный самый благопочитаемый и оберегающий от злых сил. Известный исследователь японского искусства Е.Ф. Фенеллоза (1842–1908) считал, что «один из самых поразительных ранних горельефов Дзидзо высечен в человеческий рост в скале у маленькой тропинки через гору Хаконэ». По местной легенде, авторство приписывается Кукай (774–835)⁷ [1, с. 120]. Редкое изображение на фоне мандорлы двух стоящих Дзидзо, ладони которых сложены в мудре *гассё*: 合唱, относится к 1700 г. (высота 445 см, ширина 29 см, глубина 17,5 см). Две скульптуры бодхисаттвы Дзидзо соответственно из храмов Дзёкомёджи (1313) и Комёджи (1325) идентичны по позам, при которых правая нога вывернутой пяткой лежит на левой, положениям рук – в левой драгоценность *мани*, а также схожи контуры круглых лиц. Но драпировка одежды первого Дзидзо богаче и исполнена виртуозней, так же как и мандорла со стилизованными языками пламени.

Шесть Дзидзо

Традиция изображать Триады *сандзондзо*: 三尊像 Исторического Будды, будды Амиды и будды-целителя Якуси прослеживается и в скальной пластике. Триада Будды Шакьямуни (115,4 см, конец VII в.) из храма Исиидэра в Нара, вырезанная из одного каменного блока в технике *иссэкидзукуру* 一石造り на фоне килевидной мандорлы, считается самой старой каменной скульптурой. Похожая Триада сохранилась и среди шедевров Усуки магайбуцу. Центральная фигура Будды под стилизованным балдахином необычно изображена в полурельефе ханникубори на троне со спущенными ногами, упирающимися в двухъярусный лotosовый пьедестал. Предстоящие стоят по обе стороны на одноярусных пьедесталах, сложив руки в мудре *гассё*:. Симметричные складки одежды всех трёх персонажей и летящие шарфы *тэннэ* 天衣 предстоящих искусно вырезаны и свидетельствуют о высоком мастерстве камнетёсов. В пещере храма Оядзи представлены

⁷ Цит.: Дж. М. Kumagava. Религия в истории Японии. С. 120. Fenellosa E.F. Epochs of Chinese and Japanese Art. I. P.149.

многофигурные композиции из трёх Триад – Триада Шакьямуни (центральная фигура 354 см), Триада Амида (260 см, эпоха Камакура) и самая ранняя Триада Якуси (115 см). Это так называемые пещерные изображения Уцунюмия магайбуцу в преф. Тотиги, редкие, а возможно единственные, образцы пещерной скульптуры самых значимых персонажей буддийского мира в сопровождении предстоящих. Мастера в передаче поз, мудр не только выдержали канон, соответствующий каждому божеству, но и высокохудожественно вырезали складки одеяния и летящие шарфы. Стена вокруг Триады Амида украшена миниатюрными репликами центральной фигуры. Уцунюмия магайбуцу причислены к важной культурной ценности *бункадзай* 文化財 префектурального значения.

Уцунюмия магайбуцу

В густой лесистой местности рядом с горной деревушкой Тооно в скале вырублена Триада будды Амида, которая является одной из самых выразительных, помещённых в естественную среду (округ Киото, городок Кидзугава) [6, с. 192]. Встреча с подобным природным артефактом усиливает впечатление таинственности, всегда сопровождающей божеств буддийского мира, наделённых признаками космической силы. В этом районе сохранилось немало старых магайбуцу, в том числе Амида с предстоящими. За необычную для этого иконографического типа улыбку изображение известно как «Смеющийся будда» (*Вараиботокэ*). Триада помещена в полусферическую нишу, которая служит нерукотворным нимбом. Фигуры Амида и предстоящих тщательно вырезаны. Для мастеров не было второстепенных элементов – к одежаниям, причёскам, чертам лиц, сплетениям рук, пьедесталам они относились профессионально и оставили прекрасные творения в камне.

Смеющийся будда

К классике искусства пещерного ваения относят Триаду Будды с двумя предстоящими Якуси и Одиннадцатиликой Каннон из пещеры Дзёнингуцу (Сэйдзингуцу) Дзигокудани. По мастерству исполнения, выразительности образов эти рельефы признаются лучшими образцами в жанре каменной скульптуры. Большая рельефная композиция, прежде всего, поражает чётким следованием мастерами буддийскому пластическому канону, что проявилось в позах, жестах, изысканно высеченных нимбах. Тщательно вырезаны лotosовые пьедесталы и окутывающие тела одежания с многочисленными складками, которые смягчают застывшие позы.

В пещерной пластике в традиционном ключе решены образы Светлого царя Фудомёо (Ачаланатха). Это монументальные фигуры, соответствующие своему названию – Неподвижные, Нерушимые. Скальный рельеф, возможно, более всего соответствовал передаче сущности этих яростных охранителей веры, крепко стоящих на мощных ногах.

Мастера чётко следовали традиции, придав образам характерную суровость. Искусно высечены сверкающие гневом вытарашенные глаза, открытый в оскале рот с выступающими резцами, широкий мясистый нос, а также непрменный атрибут Фудомёо – косичка *бэмпацу* 弁髪, ниспадающая на левое плечо. Фигура отличается экспрессией заглаблённых контуров. Особенно впечатляет своим восьмиметровым ростом Фудомёо из Кумано Гонгэндзя, поскольку подобный исполинский размер был характерен только для высших будд. Конечно, природный массив скалы способствовал созданию такого колосса, поражающего крепостью и силой, но нельзя забывать и о повсеместно возросшей роли этого божества в XII–XIII вв. как среди самураев, так и простого народа⁸. Через величавость образов Фудомёо мастера донесли идеалы новой эпохи, героем и движущей силой которой стало воинское сословие. Фудомёо из Кумано Гонгэндзя, помещённый в естественную среду, воспринимается как часть природного мира, в которую он гармонично вписан мастерством талантливых камнерезов.

Фудомёо Гонгэндзя

---

⁸ В период Эдо (1603–1867), в 1628 г., для охраны города Эдо по приказу третьего сёгуна Токугава Иэмицу (1623–1651) было создано пять Больших Фудомёо (Годай Фудо) с чёрными (Мэгуро), белыми (Мэдзиро), красными (Мэака), жёлтыми (Мэки), синими (Мэао) глазами. Общее название для этих Фудо – Эдогосёку Фудо (Пятицветные Фудо из Эдо). Эти Фудо охраняли и пять дорог, ведущих из Эдо в Мито (Митогайдо), Никко (Никкогайдо), а также Накаямадо, Косюгайдо, Токайдо. В современном Токио остались названия районов – Мэгуро и Мэдзиро.

Недалеко от пещер на территории храма Мангацудзи, основанного монахом Хасудзё, за низкой оградой находятся два важных каменных артефакта – стражи врат Нио. Они созданы по желанию уже упоминавшегося богача-донатора Мана во второй половине эпохи Камакура. Исполинские фигуры как будто вырастают из земли, в которую они врыты по колено. Их мощные мускулистые тела и устрашающие лица, выражающие необузданную ярость, резкий поворот корпусов, огромные руки, замахивающиеся на невидимых врагов буддийского Учения, вполне соответствуют стилистике изображения этих персонажей.

Один из стражей врат Нио, храм Мангацудзи

Придорожные синтоистские божества-охранители *до:содзин* 道祖神 – *Сэ но kami* и *Сай но kami* – встречались и на сложных горных перевалах, и на границах деревень, чтобы туда не проникли злые силы. Они призваны оберегать от опасностей путников и паломников. Среди придорожных божеств распространены каменные изваяния верных супругов Дзё и Уба, или Дзётокомба, которые, по поверью, способствовали счастливому браку, лёгким родам, а в целом ассоциировались с плодородием⁹. Они как символ гармоничной жизни изображены в трогательном объятии, а в их взглядах, жестах просматриваются забота друг о друге и бесконечная любовь. Фоном этих фигур часто служит сосна, дендрологический персонаж легенд об этой паре.

⁹ Мифологический сюжет о счастливой, гармоничной супружеской паре лежит в основе «Легенды Такасаго», где Дзё и Уба появляются в тумане озера Такасаго. Об этом же и пьеса театра Но «Такасаго но ута» («Песнь Такасаго»). Сосна с раздвоенным стволом символизирует вечную любовь.

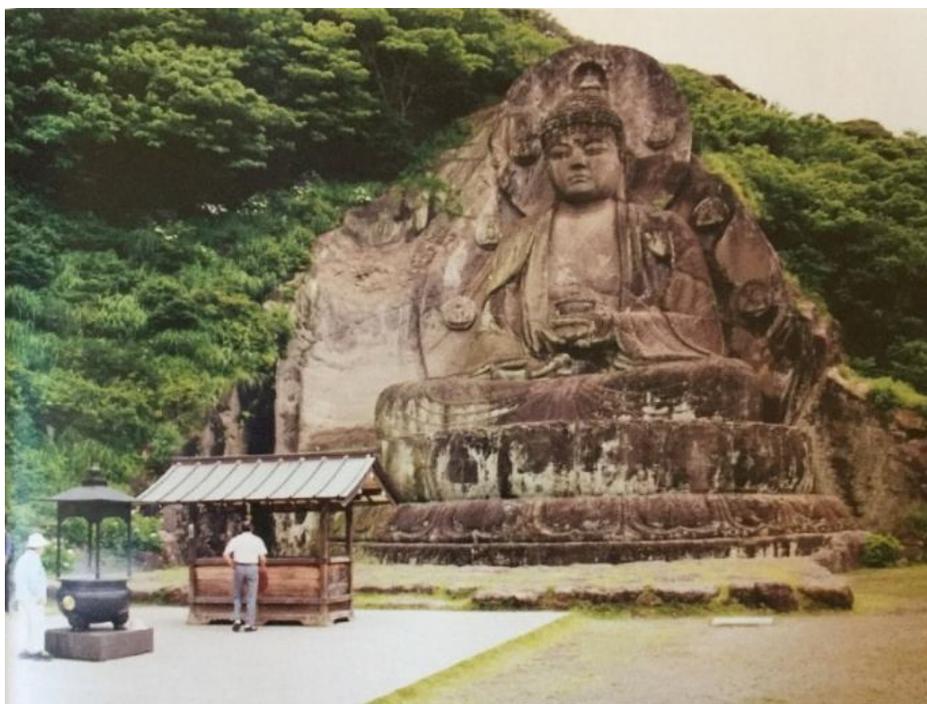
Супруги Дзё и Уба

К произведениям в камне относят рельефы, украшающие «Курган Головы» (Дзуто), расположенный недалеко от храма Син Якусидзи в Нара. Возвышающийся курган с каменными рельефами на поверхности, где изображены будды и бодхисаттвы, напоминает древнеиндийскую протоступу. Тринадцать бодхисаттв выполнены в невысоком рельефе *усуникубори* 薄肉彫り из одного каменного блока в технике *иссэкидзукури*. По одной легенде, холм Дзуто сооружён над головой священника Гэмбо, умершего в 746 г., для успокоения души Фудзивара Хироцугу (?–740), безвременно погибшего во время восстания на Кюсю. Более убедительна другая версия, согласно которой знаменитый монах, второй патриарх школы Кэгон, имевший большое политическое влияние, – Робэн (689–773) воздвиг этот votивный курган с каменными фигурами для воссоздания ранней формы индийской ступы. Рельефные изображения будд и бодхисаттв, декор балдахинов над ними, выполненные в поздненарском стиле (710–783), свидетельствуют, что уже прошло время торжества нарской пластики, представленной каменным рельефом с изображением сидящей Триады Будды из кургана Дзуто (45 см, вторая пол. VIII в.)

Среди крупных каменных изваяний впечатляет ясная, монументальная скульптура величавого будды Рурико (Якусинёрай) в храме Нокогирияма Нихондзи¹⁰, воздвигнутая в 1783 г. (высота вместе с 10-метровым лotosовым пьедесталом составляет 31 м, преф. Тиба, важное культурное наследие). Известный мастер Дзингоро Эйрай вместе с 27 учениками

¹⁰ Официальное название храма – Кэнкондзан Нихондзи, заложен в 725 г. по приказу императора Сёму (прав. 724–749) великим монахом Гёки (668–749). До передачи школе дзэн-буддизма Сото, по распоряжению третьего сёгуна Токугава Иэмицу, принадлежал в разное время школам Хоссо, Тэндай, Сингон. Служил пристанищем для религиозных деятелей Кукай, Робэн, Дзикаку (794–864).

вырезал её более трёх лет. Кроме того, из каменных валунов, привезённых с п-ва Идзу, мастера за 19 лет высекли фигуры 1500 архатов, которые разместили в пещерах нависшей скалы, тем самым превзойдя китайских скульпторов, установивших в храме Дазонг 800 изображений учеников Будды. В отличие от архаичного метода, характерного для наскальных изображений, Дзингоро Эйрай создал классический вариант каменной скульптуры, смоделировав её объём и освободив от угловатости, тяготеющей над архаикой. Приковывает взор мощная, тоже каменная, мандорла с высеченными объёмными розетками, повторяющими форму и рисунок традиционных мандорл. Помещённый в природном пространстве на фоне заросшей лесом зелёной горы, сидящий будда-целитель с горшочком со снадобьями *якко* 薬壺 своей умиротворенной созерцательностью символизирует покой, внушает благостное настроение, даёт надежду на выздоровление и уверяет в стабильности миропорядка.

Будда Якуси, Нокогирияма Нихондзи

В каменной летописи периода Эдо встречаются многофигурные статуарные изображения пятисот учеников и последователей (*раканов*) Шакьямуни *гохякуракандзо*: 五百羅漢像¹¹, собравшихся на первый буддийский Собор (Совет) Панчасатика, чтобы обсудить вопросы, связанные с содержанием дисциплинарного устава Виная, нормами и правилами монашеской жизни, а также проповедями Учения Будды¹². Особенно впечатляют скульптуры

¹¹ Считается, что больше всего каменных изображений учеников Будды и других буддийских персонажей (3770) находятся в самом старом храме Ракандзи около Накацу, основателем которого является монах из Индии Ходо; в XIII в. священник Сёгаку на горе построил в его честь храм.

¹² Первый буддийский собор состоялся в 543–542 гг. до н.э. (есть и другие даты), через три месяца после Паринирваны Будды. Специально для Собора царём Аджатасату в Раджгире были воздвигнуты дворец и зал. В состав Собора вошёл двоюродный брат Будды – Ананда, следовавший за ним двадцать пять лет, знавший все проповеди Будды, но только за день до Собора ставший раканом.

почтенных *раканов* 羅漢 в храме Накаямадэра (пров. Хёго), которые, как в амфитеатре, окружают основную храмовую святыню – величественную статую Будды в богато декорированной короне (*Хо:кан Сякамуни нёрайдо: 宝冠釈迦牟尼如来像*), смотрящейся ещё более роскошно на фоне простого позолоченного круга-нимба [4, с. 53]. Всего в зале *Гохякуракандзо:до: 五百羅漢像堂* свыше семисот фигур, которые мастера-каменщики создавали более 100 лет, положив в основу образы исторических раканов. Те, что в первом ряду, изображены сидящими со спущенными ногами, остальные стоят, поэтому хорошо обозреваемы. Они не находятся в непосредственной близости от основной святыни, их разделяет деревянная перегородка, но кажется, что ученики внимательно вслушиваются в проповедь Учителя. Специалисты считают, что главная фигура Исторического Будды создана Миянака Сокэй (первая половина периода Эдо), унаследовавшего приёмы школы ваяния Кэй¹³, к которой принадлежали Ункэй (ум. 1223), Какэй и другие мастера эпохи Камакура [4, с. 66, 67]. Декор четырёхугольного в плане пьедестала *ивадза* 岩座 с восседающим в позе сосредоточения Буддой напоминает плетение из веток старого дерева, и поэтому ещё называется *кутикидза* 朽木座 (старое трухлявое дерево). Такими были пьедесталы в дзэнских храмах в эпохи Камакура и Муромати (1392–1571)¹⁴. Сам зал Гохякуракандзо до совсем новый, возведён в 1997 г. К тому же Накаямадэра является двадцать четвёртым храмом на паломническом пути в Сайкоку [2, с. 213].

Скульптуры раканов в храме Накаямадэра

¹³ Одна из трёх традиционных школ, две другие – Ин и Эн.

¹⁴ Современные народные скульпторы, призванные со всей Японии, тоже приложили руку к созданию каменных изваяний. С 1981 г. под руководством Нисимура Котё (1915–1989), тогда настоятеля храма Отаги Нэмбуцудзи, находящегося на окраине Киото, было вырезано более 1200 причудливых скульптур в разнообразных, порой игривых позах, с забавными, живыми выражениями лиц. Они все покрыты мхом и производят впечатление неких лесных существ, только что вылезших из-под кочки. Так что традиция жива. Сам Нисимура был к тому же известным резчиком, пропагандистом искусства, восстановил много старых скульптур; незадолго до своей кончины он получил звание Тэндай Дайбусси хоин (Великий буддийский скульптор).

Пятьсот тридцать пять каменных фигур в различных позах, с выражением разных эмоций выставлены на склоне горы у храма Тёкэйдзи в Тояма. Неизвестный каменщик с острова Садо создавал их по заказу богатого купца Куромакия Дзэндзиро с 1786 г. в течение пятидесяти лет. Пятьсот сорок фигур в схожей народной стилистике вырезаны примерно в то же время для другого храма – Китаин в старинном городе Кавагоэ¹⁵, двенадцать из них символизируют годы по восточной системе летосчисления. В галерее скульптур, расположенных во дворе храма, представлено множество разнообразных образов, далеких от канонических. Безвестные мастера-каменотёсы воплотили в сложном для работы материале разные портреты, доведя до гротесковости черты лиц некоторых из них. Среди изваяний попадаются улыбающиеся, срывающиеся до хохота уличные персонажи, заботливые родители с детьми, ведущие диалог монахи, не брезгующие выпивкой. Это типично народная скульптура, которая наравне с деревянными творениями Энку (1628–1695) и Мокудзики (1718–1810), вызвала оживление японского искусства, на протяжении веков находившегося в рамках религиозного канона. Как правило, скульптурные группы такого рода представляют собой рядоположность множества фигур, связанных религиозным назначением, в них отсутствует эмоционально-психологическое единство, контакт. Эти группы объединяет некий религиозный символ, общее действие, но не переживание. Статуи в подобных многофигурных композициях не могут существовать изолированно, они ценны только в пластическом единстве.

Скульптуры у храма Тёкэйдзи

¹⁵ Заложен в XV в. влиятельным самураем Ота Докан (1432–1486), находится в сорока километрах от Эдо. Играл роль форпоста, там была резиденция начальника охраны сёгуна. Храм основан в 830 г. монахом Эннин (794–864, Дзикаку) под другим названием – Мурёдзю. Неоднократно горел, разрушался при землетрясении, достиг расцвета при сёгунах Токугава. На его территорию была перенесена часть построек из замка Эдо, в том числе комната, где родился Токугава Иэмицу.

Скульптуры у храма Китаин

Каменные рельефы отражают черты ранней японо-буддийской иконографии с её грубоватыми линиями рисунка. Техника исполнения в камне, которая в основном зародилась в эпоху Нара и процветала в Хэйан, Камакура (за исключением последнего периода), а также в последующие эпохи, включая Эдо, безусловно, расширила образную систему скульптуры, но не выдвинулась на передовые позиции и не дала новый импульс для развития национальной пластики. Каменная плоскость не утратила связи со стеной, но в то же время в некоторой степени стала орнаментально оформленным полем, где присутствовали и стилизованные языки пламени, и мандорлы, и нимбы. Тем не менее, изобразительный принцип победил декоративный, акцент больше сделан на отдельном образе, пластический замысел сужался до частного изображения. Мировоззренческие и художественные представления времени нашли выражение, в том числе, в высеченных скульптурных рельефах. В VI–VII вв. границы пещерной скульптуры начинают расширяться, появляются более отчётливые контуры тела, рук и плеч. Но в них, безусловно, нет экспрессии, пронизательного взгляда, нефронтальной обращённости к зрителю, присущих ряду скульптур, выполненных из традиционных материалов. Пластическую нагрузку больше несёт передний план с прямым фасом и прямым профилем. Они не отягощены всесторонностью и динамикой, но в то же время покоряют монументальностью покоя. Каменные изображения, как и вся буддийская скульптура, живут в мире сложных символов и понятий, запечатлённых в позах и мудрах, реже в атрибутах. Внушительен по силе воздействия и художественности народный пласт каменных портретов, вносящих живое разнообразие в классическую скульптуру.

Спокойным, уравновешенным, обращённым во внутренний мир изображениям будд противопоставлены выразительные, динамичные фигуры Светлых богов и рьяных охранителей Учения. При этом не имеет значения, спрятаны ли они в глубине пещеры или вырвались на просторы природы. Но японские каменные фигуры и скальные изображения при всей своей важности и значительности не лежали в русле развития основного направления пластической культуры, представленной в большей степени скульптурами из дерева, глины, лака и бронзы.

Библиографический список

1. *Китагава Дж.М.* Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005. 588 с.
2. *Кужель Ю.Л.* Мир японского паломничества. М.: Книгодел, 2012. 328 с.
3. *Мори Хисаси.* Тёсэн то Нихон но кодайтёкоку : [Древняя скульптура Кореи и Японии]. Токио: Хэйбонся, 1983. 251 с.
4. *Нёрайдзо но субэтэ :* [Всё о буддийских скульптурах]. Токио: Эйсюппанся, 2013. 145 с.
5. *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации. Нара. М.: Искусство, 1994. 271 с.
6. *Сэки Юдзо.* Буцудзо то кодайси : [Буддийская скульптура и древняя история]. Токио: Bookmansha, 2012. 227 с.

References

1. Kitagava J.M. (2005). *Religiya v istorii Yaponii* [Religion in the History of Japan]. St. Petersburg: Nauka, 588 p.
2. Kuzhel' Yu.L. (2012). *Mir yaponskogo palomnichestva* [The world of Japanese pilgrimage]. Moscow: Knigodel, 328 p.
3. Mori Hisashi. (1983). *Chōsen to Nihon no kodai chōkoku* [Ancient sculpture of Korea and Japan]. Tokyo: Heibonsha, 251 p.
4. *Nyorai-zō no subete* [All about Buddhist sculptures]. Tokyo: Ei shuppansha, 2013. 145 p.
5. Svetlov G.E. (1994). *Kolybel' yaponskoy tsivilizatsii. Nara* [The cradle of Japanese civilization. Nara]. Moscow: Iskusstvo, 271 p.
6. Seki Yuzo. (2012). *Butsuzō to kodai-shi* [Buddhist Sculpture and Ancient History]. Tokyo: Bookmansha, 227 p.

Поступила в редакцию 15.01.2018

Received 15.01.2018

Автор:

Кужель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой европейских и восточных языков Московского государственного института индустрии туризма им. Ю.А. Сенкевича, член Союза писателей г. Москвы. E-mail: korkyr@yandex.ru

Author:

Kuzhel Yuri L., Grand PhD in Art, Professor, Head of Department. E-mail: korkyr@yandex.ru

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10003

Проявления «мягкой силы» в гуманитарном сотрудничестве Японии и Вьетнама

Жанг Тхи Тхом, К.Г. Муратшина

В статье анализируются основные направления гуманитарного сотрудничества между Японией и Социалистической Республикой Вьетнам на современном этапе: связи в сфере образования, культурные обмены и взаимодействие в области туризма. Выявляются способы и результаты использования сторонами «мягкой силы». Авторы приходят к выводу, что из двух партнёров более активно и целенаправленно действует Япония, и она же показывает наибольшее владение технологиями «мягкой силы». Однако Вьетнам тоже предпринимает заметные усилия в этой сфере, а выгоду от сотрудничества получают обе стороны. В качестве источников использованы актуальные материалы вьетнамских и японских государственных и общественных организаций и средств массовой информации.

Ключевые слова: Япония, Вьетнам, гуманитарное сотрудничество, культурные обмены, «мягкая сила».

Soft Power in Japan–Vietnam cultural interaction

Giang Thi Thom, K. G. Muratshina

This paper analyses the main aspects of cultural interaction between Japan and the Socialist Republic of Vietnam at current stage, including cooperation in the field of education, exchanges in arts and the sphere of tourism. The paper traces the methods and results of both countries' soft power use. The authors conclude that Japan comes as a more active side in this partnership, its activities being more purposeful. As a result, Japanese use of soft power is more efficient. However, Vietnam is making efforts to balance the cooperation, which generally can be characterized as mutually beneficial. The paper is based on up-to-date sources from Vietnamese and Japanese government and public institutions and media.

Keywords: Japan, Vietnam, cultural cooperation, cultural exchanges, soft power.

Юго-Восточная Азия (ЮВА) – один из многих регионов, где в настоящее время разворачивается напряжённая конкуренция государств, претендующих на региональное лидерство, а также бизнес-элит, торговых империй и концепций будущего развития международного сотрудничества. В силу стратегической важности как географического расположения ЮВА, так и её огромного человеческого ресурса и наличия крупных потенциальных рынков сбыта, в этом регионе сейчас объективно существует конкуренция за влияние между ведущими внерегиональными акторами – Китаем, Японией, США. Не остаются

в стороне, включаясь в различные варианты конкурентного взаимодействия, и другие «полюса силы» современной системы международных отношений: Россия, Европейский союз, Индия, мусульманский мир (в том числе и та его часть, что пропагандирует наиболее экстремистские, радикальные идеи). Средства борьбы за влияние могут быть самыми различными – вовлечение в торговые блоки, зоны свободной торговли, масштабные инвестиционные проекты, военные альянсы и т.д.

Одним из эффективных инструментов выступает и «мягкая сила», – в её классическом понимании согласно концепции, выдвинутой Дж. Наем. Технологии «мягкой силы» ориентированы на формирование привлекательного имиджа и включают распространение информации о конкурентоспособных экономических моделях, активную деятельность на международной арене по обеспечению мира и безопасности, хорошую репутацию государственных институтов, культурно-информационные потоки, продвижение своих образовательных программ и институтов и др. [1]. В современных условиях они давно стали незаменимым средством, позволяющим акторам международных отношений решать множество задач: создавать себе положительный имидж, лоббировать свои бизнес-интересы, заручаться поддержкой партнёров на международной арене, расширять социальную базу союза или просто любых межгосударственных отношений. Данное исследование посвящено анализу того, как проявляется «мягкая сила» в сотрудничестве Японии и Вьетнама в гуманитарной сфере. Вопрос рассмотрен на примерах взаимодействия в области культурных обменов, образования и туризма. Актуальность вопроса определяется как растущей направленностью вовне политики администрации Абэ Синдзо и усилением конкуренции Японии с другими акторами в регионе за влияние, так и тем, что технологии «мягкой силы», применяемые другими государствами, имеет смысл изучать особенно тщательно в условиях расширения связей России с ЮВА и попыток реализовать интересы в данном регионе и задачи во взаимодействии с ним. Как известно, из всех государств Азии именно Япония первой осознала действенность технологий «мягкой силы» и начала наиболее активно их реализовывать в своей политике [2].

Для начала следует отметить, что общий характер вьетнамско-японских отношений классифицируется двумя странами как стратегическое партнёрство, которое можно охарактеризовать как достаточно плодотворное и выгодное в той или иной степени для обеих сторон. Поддерживается постоянный диалог на разных уровнях; объём товарооборота позволяет Японии стабильно занимать место в тройке главных торговых партнёров СРВ (вместе с Китаем и США), во Вьетнам идёт на постоянной основе большой поток японских инвестиций и официальной помощи развитию страны. При этом важно отметить, что инвестирует Япония в стратегически важные объекты и те сферы, которые имеют большое значение для социально-экономического развития Вьетнама: обрабатывающую промышленность, подготовку кадров, высокие технологии, строительство новых аэропортов, морских портов, скоростных железных дорог и метро [3, с. 252–254]. СРВ поставляет в Японию такие необходимые и имеющие при этом небольшую себестоимость экспортные товары, как текстиль, запчасти для транспортных средств, для оборудования и инструментов, а также морепродукты. Развивается и военно-техническое сотрудничество [4, с. 68], сформировано взаимопонимание по основным проблемам безопасности в регионе, имеющим ключевое значение для обоих государств, прежде всего, по морским спорам с Китаем [5, с. 252–254].

Именно последнее можно считать одним из основных мотивов в выстраивании добрососедских отношений. Япония посредством альянсов с Вьетнамом, а также другими странами региона (Индией, Австралией, Филиппинами) формирует определённый баланс сил против своего основного соперника как в территориальном споре, так и в борьбе за лидерство в АТР. Что касается Вьетнама, то с его позиции это выглядит скорее как баланс угроз в классическом реалистском понимании, когда государство объединяется в решении своих задач в международных отношениях с менее опасным партнёром против более опасного. Мотив поиска союзника в территориальном споре для вьетнамской стороны очень важен, поскольку ситуация в Южно-Китайском море с каждым годом, по сути, лишь усугубляется, и поддержка Японии может быть как нельзя кстати. Наконец, упомянутые выше направления вьетнамско-японского экономического сотрудничества также способствуют заинтересованности стран друг в друге, в укреплении партнёрства и расширении его социальной базы.

Первым направлением гуманитарного сотрудничества, которое следует рассмотреть, является взаимодействие в сфере образования. Здесь можно выделить следующие основные аспекты: студенческие обмены и связи университетов, сотрудничество на уровне школ, среднего образования вообще и, наконец, продвижение программ изучения японского и вьетнамского языков.

Основными документами, определяющими связи университетов двух стран, являются подписанный 25 марта 2008 г. в Токио Меморандум о взаимопонимании по помощи Вьетнаму в подготовке 1000 кандидатов наук до 2020 г. и Меморандум о сотрудничестве в области подготовки кадров 2013 г. Предполагается расширение возможностей трудоустройства для вьетнамцев в Японии, улучшение профессиональных навыков вьетнамских выпускников и возможность изучения японской модели управления, обмен информацией, опытом, подготовка сотрудников-вьетнамцев для японских компаний во Вьетнаме [6]. В марте 2014 г. также была подписана стратегическая программа сотрудничества в области образования, а именно в подготовке кадров, продвижении преподавания японского языка во Вьетнаме и в выработке профессиональных стандартов [7].

С 2009 г. странами проводится регулярная вьетнамско-японская ректорская конференция по сотрудничеству в области высшего образования, в которой принимают участие представители как руководства университетов, так и правительств обеих стран [8]. С 2011 г. во Вьетнаме действуют представительства целого ряда крупных университетов Японии [6]. Увеличивается количество стипендий для обучения вьетнамских студентов и аспирантов в Японии [9]. Как следствие, если, например, в 2008 г. в Японии обучались 3200 вьетнамских студентов, то в 2016 – уже 54 000 (включая как тех, кто поехал в Японию по стипендиальным программам, так и тех, кто учился за свой счёт) [10]. В 2014 г. в Ханое был создан Вьетнамско-Японский университет. Его концепция была разработана Ханойским национальным университетом в сотрудничестве с Парламентским альянсом дружбы между Японией и Вьетнамом, Вьетнамско-Японским форумом делового сотрудничества и японскими университетами. Ректором был назначен президент Ассоциации дружбы Японии и Вьетнама Фурута Мотоо [11]. Первых студентов университет принял в 2016 г. Были запущены магистерские программы по таким специальностям, как нанотехнологии, экология, строительное дело, регионоведение, государственное управление и бизнес-администрирование. Лимит набора на программу – 20 студентов, общее время обучения – 24 месяца. Не менее 50 %

студентов должны будут пройти трёхмесячную стажировку в Японии [12]. В дальнейшем спектр специальностей планируется расширять [13]. Наконец, работает Японско-Вьетнамский студенческий совет, который проводит регулярные встречи для обмена опытом и обсуждения ключевых проблем сотрудничества [14].

В плане продвижения изучения своего языка особенно больших успехов добилась Япония. Японский язык является одним из пяти иностранных, преподаваемых в национальной системе образования СРВ. Если в 2002 г. во Вьетнаме было 12 учебных заведений с изучением японского (6 государственных и 6 частных) с общей численностью учащихся около 3000 человек, то сейчас таких учреждений действует 26 в одном только Хошимине (6 государственных университетов и 20 частных), с численностью изучающих японский язык приблизительно 7000 человек, а для всего Вьетнама в целом эта цифра составляет более 10 000 человек [15]. У всех у них, в том числе, есть возможность сдать официальный экзамен на знание японского языка Нихонго норёку сикэн [16].

Что касается изучения вьетнамского языка в Японии, то он также преподаётся как иностранный в ряде японских университетов: Токийском университете иностранных языков, Университете Канда, Осакамском университете и других вузах. Университет Канда также проводит ежегодный конкурс выступлений на вьетнамском языке [17]. Точные цифры, сколько людей в Японии изучают вьетнамский язык, отсутствуют, но имеются, например, данные о числе сотрудников японских научно-образовательных учреждений, занятых вьетнамскими исследованиями и преподаванием языка. В 2008 г. их число составляло около 100 человек [18], но с тех пор эта цифра, несомненно, должна была существенно вырасти. С 2017 г. все желающие в Японии могут сдать официальный экзамен на знание вьетнамского языка, аналогичный «Норёку» [19]. Интересно, что, несмотря на сложную тоновую систему, вьетнамский язык в Японии считается простым для изучения японцами [20], более того, красивым и очень приятным на слух [21]. А вот для вьетнамцев японский хоть и лёгок в произношении (оно похоже у многих слов в двух языках, как и значение), но сложен в части изучения иероглифов, поскольку Вьетнам в своё время перешёл на латиницу.

Третье направление сотрудничества в сфере образования – взаимодействие на уровне школ – представлено обменными программами и опять же продвижением японского языка. В мае 2013 г. Министерство образования Вьетнама и Министерство иностранных дел Японии подписали Меморандум о преподавании японского языка во Вьетнаме. Обе стороны будут совместно разрабатывать учебные планы и материалы для начальных школ и продолжать расширять обучение японскому языку в средней школе в разных городах Вьетнама, кроме Ханоя, Хюэ, Дананга и Хошимина, где японский в школах уже достаточно распространён [22]. В 2016 г. было подписано двустороннее рамочное соглашение о преподавании японского языка во вьетнамских школах [22]. Также действуют программы, по которым вьетнамские школьники могут посетить Японию, например, Junior, Kizuna и другие [23]. Такие поездки носят ознакомительный характер, в том числе вьетнамские школьники встречаются со своими японскими сверстниками и могут пожить в японских семьях. Часть программ обмена финансируется крупными японскими промышленными корпорациями в Японии, такими, как, например, Kyocera [24]. Также от 40 до 50 японских школьников в среднем каждый год посещают в рамках похожих обменных программ Вьетнам [25].

Следующий аспект, который необходимо рассмотреть, – сотрудничество в сфере культурных обменов. Он проявляется во вьетнамско-японском взаимодействии целым рядом

инициатив. Первым, что следует отметить, является ежегодное (с 2000 г.) проведение фестивалей культуры Вьетнама в Японии и японских культурных фестивалей во Вьетнаме. В ходе фестивалей организуются художественные выставки, фотовыставки, мастер-классы традиционной кухни, показы мод, особенно традиционного вьетнамского одеяния аозай и японских кимоно, чайные церемонии и праздники цветов [26].

Дополнительный импульс культурным связям придаёт масштабное празднование дат, значимых для двусторонних отношений. Так, в 2008 г. широко отмечалось 35-летие дипломатических отношений между Вьетнамом и Японией. В марте 2008 г. состоялся Японско-Вьетнамский форум культурного обмена, где обсуждались вопросы подготовки кадров, сохранения культурного наследия и т.д. [26]. В том же году был создан Японский фонд культурного обмена во Вьетнаме. С тех пор эта организация ведет интенсивную работу сразу по нескольким направлениям: поддержка изучения японского языка, организация выставок, концертов, спектаклей, показов фильмов, распространение страноведческой литературы на языках двух стран. Кроме того, фонд спонсирует японоведение во Вьетнаме и проведение конференций по этой теме [27]. Что касается других юбилейных мероприятий в 2008 г., то был также проведён первый Вьетнамско-Японский музыкальный фестиваль. Были организованы выступления во Вьетнаме многих японских исполнителей, а вьетнамские певцы впервые были широко представлены общественности Японии. Фестиваль транслировался в прямом эфире на вьетнамском телеканале VTV1 и японском NHK, что позволило узнать о нём большому числу граждан обеих стран [28].

2013 год, когда отмечалось 40-летие установления дипломатических отношений между двумя странами, был официально провозглашён «Годом дружбы между Японией и Вьетнамом». Договорённость об этом была достигнута ещё в 2011 г. в ходе двусторонних переговоров на высшем уровне и отражена в Совместном заявлении о планах действий по развитию стратегического партнёрства во имя мира и процветания в Азии. Обе стороны договорились содействовать культурным обменам, включая уже упоминавшиеся ежегодные фестивали во Вьетнаме и в Японии, а также взаимодействию СМИ, молодёжным обменам и сотрудничеству в области спорта [29]. В число юбилейных мероприятий в Ханое, Хошимине, Дананге, Токио, Осаке, Кобе, Фукуоке, Нагое и других городах вошли гастроли художественных коллективов, фотовыставки, посвящённые двум странам и народам, Неделя кино, конференции, семинары [30].

Кроме масштабных централизованных фестивалей, граждан обеих стран привлекают и локальные тематические события, например, японский праздник любования сакурой во вьетнамском городе [31] или выход в прокат в Японии популярного вьетнамского художественного фильма [32]. Популярно во Вьетнаме и такое явление, как *дорама* – японские сериалы. Доходит даже до закрепления во вьетнамском языке сформированных дорамами неологизмов, как это произошло со словом «ошин» (*Ôsin*) – «домашняя прислуга» [33]. Большой успех имел вышедший на экраны в обеих странах в 2013 г. фильм «Партнёр» – история дружбы и любви между представителями двух народов в начале XX в. [34]

Особо стоит отметить такое направление сотрудничества, как сохранение культурного наследия. Здесь активной стороной и донором является Япония. Она регулярно направляет во Вьетнам экспертов по сохранению культурного наследия, оказывает финансовую поддержку и помогает восстановить исторические памятники в имперской столице Хюэ – одном из важнейших культурных объектов Вьетнама. Причем финансировать восстановление

и сохранение культурного наследия Хюэ Япония начала с 1990 г. и продолжает делать это по сей день. Этот город также регулярно посещают японские исследователи и реставраторы, которые в том числе осуществляют и подготовку местных специалистов. Последние также проходят стажировки в Японии [35]. Кроме Хюэ, Япония оказывает поддержку сохранению культурного наследия в г. Хой Ан (с 2003 г.) и деревне-музее Дуонг Лам (с 2008 г.) посредством направления туда своих специалистов [36]. Кроме сохранения объектов материальной культуры, осуществляется и финансирование проектов по сохранению нематериального культурного наследия. Так, Япония осуществляет помощь Вьетнаму в сохранении «Ня-Няк» – вьетнамской «королевской музыки». Был разработан совместный план действий, японская сторона финансирует обучение музыкантов и мастеров по изготовлению инструментов. Цель – сохранение музыкальных навыков среди молодёжи и повышение осведомлённости о «Ня-Няк» на национальном, региональном и международном уровнях [35].

Пожалуй, направление защиты культурных ценностей – самое нетипичное и неожиданное для сотрудничества в паре государств, где одно, безусловно, доминирует благодаря своей экономической и военно-политической мощи. Разумеется, частично эти ценности важны для Японии тем, что ими в первую очередь, как той же «Ня-Няк» или посещением Хюэ, интересуются японские туристы. Но мы не видим примеров подобной благотворительности в больших масштабах в отношениях, например, Китая с другими государствами, а для Японии, в том числе и из этого, складывается «мягкая сила», способная приносить не только благодарность, но влияние и международный авторитет.

К сфере культурных обменов можно отнести перевод и распространение художественной литературы на языках стран-партнёров. На вьетнамский язык уже переведено более 150 важнейших произведений японской литературы разных исторических периодов. В то же время число произведений вьетнамской литературы, опубликованных в Японии, куда более скромно: всего 64 книги [37]. Как видим, есть некоторый дисбаланс, и Япония вновь играет активную роль, а ее культура пропагандируется более широко. Также во Вьетнаме очень популярны японские комиксы манга. Один только «Дораэмон» разошёлся тиражом в общей сложности более 100 млн копий [37].

Наконец, третьим большим направлением гуманитарного взаимодействия, которое рассмотрено в данном исследовании, является туризм. Развитие этой сферы во вьетнамско-японских отношениях определяется, прежде всего, Совместной декларацией о сотрудничестве Вьетнама и Японии в области туризма 2005 г. [36] и деятельностью созданного в 2013 г. Вьетнамско-Японского комитета по сотрудничеству в области туризма [36]. Обе страны заинтересованы во взаимном увеличении турпотока, а также техническом совершенствовании туристической инфраструктуры. Для этого предпринят целый ряд мер. С 2004 г. Вьетнам разрешил безвизовый въезд японским туристам на срок до 15 дней. Япония, со своей стороны, с 2013 г. начала выдавать гражданам СРВ многократные визы, с 2014 г. был упрощён порядок оформления виз при покупке пакетных туров через выбранные японской стороной туристические компании, а максимальный срок многократной туристической визы в Японию для вьетнамских граждан увеличен с 3 до 5 лет. При этом японская сторона готова к дальнейшему упрощению визового режима с целью привлечения большего числа туристов [38].

Способствует увеличению турпотока и то, что два крупнейших города Вьетнама – Ханой и Хошимин – связаны прямыми авиарейсами с четырьмя крупными японскими

городами: Токио, Нагоей, Осакой и Фукуокой. Полеты осуществляют такие авиакомпании, как All Nippon Airways, Japan Airlines, Vietnam Airlines, Vietjet Air и Jetstar Pacific. В среднем самолеты вылетают каждые 5–6 часов.

В 2016 г. во Вьетнаме начало работу представительство Японского агентства содействия туризму, задача которого – предоставлять потенциальным туристам больше информации о Японии и своевременно решать любые поступающие вопросы. В свою очередь в Японии действует представительство Вьетнамской туристической ассоциации [36]. В целом можно сказать, что Япония и в этой сфере ведет более активную деятельность. Так, через Японское агентство международного сотрудничества (JICA) она оказывает поддержку Вьетнаму в развитии регионального туризма (например, помощь в разработке генерального плана развития туризма в Дананге), охране окружающей среды и применении новых технологий (например, помощь во внедрении новых методов очистки сточных вод и работы с бытовыми отходами в бухте Халонг). Сотрудники предприятий сферы туризма из Вьетнама имеют возможность обучения на организованных японской стороной краткосрочных учебных курсах в области управления развитием туризма, развития экотуризма и т. д. [39]

То, что состоятельные японские туристы нужны Вьетнаму, – очевидно, но и у Японии есть не меньший интерес в привлечении туристов из СРВ. Дело в том, что, согласно опросам Японского агентства содействия туризму, путешествие в Японию выбирают обеспеченные слои вьетнамского общества с доходом 30–45 млн донг (1,5–2 тыс. долл.) в месяц, а их расходы во время поездок достаточно высоки – около 237 тыс. иен (примерно 2180 долл.) с человека [38]. Поэтому на прибыль при развитии туризма рассчитывают обе стороны.

Если говорить о цифрах, то число туристов из Японии, посещающих Вьетнам, за период с 2003 по 2012 г. увеличилось в 2,75 раза, достигнув средних темпов роста в 12 % в год. В 2012 г. Вьетнам посетили около 580 000 японских туристов. Больше прибыло только из Китая и Кореи [40]. Далее, в период до 2015 г. эта цифра росла в среднем на 9 % в год. За первые 10 месяцев 2016 г. она составила 611 000 человек, что на 11 % больше, чем за тот же период в 2015 г. [41]. За первые девять месяцев 2017 г. Вьетнам посетили 598 000 японских туристов [38].

Что касается турпотока из Вьетнама в Японию, то в 2006–2012 гг. их число увеличилось в 2,2 раза, достигнув средних темпов роста в 14 % в год, и составило в 2012 г. 55 000 человек [40]. В 2015 г. эта цифра составила 185 000 человек [42]. За первые девять месяцев 2017 г. в Японию отправились 230 000 туристов из СРВ, что является самым высоким показателем за всю историю [38].

Подведём итог. Три крупнейших сферы вьетнамско-японского гуманитарного сотрудничества – образование, культурные обмены и туризм – в последние годы активно развиваются. Каждая из них служит решению схожих задач в отношениях и в целом работает на укрепление стратегического партнёрства. Взаимодействие в области образования обеспечивает прочную основу для сотрудничества в других областях, культурные обмены призваны способствовать лучшему взаимопониманию между двумя народами, а сотрудничество в сфере туризма способствует развитию обменов, а также связей между людьми и организациями двух стран.

Практически во всех областях сотрудничества проявляется как использование «мягкой силы», то есть совокупности мероприятий, направленных на формирование положительного

имиджа и привлекательности каждого из государств, на повышение интереса к нему и продвижение его культуры, так и результаты применения таких приёмов. Всё большее число вьетнамцев устремляются в Японию с целью обучения, путешествий или поиска работы. Примерное число мигрантов из СРВ в Японии в 2016 г. составило около 200 тыс. человек, что на 36,1 % больше, чем в 2015 г. Вьетнамская диаспора по своим размерам уступает только китайской (около 696 тыс. человек), корейской (около 453 тыс. человек) и филиппинской (244 тыс. человек) [43]. Динамика роста турпотоков была приведена выше, причём, как видим, привлекательность Вьетнама для японских туристов также растёт. Всё более популярным в Японии становится и вьетнамский язык, и хотя его распространение не сравнить с масштабами изучения японского во Вьетнаме, результаты тем не менее заметны.

Дружественный настрой Японии и помощь в различных сферах, важных в том числе и для экономики, делают её главным противовесом Китаю в глазах вьетнамцев. 82 % населения Вьетнама, согласно результатам социологических опросов, относятся к Японии «с симпатией» [44, с. 19]. «Мягкая сила» – один из факторов, работающих на общее расширение сотрудничества. В последние годы мы наблюдаем именно такую тенденцию. Это расширение выражается и в отсутствии крупных политических расхождений, и во всё большем сближении взглядов на территориальные споры [3, с. 254], и в увеличении масштабов японской финансовой помощи и взаимодействия в сфере инфраструктуры, в противовес китайскому проекту «Один пояс, один путь» [45] (в котором перекося в получении выгод явно в пользу Китая), и в готовности совместно продолжать и модифицировать проект Транстихоокеанского партнёрства [46] после выхода из него США. Даже интенсификация оборонной политики администрации Абэ Синдзо [47], различные проявления которой в последние годы приводили к недовольству и протестам соседних государств [48], не вызвала у СРВ заметной негативной реакции. Не требует Вьетнам от Японии и каких-либо официальных извинений за оккупацию в период Второй мировой войны. Напротив, вьетнамские преподаватели рассказывают школьникам и студентам о том, как Япония до своей капитуляции во Второй мировой войне успела победить во Вьетнаме французских колонизаторов.

Считается, что благодаря обмену между двумя странами Вьетнам получил японский опыт построения национальной культуры (приобретение достижений из-за рубежа и одновременное сохранение и поощрение своих культурных ценностей в новых условиях), и это полностью укладывается в стратегию развития страны, с культурой как духовной основой общества и культурными обменами как одним из трёх столпов построения модели «обеспеченный народ, сильное государство, справедливое, демократическое и цивилизованное общество» [37].

Следует признать, что в гуманитарном сотрудничестве с Вьетнамом Япония играет более активную роль, и для неё, по сути, более важна стратегия «мягкой силы» в отношениях, поскольку из двух стран всё же именно она вовлечена в международное соперничество на глобальном уровне, в котором принципиально важны любые «очки», набранные в том числе в Юго-Восточной Азии. Но вместе с тем мы можем наблюдать на приведённых примерах, что выгода в этом сотрудничестве во многом взаимна, и оно открывает новые возможности для обеих сторон.

Библиографический список

1. *Русакова О.Ф.* Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 118. № 3. С. 52–61.
2. *Катасонова Е.Л.* Япония и азиатский сценарий Джозефа Ная // Азия и Африка сегодня. 2013. № 9. С. 70–74.
3. *Локишин Г.М.* Отношения Вьетнама с Японией и рядом других азиатских стран // Современный Вьетнам. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 252–258.
4. *Канаев Е.А., Сигутина А.Н.* Японо-американский альянс и проблема Южно-Китайского моря: последствия для азиатско-тихоокеанской безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 34. С. 61–74.
5. *Кустанов В.О.* Политика Японии в Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 242–263.
6. *Trần Mỹ Hoa.* Quan hệ Việt Nam – Nhật Bản trong lĩnh vực giáo dục nhưng năm gần đây : [Чан Ми Хоа. Отношения между Вьетнамом и Японией в сфере образования на современном этапе] // Центр японских исследований Института Северо-Восточной Азии. URL: <http://cjs.inas.gov.vn/index.php?newsid=1085> (дата обращения: 11.07.2016).
7. *Hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản: Tập trung phát triển nguồn nhân lực :* [Сотрудничество между Японией и Вьетнамом в области образования: основное внимание уделяется развитию людских ресурсов] // Baomoi.com. URL: <https://baomoi.com/hop-tac-giao-duc-viet-nam-nhat-ban-tap-trung-phat-trien-nguon-nhan-luc/c/13388855.epi> (дата обращения: 24.03.2014).
8. *Tăng cường hợp tác giáo dục đại học giữa Việt Nam và Nhật Bản :* [Укрепление сотрудничества в области высшего образования между Вьетнамом и Японией] // Vaas.org.vn. URL: <http://www.vaas.org.vn/tang-cuong-hop-tac-giao-duc-dai-hoc-giua-viet-nam-va-nhat-ban-a14943.html> (дата обращения: 01.10.2015).
9. *Thúc đẩy quan hệ Việt Nam – Nhật Bản trong lĩnh vực giáo dục – đào tạo :* [Содействие развитию отношений между Вьетнамом и Японией в области образования] // Официальный сайт МИД Вьетнама. URL: <http://www.mofahcm.gov.vn/mofa/nr040807104143/nr040807105001/ns080327085720> (дата обращения: 26.10.2017).
10. *Số lượng học sinh sinh viên Việt Nam du học đổ dồn vào Nhật Bản ngày càng tăng mạnh :* [Число вьетнамских студентов, обучающихся в Японии, быстро растёт] // Sugoivn.vn. URL: <https://sugoi.vn/chia-se/so-luong-hoc-sinh-sinh-vien-viet-nam-du-hoc-do-don-va-nhat-ban-ngay-cang-tang-manh/> (дата обращения: 11.03.2017).
11. *Giới thiệu chung Trường đại học Việt Nhật :* [Создание Вьетнамско-Японского университета] // Vju.vnu.edu.vn. URL: <http://vju.vnu.edu.vn/gioi-thieu/truong-dhvn.html> (дата обращения: 11.01.2018).
12. *Giới thiệu 06 chương trình đào tạo thạc sĩ – hợp tác giáo dục Việt Nam và Nhật Bản :* [Запуск 6 магистерских программ – сотрудничество в сфере образования между Вьетнамом и Японией] // Tuyensinhcaohoc.info. URL: <http://tuyensinhcaohoc.info/gioi-thieu-06-chuong-trinh-dao-tao-thac-si-hop-tac-giao-duc-viet-nam-va-nhat-ban-vnu.html> (дата обращения: 25.03.2016).

13. 日本・ベトナム共同で世界水準の人材育成を 日越大学が開学 : [Япония и Вьетнам начинают готовить профессионалов мирового уровня в совместном университете] // JICA (Japan International Cooperation Agency). URL: https://www.jica.go.jp/topics/2016/20160912_01.html (дата обращения: 20.01.2018).
14. 日本ベトナム学生会議の団体概要 : [О Японско-Вьетнамском студенческом совете] // Gakunavi.info. URL: <http://www.gakunavi.info/entry/international/日本ベトナム学生会議.html> (дата обращения: 20.01.2018).
15. Trung tâm đào tạo và giao lưu Việt – Nhật – "Hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản" : [Образовательные обмены между Вьетнамом и Японией. Японско-вьетнамское образовательное сотрудничество] // Vjeec.vn. URL: <http://vjeec.vn/portal/index.php/vi-vn/giao-duc> (дата обращения: 12.12.2017).
16. 海外の実施都市実施機関一覧 : [Города и учебные заведения, организующие «Норёку сикен» за рубежом] // Официальный сайт «Норёку сикэн». URL: http://www.jlpt.jp/application/overseas_list.html (дата обращения: 20.01.2018).
17. 「第11回ベトナム語スピーチコンテスト」開催のお知らせ : [Объявление об 11-м конкурсе выступлений на вьетнамском языке] / Официальный сайт Университета Канда. URL: http://www.kandagaigo.ac.jp/kuis/kuis_news/detail/0510_0000006311.html (дата обращения: 25.01.2018).
18. Học tiếng Việt tại Nhật Bản : [Изучение вьетнамского языка в Японии] / Институт Северо-Восточной Азии. URL: <http://www.inas.gov.vn/357-hoc-tieng-viet-tai-nhat-ban.html> (дата обращения: 24.08.2012).
19. ベトナム語検定、東京で6月25日に初実施 : [25 июня в Токио впервые состоится экзамен на знание вьетнамского языка] / Viet-jo.com. URL: <https://www.viet-jo.com/news/nikkei/170419124623.html> (дата обращения: 20.01.2018).
20. ベトナム語専攻 : [Специальность «Вьетнамский язык»] / Официальный сайт Осацкого университета. http://www.sfs.osaka-u.ac.jp/about_fs/edu_fl_vie.html (дата обращения: 20.01.2018).
21. 美しい響きを持つ声調言語 : [Язык, прекрасный звучанием своих тонов] / Официальный сайт Университета Канда. URL: <https://www.kandagaigo.ac.jp/kuis/subject/department/asia/vietnamese/> (дата обращения: 20.01.2018).
22. Hội đàm giáo dục Việt Nam – Nhật Bản : [Диалог по образованию между Вьетнамом и Японией] / Giaoduc.edu.vn. URL: <http://www.giaoduc.edu.vn/hoi-dam-giao-duc-viet-nam-nhat-ban.htm> (дата обращения: 04.05.2016).
23. Tổng hợp các chương trình giao lưu – trao đổi văn hóa tại Nhật Bản : [Программы обмена и культурные связи с Японией] / Scholarshipplanet.info. URL: <http://scholarshipplanet.info/vi/tong-hop-thong-tin-cac-chuong-trinh-giao-luu-trao-doi-van-hoa-tai-nhat/> (дата обращения: 12.12.2017).
24. Chương trình giao lưu văn hóa học sinh cấp 2 Việt Nam tại Nhật Bản : [Программа посещения вьетнамскими школьниками Японии] / Vietnamplus.vn. URL: <https://www.vietnamplus.vn/chuong-trinh-giao-luu-van-hoa-hoc-sinh-cap-2-viet-nam-tai-nhat-ban/466591.vnp> (дата обращения: 17.09.2017).

25. Xây dựng hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản bền vững : [Формирование сотрудничества Вьетнама и Японии в области образования] / Baomoi.com. URL: <https://www.baomoi.com/xay-dung-hop-tac-giao-duc-viet-nam-nhat-ban-ben-vung> (дата обращения: 12.12.2017).
26. Giao lưu văn hóa Việt Nam – Nhật Bản : [Культурные обмены между Вьетнамом и Японией] / Vjеес.vn. URL: <http://vjеес.vn/portal/index.php/vi-vn/van-hoa-xa-hoi> (дата обращения: 12.12.2017).
27. Trung tâm giao lưu văn hóa Nhật Bản tại Việt Nam : [Японский фонд культурного обмена во Вьетнаме] / Vietnhatnews.wordpress.com. URL: <https://vietnhatnews.wordpress.com/2015/10/13/trung-tam-giao-luu-van-hoa-nhat-ban-tai-viet-nam-japan-foundation/> (дата обращения: 13.10.2015).
28. Đại nhạc hội Nhật – Việt: “Giấc mơ về một nền hòa bình” : [Японско-Вьетнамский музыкальный фестиваль: «Мечта о мире»] / Официальный сайт МИД Вьетнама. URL: <http://www.mofahcm.gov.vn/en/mofa/nr040807104143/nr040807105001/ns080516085627> (дата обращения: 12.12.2017).
29. Tuyên bố chung Việt Nam – Nhật Bản : [Совместное заявление Вьетнама и Японии] / Vnexpress.net. URL: <https://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/tu-lieu/tuyen-bo-chung-viet-nam-nhat-ban-2965698.html> (дата обращения: 19.03.2014).
30. Khai mạc “Lễ hội Việt Nam tại Nhật Bản 2013” : [Открытие «Вьетнамского фестиваля в Японии – 2013»] / Dantri.com.vn. URL: <http://dantri.com.vn/the-gioi/khai-mac-le-hoi-viet-nam-tai-nhat-ban-2013-1379598970.htm> (дата обращения: 14.09.2013).
31. ベトナム ダナン市の年間イベントスケジュール : [План мероприятий, проводимых в г. Дананг] / Danang-event.com. URL: <https://ダナン観光ガイド.com/danang-event> (дата обращения: 28.01.2018).
32. ベトナム映画「草原に黄色い花を見つける」、日本公開 : [В Японии вышел в прокат вьетнамский фильм «Жёлтые цветы на зелёной траве»] / Viet-jo.com. URL: <https://www.viet-jo.com/news/entertainment/170803163414.html> (дата обращения: 28.01.2018).
33. Ô sin lấy nước mắt hàng triệu khán giả Việt : [«Ошин» заставляет миллионы зрителей во Вьетнаме плакать] / Giaoduc.net.vn. URL: <http://giaoduc.net.vn/Phim/O-sin-lay-nuoc-mat-hang-trieu-khan-gia-Viet-post58932.gd> (дата обращения 12.05.2012).
34. “Người công sự” – phim về Phan Bội Châu hợp tác với Nhật Bản chính thức ra mắt : [На экраны вышел «Партнёрь» – вьетнамско-японский фильм о Фан Бой Тяу] / Hanoimoi.com.vn. URL: <http://hanoimoi.com.vn/Tin-tuc/Van-hoa/618783/nguoi-cong-su---phim-ve-phan-boi-chau-hop-tac-voi-nhat-ban-chinh-thuc-ra-mat> (дата обращения: 17.09.2013).
35. Quan hệ hợp tác Việt – Nhật trong nghiên cứu và bảo tồn di sản văn hóa Huế : [Вьетнамско-японское сотрудничество в области исследования и сохранения культурного наследия Хюэ] / Hueworldheritage.org.vn. URL: <http://hueworldheritage.org.vn/TTBTDTCDH.aspx?TieuDeID=41&TinTucID=2640> (дата обращения: 28.04.2017).
36. Phiên họp thứ 7 của Ủy ban hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản : [Седьмое заседание Вьетнамско-Японского комитета по сотрудничеству в области туризма] / Vietnamtourism.gov.vn. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/22002> (дата обращения: 18.10.2016).

37. Giao lưu văn hóa – trụ cột phát triển quan hệ Việt-Nhật : [Культурные обмены – основа развития отношений Вьетнама и Японии] / Voice of Vietnam. URL: <http://vov.vn/van-hoa-giaoi-tri/giao-luu-van-hoa-tru-cot-phat-trien-quan-he-vietnhat-281589.vov> (дата обращения: 20.09.2013).

38. Việt Nam là thị trường du lịch phát triển nhanh của Nhật Bản : [Вьетнам – быстрорастущий туристический рынок для Японии] / Tienphong.vn. URL: <https://www.tienphong.vn/the-gioi/viet-nam-la-thi-truong-du-lich-phat-trien-nhanh-cua-nhat-ban-1202374.tpo> (дата обращения: 28.10.2017).

39. Thúc đẩy hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản : [Содействие развитию сотрудничества в сфере туризма между Вьетнамом и Японией] / Vietnamtourism.gov.vn. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/1998> (дата обращения: 23.10.2016).

40. Tăng cường hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản : [Укрепление сотрудничества Вьетнама и Японии в сфере туризма] / Vietnamtourism.gov.vn. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/12675/4> (дата обращения: 04.11.2013).

41. Đẩy mạnh hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản : [Содействие развитию сотрудничества между Вьетнамом и Японией] / Vinanet.vn. URL: <http://vinanet.vn/kinh-te-taichinh/day-manh-hop-tac-du-lich-viet-nam-nhat-ban-656462.html> (дата обращения: 25.11.2016).

42. Tăng cường hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản : [Укрепление сотрудничества Вьетнама и Японии в сфере туризма] / Baotintuc.vn. URL: <https://baotintuc.vn/du-lich/tang-cuong-hop-tac-du-lich-viet-nam-nhat-ban-20161117163513982.htm> (дата обращения: 17.11.2016).

43. Số người Việt Nam cư trú ở Nhật lên gần 200.000 người : [В Японии проживают около 200 тыс. вьетнамцев] / Thanhnien.vn. URL: <https://thanhnien.vn/the-gioi/so-nguoi-viet-cu-tru-o-nhat-len-gan-200000-nguoi-816566.html> (дата обращения: 02.12.2017).

44. Казаков О.И. Рекордный туризм в Японию на фоне отношения японцев к другим странам // Японские исследования. 2016. № 3. С. 13–24. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00019

45. Sands G. In Contrast to the OBOR Fanfare, Japan Quietly Builds Friendships in Vietnam / Foreign Policy Blogs. URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2017/09/25/contrast-obor-fanfare-japan-quietly-builds-friendships-vietnam/> (дата обращения: 24.01.2017).

46. Japan, Vietnam leaders vow unity in bid to bring TPP into force // Japan Times. 07.07.2017. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/06/07/business/abe-vietnam-leader-vow-unity-bring-tpp-force-rapidly/> (дата обращения: 24.01.2017).

47. Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 21–31.

48. Япония спровоцировала мощные протесты внутри страны и у соседей // Известия. 02.07.2014. URL: <http://izvestia.ru/news/573350> (дата обращения: 15.10.2014).

References

1. Rusakova, O. (2013). Soft power kak strategicheskii resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii [Soft Power as Strategic Resource and Tool for Developing the National Brand: the Case of Asian Countries], *Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*, 118 (3): 52–61.

2. Katasonova, E. (2013). Yaponiya i aziatskiy stsensariy Dzhozefa Naya [Japan and the Asian Scenario of Joseph Nye], *Aziya i Afrika segodnya*, 9: 70–74.

3. Lokshin, G. (2015). Otnosheniya V'yetnama s Yaponiyey i ryadom drugikh aziatskikh stran [Vietnam's Relations with Japan and a Number of Other Asian Countries], in E. Kobelev (ed.), *Sovremennyy V'yetnam* [Contemporary Vietnam], Moscow: IFES RAS.

4. Kanaev, E., Sigutina, A. (2017). Yapono-amerikanskiy al'yans i problema Yuzhno-Kitayskogo morya: posledstviya dlya aziatsko-tikhookeanskoy bezopasnosti [Japan – U.S. Alliance and the Problem of South-China Sea: Consequences for Security in Asia-Pacific], *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 34: 61–74.

5. Kistanov, V. (2016). Politika Yaponii v Vostochnoy Azii: problemy, tendentsii, perspektivy [Japan's Policy in East Asia: Problems, Trends, Perspectives], in V. Mazyrin (ed.), *Novyye vyzovy i mekhanizmy bezopasnosti v Vostochnoy Azii* [New Challenges and Security Mechanisms in East Asia], Moscow: IFES RAS.

6. Chang, Mi Hoa. (2016). Quan hệ Việt Nam – Nhật Bản trong lĩnh vực giáo dục nhưng năm gần đây [Relations between Vietnam and Japan in Education at Current Stage], *Website of the Japanese Studies Center of the Institute of Northeast Asia*, <http://cjs.inas.gov.vn/index.php?newsid=1085> (accessed: 11 July 2016).

7. Baomoi.com (2014). Hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản: Tập trung phát triển nguồn nhân lực [Cooperation between Japan and Vietnam in Education: Main Attention is Paid to Development of Human Resources], <https://baomoi.com/hop-tac-giao-duc-viet-nam-nhat-ban-tap-trung-phat-trien-nguon-nhan-luc/c/13388855.epi> (accessed: 24 March 2014).

8. Vaas.org.vn (2015). Tăng cường hợp tác giáo dục đại học giữa Việt Nam và Nhật Bản [Strengthening the Cooperation in Higher Education between Vietnam and Japan], <http://www.vaas.org.vn/tang-cuong-hop-tac-giao-duc-dai-hoc-giua-viet-nam-va-nhat-ban-a14943.html> (accessed: 1 October 2015).

9. Ministry of Foreign Affairs of Vietnam (2017). Thúc đẩy quan hệ Việt Nam – Nhật Bản trong lĩnh vực giáo dục – đào tạo [Assisting the Development of Relations between Vietnam and Japan in Education], <http://www.mofahcm.gov.vn/mofa/nr040807104143/nr040807105001/ns080327085720> (accessed: 26 October 2017).

10. Sugoivn.vn (2017). Số lượng học sinh sinh viên Việt Nam du học đổ dồn vào Nhật Bản ngày càng tăng mạnh [The Number of Vietnamese Students in Japan Grows Rapidly], <https://sugoi.vn/chia-se/so-luong-hoc-sinh-sinh-vien-viet-nam-du-hoc-do-don-va-nhat-ban-ngay-cang-tang-manh/> (accessed: 11 March 2017).

11. Vju.vnu.edu.vn (2018). Giới thiệu chung Trường đại học Việt Nhật [The Establishment of Vietnamese-Japanese University], <http://vju.vnu.edu.vn/gioi-thieu/truong-dhvn.html> (accessed: 11 January 2018).

12. Tuyensinhcaohoc.info (2016). Giới thiệu 06 chương trình đào tạo thạc sĩ – hợp tác giáo dục Việt Nam và Nhật Bản [Launch of Six Master Programmes – Cooperation in Education between Vietnam and Japan], <http://tuyensinhcaohoc.info/gioi-thieu-06-chuong-trinh-dao-tao-thac-si-hop-tac-giao-duc-viet-nam-va-nhat-ban-vnu.html> (accessed: 25 March 2016).

13. Japan International Cooperation Agency (2016). Nihon Betonamu kyōdō de sekai suijun no jinzai ikusei o Higoshi daigaku ga kaigaku [Japan and Vietnam Start Training of World-Class Professionals in Joint University], https://www.jica.go.jp/topics/2016/20160912_01.html (accessed: 20 January 2018).

14. Gakunavi.info (2018). Nihon Betonamu gakusei kaigi no dantai gaiyō [About Japanese–Vietnamese Student Council], <http://www.gakunavi.info/entry/international/日本ベトナム学生会議.html> (accessed: 20 January 2018).

15. Vjeec.vn (2017). Trung tâm đào tạo và giao lưu Việt – Nhật – "Hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản" [Education Exchanges between Vietnam and Japan. Japanese-Vietnamese Education Cooperation], <http://vjeec.vn/portal/index.php/vi-vn/giao-duc> (accessed: 12 December 2017).

16. JLPT.jp (2018). Kaigai no jisshi toshi jisshi kikan ichiran [Cities and Universities, Organising Noryoku Shiken Abroad], http://www.jlpt.jp/application/overseas_list.html (accessed: 20 January 2018).

17. Kanda University website (2017). “Dai 11-kai Betonamu-go supīchikontesuto” kaisai no oshirase [Announcement of the 11th Vietnamese Language Speech Contest], http://www.kandagaigo.ac.jp/kuis/kuis_news/detail/0510_0000006311.html (accessed: 25 January 2018).

18. Institute of Northeast Asia (2012). Học tiếng Việt tại Nhật Bản [Japanese Language Studies in Japan], <http://www.inas.gov.vn/357-hoc-tieng-viet-tai-nhat-ban.html> (accessed: 24 August 2012).

19. Viet-jo.com (2017). Betonamu-go kentei, Tōkyō de 6 tsuki 25-nichi ni hatsu jisshi [On June 25th the First Vietnamese Language Proficiency Test Will Take Place in Tokio], <https://www.viet-jo.com/news/nikkei/170419124623.html> (accessed: 20 January 2018).

20. Osaka University website (2017). Betonamu-go senkō [Vietnamese Language Programme], http://www.sfs.osaka-u.ac.jp/about_fs/edu_fl_vie.html (accessed: 20 January 2018).

21. Kanda University website (2017). Utsukushī hibiki o motsu seichō gengo [A Language, Beautiful in Its Tones’ Sound], <https://www.kandagaigo.ac.jp/kuis/subject/department/asia/vietnamese/> (accessed: 20 January 2018).

22. Giaoduc.edu.vn (2016). Hội đàm giáo dục Việt Nam – Nhật Bản [Education Dialogue between Vietnam and Japan], <http://www.giaoduc.edu.vn/hoi-dam-giao-duc-viet-nam-nhat-ban.htm> (accessed: 4 May 2016).

23. Scholarshipplanet.info (2017). Tổng hợp các chương trình giao lưu – trao đổi văn hóa tại Nhật Bản [Exchange Programmes and Cultural Ties with Japan], <http://scholarshipplanet.info/vi/tong-hop-thong-tin-cac-chuong-trinh-giao-luu-trao-doi-van-hoa-tai-nhat/> (accessed: 12 December 2017).

24. Vietnamplus.vn (2017). Chương trình giao lưu văn hóa học sinh cấp 2 Việt Nam tại Nhật Bản [The Programme for Vietnamese Schoolchildren to Visit Japan], <https://www.vietnamplus.vn/chuong-trinh-giao-luu-van-hoa-hoc-sinh-cap-2-viet-nam-tai-nhat-ban/466591.vnp> (accessed: 17 September 2017).

25. Baomoi.com (2017). Xây dựng hợp tác giáo dục Việt Nam – Nhật Bản bền vững [The Formation of Education Cooperation between Vietnam and Japan], <https://www.baomoi.com/xay-dung-hop-tac-giao-duc-viet-nam-nhat-ban-ben-vung> (accessed: 12 December 2017).

26. Vjeec.vn (2017). Giao lưu văn hóa Việt Nam – Nhật Bản [Cultural Exchanges between Vietnam and Japan], <http://vjeec.vn/portal/index.php/vi-vn/van-hoa-xa-hoi> (accessed: 12 December 2017).

27. Vietnhatnews.wordpress.com (2015). Trung tâm giao lưu văn hóa Nhật Bản tại Việt Nam [Japanese Foundation of Cultural Exchange in Vietnam], <https://vietnhatnews.wordpress.com/2015/10/13/trung-tam-giao-luu-van-hoa-nhat-ban-tai-viet-nam-japan-foundation/> (accessed: 13 October 2015).
28. Ministry of Foreign Affairs of Vietnam (2008). Đại nhạc hội Nhật – Việt: “Giấc mơ về một nền hòa bình” [Japanese-Vietnamese Music Festival: “A Dream about Peace”], <http://www.mofahcm.gov.vn/en/mofa/nr040807104143/nr040807105001/ns080516085627> (accessed: 12 December 2017).
29. Vnexpress.net (2014). Tuyên bố chung Việt Nam – Nhật Bản [Joint Statement of Vietnam and Japan], <https://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/tu-lieu/tuyen-bo-chung-viet-nam-nhat-ban-2965698.html> (accessed: 19 March 2014).
30. Dantri.com.vn (2013). Khai mạc “Lễ hội Việt Nam tại Nhật Bản 2013” [Opening of “Vietnamese Festival in Japan – 2013”], <http://dantri.com.vn/the-gioi/khai-mac-le-hoi-viet-nam-tai-nhat-ban-2013-1379598970.htm> (accessed: 14 September 2013).
31. Danang-event.com (2017). Betonamu Danan-shi no nenkan ibentosukejūru [Danang Events Agenda], <https://ダナン観光ガイド.com/danang-event> (accessed: 28 January 2018).
32. Viet-jo.com (2017). Betonamu eiga “sōgen ni kiroi hana o mitsukeru”, nihonkōkai [Vietnamese Movie “Yellow Flowers on the Green Grass” Came out in Japan], <https://www.viet-jo.com/news/entertainment/170803163414.html> (accessed: 28 January 2018).
33. Giaoduc.net.vn (2012). Ô sin lấy nước mắt hàng triệu khán giả Việt [“Oshin” Makes Millions of Spectators in Vietnam Cry], <http://giaoduc.net.vn/Phim/O-sin-lay-nuoc-mat-hang-trieu-khan-gia-Viet-post58932.gd> (accessed: 12 May 2012).
34. Hanoimoi.com.vn (2013). “Người cộng sự” – phim về Phan Bội Châu hợp tác với Nhật Bản chính thức ra mắt [“Partner” – Vietnamese-Japanese Movie about Fang Boi Tiau Came out], <http://hanoimoi.com.vn/Tin-tuc/Van-hoa/618783/nguoi-cong-su---phim-ve-phan-boi-chau-hop-tac-voi-nhat-ban-chinh-thuc-ra-mat> (accessed: 17 September 2013).
35. Hueworldheritage.org.vn (2017). Quan hệ hợp tác Việt – Nhật trong nghiên cứu và bảo tồn di sản văn hóa Huế [Vietnamese-Japanese Cooperation in Research and Conservation of Hue Cultural Heritage], <http://hueworldheritage.org.vn/TTBTDTCDH.aspx?TieuDeID=41&TinTucID=2640> (accessed: 28 April 2017).
36. Vietnamtourism.gov.vn (2016). Phiên họp thứ 7 của Ủy ban hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản [7th Conference of Vietnamese-Japanese Committee on Cooperation in Tourism], <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/22002> (accessed: 18 October 2016).
37. Voice of Vietnam (2013). Giao lưu văn hóa – trụ cột phát triển quan hệ Việt-Nhật [Cultural Exchanges – the Basis of Relationship between Vietnam and Japan], <http://vov.vn/van-hoa-giai-tri/giao-luu-van-hoa-tru-cot-phat-trien-quan-he-vietnhat-281589.vov> (accessed: 20 September 2013).
38. Tienphong.vn (2017). Việt Nam là thị trường du lịch phát triển nhanh của Nhật Bản [Vietnam is a Tourism Market for Japan, Growing Rapidly], <https://www.tienphong.vn/the-gioi/viet-nam-la-thi-truong-du-lich-phat-trien-nhanh-cua-nhat-ban-1202374.tpo> (accessed: 28 October 2017).

39. Vietnamtourism.gov.vn (2016). Thúc đẩy hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản [Assisting the Development of Cooperation in Tourism between Vietnam and Japan], <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/1998> (accessed: 23 October 2016).

40. Vietnamtourism.gov.vn (2013). Tăng cường hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản [Strengthening Cooperation of Vietnam and Japan in Tourism], <http://vietnamtourism.gov.vn/index.php/items/12675/4> (accessed: 4 November 2013).

41. Vinanet.vn (2016). Đẩy mạnh hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản [Assisting the Cooperation between Vietnam and Japan], <http://vinanet.vn/kinhte-taichinh/day-manh-hop-tac-du-lich-viet-nam-nhat-ban-656462.html> (accessed: 25 November 2016).

42. Baotintuc.vn (2016). Tăng cường hợp tác du lịch Việt Nam – Nhật Bản [Strengthening Cooperation of Vietnam and Japan in Tourism], <https://baotintuc.vn/du-lich/tang-cuong-hop-tac-du-lich-viet-nam-nhat-ban-20161117163513982.htm> (accessed: 17 November 2016).

43. Thanhnien.vn (2017). Số người Việt Nam cư trú ở Nhật lên gần 200.000 người [About 200 000 Vietnamese People Live in Japan], <https://thanhnien.vn/the-gioi/so-nguoi-viet-cu-tru-o-nhat-len-gan-200000-nguoi-816566.html> (accessed: 2 December 2017).

44. Kazakov, O. (2016). Rekordnyy turizm v Yaponiyu na fone otnosheniya yapontsev k drugim stranam [The Number of Foreign Tourists in Japan in 2015 Beats all Records Regardless of the Attitude of the Japanese to Other Nations], *Japanese Studies in Russia*, 3: 13–24. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00019.

45. Sands, G. (2017). In Contrast to the OBOR Fanfare, Japan Quietly Builds Friendships in Vietnam, *Foreign Policy Blogs*, <https://foreignpolicyblogs.com/2017/09/25/contrast-obor-fanfare-japan-quietly-builds-friendships-vietnam/> (accessed: 24 January 2018).

46. Japan Times (2017). Japan, Vietnam leaders vow unity in bid to bring TPP into force, <https://www.japantimes.co.jp/news/2017/06/07/business/abe-vietnam-leader-vow-unity-bring-tpp-force-rapidly/> (accessed: 24 January 2018).

47. Streltsov, D. (2016). Politika Yaponii v sfere voyennoy bezopasnosti pri kabinetakh S. Abe: novyye podkhody [Japan's Policy in the Field of Military Security Pursued by the Abe Governments: New Approaches], *The Far Eastern Affairs*, 3: 21–31.

48. Izvestia Newspaper (2014). Yaponiya sprovotsirovala moshchnyye protesty vnutri strany i u sosedey [Japan Provoked Mass Protests Homeland and Abroad], <http://izvestia.ru/news/573350> (accessed: 15 October 2014).

Поступила в редакцию 11.02.2018

Received 11.02.2018

Авторы:

Жанг Тхи Тхом, магистрант кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». E-mail: giangthomkursk2016@gmail.com

Муратшина Ксения Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

Authors:

Giang Thi Thom, student (Master's Program), Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. E-mail: giangthomkursk2016@gmail.com

Muratshina Ksenia G., PhD (History), Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University. E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10004

Военнопленные Халхин-Гола

Е.Л. Катасонова

Статья посвящена истории советско-японского военного конфликта на реке Халхин-Гол (Номонхан) (1939), который сыграл роль своеобразного детонатора Второй мировой войны. Это событие произошло 79 лет назад, но по-прежнему продолжает оставаться темой дискуссий среди историков России, Японии, Монголии и других стран. Одним из мало освещённых аспектов этой проблемы является вопрос, связанный с военнопленными Халхин-Гола. До сих пор он остаётся недостаточно изученным, а опубликованная статистика – противоречивой и неполной.

Ключевые слова: советско-японский пограничный конфликт, бои на Халхин-Голе (Номонхане), военнопленные, поражение Японии, Советская армия, необъявленная война.

Khalhin-Gol: The Prisoners of the War

E.L. Katasonova

The article deals with the history of Khalhin-Gol (Nomonhan) Soviet-Japanese military conflict (1939), influencing – as an outbreak – and shaping the course of World War. It has happened 79 years ago, but still continues to be the topic for discussion among historians in Russia, Japan, Mongolia and other countries. And one of the most obscure issues of this military conflict is the problem of prisoners' of war (POW). So far research of the topic remains quite poor and published data is contradictory and scarce.

Keywords: Soviet-Japanese border conflict, battles of Khalhin-Gol (Nomonhan), prisoners of war (POW), Japanese defeat, Soviet Army, undeclared war.

Вооружённый конфликт в районе реки Халхин-Гол относится к той категории международных событий, которые на протяжении многих лет привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей многих стран. В 2019 г. мы отметим 80-ю годовщину тех сражений, однако и в наши дни пока не поставлена окончательная точка в разгадке и оценке многих моментов произошедшего, несмотря на большой массив фундаментальных трудов по данной проблеме, изданных в нашей стране и за рубежом.

Показательно, что события на Халхин-Голе, часто именуемые в научной литературе как вооружённый конфликт, или необъявленная война, а также «вторая русско-японская война», происходили за пределами государственных территорий СССР и Японии – на монголо-маньчжурской границе. Возможно, именно поэтому ведущие советские и японские газеты продолжительное время ограничивались весьма скудной информацией о происходящих там военных действиях. В СССР, например, публиковались лишь самые краткие сообщения ТАСС. Ни одного описания боя, ни одной корреспонденции из Монголии ни в июне, ни

в июле, ни в августе 1939 г. не появилось в центральной прессе. Редкое исключение составили лишь региональные издания. Так, 16 июля 1939 г. в «Красноярском рабочем» сообщалось: «с 6 по 12 июля... монголо-советскими войсками захвачены 254 пленных... монголо-советской авиацией и зенитным и артиллерийским огнём сбит 61 японский самолет. Из экипажей этих самолетов захвачено в плен 12 японских летчиков: капитан Маримото, поручик Аmano, поручик Мицутони, подпоручик Минудо, фельдфебели – Сайто, Миадзимо, Фудзи, Мицутони, унтер-офицеры – Исибе, Такамацо, Исидзава, Мотохара. Большинство из них тяжелораненые» [1]. Насколько верна эта информация – судить трудно: во всяком случае, сразу же бросается в глаза явно завышенная численность японских пленных, противоречащая позже объявленной статистике.

Что же касается центральных газет, то только 6 августа в них был опубликован указ о награждении некой танковой бригады орденом Ленина и о присвоении ей имени комбрига М.П. Яковлева. При этом не указывались ни номер бригады, ни за какие воинские достижения она была награждена высшей наградой СССР. На самом деле речь шла об 11-й танковой бригаде, которая награждалась за активное участие в боях на горе Баин-Цаган.

Одними из первых о халхин-гольских сражениях открыто заговорили писатели и поэты, воспевав мужество и героизм советских солдат. Среди них – известный советский поэт Константин Симонов, который отправился на передовую в качестве военного корреспондента и описал увиденное там в своей поэме «Далеко на Востоке», романе «Товарищи по оружию», стихотворениях «Танк», «Кукла», «Самый храбрый» и т.д.

Военным же специалистам потребовалось около года для анализа и осмысления опыта военных действий в степях Монголии: в 1940 г. выходят книги П.И. Другова «Из опыта действий АБТВ на р. Халхин-Гол», «Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике», «Бои у Халхин-Гола» и др., в которых рассматривались главным образом военные аспекты этой проблемы. В том же году Генеральный штаб РККА издал монографию «Действия 1-й армейской группы в Халхин-гольской операции» (май – сентябрь 1939 г.)» А далее последовало несколько десятков исторических исследований, воспоминаний участников боёв и т.д., большинство из которых вышло уже после окончания Великой Отечественной войны.

К числу наиболее заметных из них следует отнести следующие работы: Г.Н. Севостьянов «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны» (М., 1961) и статья того же автора «Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол. (Вопросы истории, 1957, № 8); М.В. Новиков «Победа на Халхин-Голе» (М., 1957); «Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование)» (М., 1972), Г.В. Ефимов, А.М. Дубинский «Международные отношения на Дальнем Востоке», кн. 2, (М., 1973); А.С. Савин «Японский милитаризм в период Второй мировой войны» (М., 1979), И.И. Федюнинский «На Востоке» (М., 1985). Все они достаточно полно раскрывают особенности, ход и исход боевых действий, массовый героизм советских и монгольских воинов и т.д. Однако многие принципиально важные моменты этих событий остались за рамками упомянутых исследований, что было во многом обусловлено идеологическими и политическими установками советского времени.

В связи с этим наибольший научный интерес могут представлять недавно вышедшие книги российских исследователей, которые отражают новые подходы к оценке и анализу произошедшего. Некоторые были написаны в связи с 70-летней годовщиной событий на

Халхин-Голе. Это – сборник «Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии» (М., 2009), статья Ю.В. Кузьмина «Спорные проблемы войны на Халхин-Голе», опубликованная в «Вестнике Международного центра азиатских исследований» (2009, №16), а также справочная информация, подготовленная Историко-документальным департаментом МИД России «К 70-летию событий на реке Халхин-Гол», размещённая на сайте Министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru 14.05.2009). Параллельно с этим продолжается публикация мемуаров и личных воспоминаний о событиях тех лет, среди которых следует выделить книгу А.П. Жукова «Под абсолютно красным солнцем: война отца» (М., 2010). Большой объём архивных материалов помещён в сборнике документов «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора “Миссури” (1939–1945 гг.)», изданном в 2011 г. в рамках проекта МинОКН Монголии и Российского гуманитарного научного фонда. Отдельно следует выделить работы Института Востоковедения РАН: соответствующие разделы в коллективной монографии «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» (М., 2010) и сборник «Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века», выпущенный в 2013 г., в котором исследователи из России, Монголии и Японии в своих статьях анализируют различные аспекты этого конфликта.

Наш краткий библиографический экскурс завершают два последних издания по этой проблематике, приуроченных к 75-летней годовщине халхин-гольских сражений: сборник архивных документов – «Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май-сентябрь 1939 г. Документы и материалы» (2014) и книга Ю.М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японских плен» (М., 2014).

Одним словом, российская историография этой проблемы достаточно обширна, даже если не учитывать более 700 единиц архивных документов, находящихся на хранении в Российском государственном военном архиве. Тем не менее, многие проблемы, связанные с этими событиями, остаются малоизученными, и, пожалуй, главная из них касается военнопленных. Она включает в себя такие аспекты, как уточнение числа японских и советских, а также монгольских военнослужащих, оказавшихся в руках противника, обращение с ними в СССР и Японии, а также выяснение их дальнейшей судьбы после возвращения из плена и т.д.

Эти вопросы долгие годы оставались за рамками научных исследований в нашей стране. Куда больше внимания в современной российской историографии уделено исследованию тематики, связанной с пребыванием японских военнопленных на территории СССР после окончания Второй мировой войны. Пожалуй, самое главное препятствие на пути изучения проблемы военнопленных, захваченных во время боёв на Халхин-Голе обеими воюющими сторонами, состоит в отсутствии доступа к соответствующим фондам архивных документов, часть из которых до сих пор не рассекречена по причине формальной принадлежности военному ведомству. Но все эти обстоятельства не снижают актуальности проблемы, имеющей не только историческое, но и гуманитарное содержание.

Вопросы военного плена всегда были необычайно важны и чувствительны для России и Японии, которые в XX веки воевали между собой чаще других стран: русско-японская война (1904–1905), японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток (1918–1922), бои на о. Хасан (1938) и р. Халхин-Гол (1939), советско-японская война (1945), не говоря уже о сотнях приграничных вооружённых инцидентов. Однако, как известно, наши страны далеко не всегда и не в полной мере применяли нормы международного права в отношении

поверженного противника. Достаточно напомнить, что Советский Союз и Япония ратифицировали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1949 г. с заметным опозданием – лишь в начале 1950-х годов.

Пожалуй, самый лучший пример отношения к военнопленным демонстрируют события русско-японской войны, разразившейся спустя 5 лет после принятия Первой Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Тогда принципы международного гуманитарного права лишь только начинали входить в военную практику государств и не были до конца апробированы на практике. И, тем не менее, обе страны оказались верны букве принятых договорённостей в отношении к захваченному противнику. Царская Россия, выступившая инициатором Гаагской конференции, позиционировала себя в те годы как самая гуманная из великих держав. А Япония, недавно вступившая в мировое сообщество, старательно стремилась продемонстрировать себя в этом конфликте в роли цивилизованной стороны, тем самым заявляя о себе как о равной другим развитым капиталистическим державам.

Число японских военнопленных, оказавшихся тогда на российской территории, составляло 1776 человек. Они располагались в бывших военных казармах в деревне Медведь, ныне входящей в состав Новгородской области, и 197 человек – под Харбином. Количество же русских военнослужащих, захваченных японцами, определяется в 71 947 человек. Они размещались в 28 лагерях. В общем итоге на момент подписания Портсмутского мира в японском плену находилось 62 149 человек, 10 000 к тому времени были репатриированы на родину, 462 воина умерли на чужбине [2].

Принято считать, что отношение японцев к русским пленным должно было стать примером для других государств в области соблюдения норм международного гуманитарного права. Этот гуманитарный опыт лёг в основу будущих международных конвенций, связанных с обращением с военнопленными, больными и ранеными. Он сыграл позитивную роль и в области развития российско-японских культурных и общественных связей. Достаточно вспомнить ту помощь и поддержку, которую оказывало русским население Японии, а японцы, общаясь с русскими, получили возможность непосредственно познакомиться с их культурой и бытом. И всё это происходило вопреки широко распространённому в те годы в русской и японской печати образу врага, растиражированному в обеих странах местной пропагандой.

Показательно и то, что наши страны тогда продемонстрировали приверженность Гаагской конвенции и на межгосударственном уровне. В Портсмутском мирном договоре (1905) присутствует специальная 13-я статья, посвящённая урегулированию проблем, связанных с содержанием военнопленных, что в дальнейшем было исключено из гуманитарной практики многих стран, несмотря на то, что гуманитарное право за эти годы значительно продвинулось вперёд в своём развитии и применении.

Так, в 1907 г. Вторая Гаагская конференция мира в значительной степени расширила правовой режим военнопленных, и одним из основных разработчиков новой дополненной конвенции стал наш соотечественник – член Российской академии наук Ф.Ф. Мартенс. Плен, согласно этой конвенции, являлся лишь арестом в целях безопасности с пощадой жизни, здоровья и имущества пленных [3, с. 397].

Первая мировая война, в которой царская Россия и Япония выступали в качестве союзников, и приобретённый тогда в новых исторических условиях опыт военного плена поставил перед странами в этой гуманитарной области новые вопросы. Это продиктовало необходимость

дальнейшей разработки положений, связанных с обращением с военнопленными. В связи с этим 27 июля 1929 г. в Женеве были приняты две специальные конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В первой из них кроме общих положений содержались такие правовые нормы, как определение лагерей военнопленных, условия взятия в плен, трактовались особенности трудового использования военнопленных в соответствии с их положением и профессией и т.д.

Однако Советский Союз отказался от участия в мирной конференции в Женеве в 1929 г. и признал только конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Положения же конвенции «Об обращении с военнопленными» советское руководство посчитало «малоубедительными» [4, с. 1016], поскольку они не вписывались в новую советскую наступательную военную доктрину страны, разработанную Михаилом Тухачевским. Она была сориентирована на ведение вооружённых действий на территории противника с небольшим количеством военнопленных с советской стороны. И потому считалось, что в такой ситуации связывать себя какими-либо обязательствами с потенциальным противником не имело смысла. Считается, что этим отказом в дальнейшем ловко воспользовался Гитлер, заявив о том, что советские военнопленные не подпадают под защиту Женевской конвенции 1929 г. Но главный камень преткновения состоял в том, что в тексте Конвенции гарантировался доступ представителей Красного Креста в лагерь для военнопленных, что шло вразрез с убеждениями советского руководства.

Мнение И.В. Сталина о том, что воину Красной Армии лучше погибнуть, чем оказаться во вражеском плену, было закреплено в советском законодательстве, где сдача в плен приравнивалась к добровольному переходу на сторону противника, что каралось расстрелом с конфискацией имущества. К тому же Сталин опасался, что слишком мягкие условия международных конвенций могут отрицательно сказаться на политико-моральном состоянии солдат и командиров РККА. В дальнейшем, 19 марта 1939 г., ЦИК и СНК Постановлением № 46 утверждают проект «Положения о военнопленных», который из-за приведения в соответствие с общими принципами советского права получил ряд отличий от Женевской конвенции 1929 г.

Важно отметить, что Япония также не ратифицировала и не ввела в действие Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» 1929 г. Против её ратификации категорически протестовали в армии и флоте. Так что наши страны во время военных событий на Халхин-Голе не были регламентированы в своих действиях в отношении пленённого противника никакими последними международными гуманитарными обязательствами, а действовали, во многом исходя из доброй воли и имевшегося военного опыта, а также национальных традиций.

В СССР, как было сказано выше, роль традиций была полностью устранена сталинской идеологией, а в Японии они во многом были связаны с кодексом самурайской чести Бусидо. Достаточно напомнить ряд высказываний из показаний бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки на Токийском трибунале: «Моё заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношений европейцев и американцев, означает, что ещё с незапамятных времён японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение

поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен. Поэтому в ответ на запрос нашего Министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции Военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить о полном согласии с его принципами, но и не возражает против их применения с необходимыми оговорками. В январе 1942 года министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевской конвенции с изменениями» [5, с. 536].

Что эти слова означали на практике – свидетельствуют воспоминания К. Симонова, который был шокирован картиной, увиденной при обмене пленными Халхин-Гола. Он красочно описал, как японские санитары поспешно надевали на головы своих освобождённых из плена соотечественников бумажные колпаки, чтобы тем было не стыдно смотреть в лицо офицерам и солдатам императорской армии [6]. А по возвращении на родину многих из них ждал военный трибунал и казнь. Похожая судьба была уготована в СССР и красноармейцам, прошедшим через японский плен.

Возможно, в силу подобного рода исторических обстоятельств специальных исследований по теме военного плена в СССР и Японии не проводилось. А современные российские авторы в своих работах о событиях на Халхин-Голе ограничиваются лишь констатацией факта, что после окончания военных действий был произведён обмен пленными. В ряде изданий сообщается, что передача пленных происходила дважды, и число переданных Японии военнопленных 27 апреля 1939 г. составило 88 человек, и 116 человек были возвращены японской стороне 27 апреля 1940 г. При этом подчёркивается, что обмен производился по распоряжению народного комиссара обороны СССР маршала Ворошилова, из расчета «один за один» [7, с. 9]. Но поскольку советских бойцов в плен попало всего 88 человек, то 116 японцев были возвращены в одностороннем порядке.

Правда, встречаются и другие цифры, порой без ссылок на источники. Например, доктор исторических наук К.Е. Черевко в своей книге «Серп и молот против самурайского меча» указывает на то, что потери РККА пленными «по предварительным официальным советским сведениям, составили 216 человек» [8, с. 95]. Другой же японовед-историк, А.А. Кириченко, уточняет, что «в ходе боёв на Халхин-Голе было захвачено 227 японских и маньчжурских военнослужащих. Из них 6 умерли в плену от ран, 3 отказались возвращаться в Японию, остальные переданы японской стороне» [9, с. 92, 96]. Попутно замечу, что изучая материалы, связанные с войной на Халхин-Голе, находящиеся в открытом доступе РГВА, мне с группой японских исследователей удалось установить фамилии лишь немногим более 120 японцев, взятых в плен Красной армией. Однако даже эти скудные сведения порой сопровождаются досадными ошибками. Так, в качестве курьёза можно упомянуть о заявлении исследователя А.Б. Широкограда, который утверждает, что «27 сентября 1939 г. Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 г. японцы СССР вернули 116 человек» [10, с. 543].

В силу подобного рода противоречивой информации до недавнего времени наиболее аргументированными и достоверными считались данные, представленные в исследовании авторитетного американского историка Элвина Кукса «Номонхан: Япония против России» (Alvin D. Coox. *Nomonhan: Japan Against Russia*), впервые изданной в 1985 г. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских архивных документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 – в 1939 г.,

и 2 – в 1940 г.), а японских было возвращено 204 человека (88 – в 1939 г., и 116 – в 1940 г.), в том числе 160 японских и 44 маньчжурских солдат и офицеров [11, с. 121].

Эти данные подтверждаются и российскими архивными документами, согласно которым на конец 1939 г. на территории СССР находилось 117 подданных Японии, которые были размещены в Читинской тюрьме [12]. «Из них, по сообщению начальника УНКВД по Читинской области капитана госбезопасности Портного, – 107 человек были приняты в конце сентября 1939 г. от штаба фронтовой группы [13]. Среди этих 107 человек, как указывалось в донесении начальника 1-го отдела Управления НКВД по делам военнопленных Тишкова, есть 13 офицеров во главе с капитаном Като, которые именуют себя “комиссией по уточнению границ”. Взятые они были как нарушители границы, а официально числятся “перебежчиками”. Като заявляет, что они заблудились и нарушили границу “случайно”». 10 человек офицеров и унтер-офицеров прибыли в Читинскую тюрьму из Бутырской тюрьмы в ноябре по указанию СО ГУГБ НКВД СССР как направленные в распоряжение товарища Штерна. Никаких указаний об их дальнейшем направлении УНКВД по Читинской области от штаба Забайкальского военного округа до сих пор не имеет. Личные дела имеются только на 10 военнопленных, прибывших из Бутырской тюрьмы. На остальных военнопленных в тюремном отделе УНКВД имеются списки. В настоящее время началось заполнение опросных листов и заводятся личные дела, – говорится в документе [13].

Следует пояснить, что приёмом японских пленных и организацией их содержания занимался Народный комиссариат внутренних дел во главе с Л.П. Берия. Показательно, что ещё в разгар военных действий на Халхин-Голе советское руководство прогнозировало, что у нас в плену может оказаться до нескольких тысяч человек. В связи с этим ГУЛАГом НКВД СССР в г. Нижнеудинске Иркутской области был развёрнут специальный лагерь, рассчитанный на прием до 2 тыс. японских солдат и офицеров, о чём свидетельствует справка НКВД СССР о японских военнопленных, захваченных в период боёв на монгольской территории, датированная 3 марта 1940 г. [13]. В ней, в частности, говорится: «В период событий на Халхин-Голе Моботделом НКВД было предложено ГУЛАГу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных японцев» [13]. Это был первый советский лагерь, предназначенный для иностранцев. Однако в те годы он так и не был задействован по своему прямому назначению в силу малочисленного состава оказавшихся в советском плену японских военнослужащих, что делало его эксплуатацию крайне нерентабельной. В связи с этим в соответствии с шифротелеграммой Наркома внутренних дел Л.П. Берия № 801 от 30.10.1939 г. японские военнопленные были переведены в отдельный корпус Читинской тюрьмы, куда впоследствии поступили и 10 офицеров, возвращённые из Бутырской тюрьмы г. Москвы.

Трудно утверждать конкретно, где и когда это произошло, но мне неоднократно довелось слышать рассказ о том, как японские военнопленные, оказавшиеся в советских лагерях после окончания Второй мировой войны, встречали там своих соотечественников, отбывавших у нас наказание со времен халхин-гольских событий.

Вот, пожалуй, только этими документальными свидетельствами о судьбе японских военнопленных мы располагаем на настоящий момент, за исключением отдельных эпизодов из художественной и мемориальной литературы. Об этом, в частности, писал и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» в 2-х томах

(М.: Олма-Пресс, 2002). Попутно заметим, что эта тематика была затронута в статье И.В. Сеченова «Узники войны. Судьбы военнопленных Халхин-Гола» (2009) – командира поискового отряда «Байкальский следопыт», на протяжении многих лет работающего на территории Монголии на месте боёв в районе реки Халхин-Гол.

О русских солдатах и офицерах, попавших в японский плен, недавно стало известно куда больше благодаря статье в книге Ю.М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен». Автор, не будучи по своей основной профессии историком, но давно и серьёзно интересующийся событиями на Халхин-Голе, проделал огромную работу по выявлению архивных документов, касающихся имен и судеб советских солдат, попавших в плен к японцам.

Как указывается, в частности, в приведённом в книге Докладе народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову, датированному 22 октября 1939 г.: «При обмене пленными после боёв в районе реки Халхин-Гол японцы возвратили наших 77 человек. Среди них: рядовых – 57, младших командиров – 12, средних – 7, старших – 1. Политсостава в плену не было... Проведённым опросом установлено, что при пленении оказывали сопротивление 9 человек. Не смогли сопротивляться вследствие ранений 12 человек. Не имели при себе оружия 3 человека. Внезапно были схвачены японцами 10 человек. Сдались в плен добровольно с оружием в руках – 43 человека» [14, с. 226]. Однако автор корректирует это донесение, приведя в качестве документального доказательства и другие материалы, на основе которых он делает вывод о том, что во время боёв на Халхин-Голе в японский плен попали в общей сложности 97 советских воинов, из них: 82 человека были возвращены на родину по обмену пленными в сентябре 1939 года, 11 были убиты японцами, 4 отказались возвращаться на родину. Из числа возвращённых Советскому Союзу военнопленных 38 человек были преданы суду военного трибунала по обвинению в добровольной сдаче в плен или в сотрудничестве с японцами в плену [14, с. 44].

В книге можно отыскать биографические сведения на многих советских военнослужащих, оказавшихся в японском плену, подробное описание обстоятельств их сдачи в плен на основе написанных ими собственноручно объяснительных показаний, а главное – рассказ об их дальнейшей судьбе уже по возвращению на родину, где, как правило, ждало обвинение в измене родине и судебное преследование.

И, тем не менее, изученный Ю.М. Свойским комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человек из 38 преданных суду), не найден первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 г., а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе Наркомата обороны и Политуправления РККА за сентябрь–октябрь 1939 г. и т.д. Неполнота комплекта документов оставляет открытым ряд вопросов, таких, как выверенные данные о численности советских военнопленных, оказавшихся в японском плену, в том числе попавших в плен ранеными, умерших в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений. Также остаётся недостаточно полно изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цыриков и другие.

Однако благодаря большой поисковой работе Ю.М. Свойского и введению им в научный оборот массивного комплекта новых документов о событиях на Халхин-Голе мы имеем достаточно полное представление о пребывании советских военнопленных в японском плену

и их дальнейшей судьбе на родине. Тем не менее, работа по выявлению новых архивных документов продолжается. И параллельно действуют поисковые отряды добровольцев из Иркутска и Улан-Удэ, которые регулярно выезжают в Республику Монголия на поля бывших сражений и занимаются поиском и опознанием останков советских солдат и офицеров, погибших на полях Монголии.

Библиографический список

1. Красноярский рабочий. 16.07.1939.
2. Шацилло В.К. Япония и японцы глазами русских военнопленных. 1904–1905 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. URL: http://www.bookssite.ru/verechgin/6_58.html (дата обращения: 13.02.2018).
3. Лист Ф. Международное право в системном изложении. Юрьев, 1909.
4. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Волгоград, 2000. С. 1016.
5. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984.
6. «Самый храбрый»: печальная участь японских военнопленных, вернувшихся домой из советского плена. URL: <http://amdn.news/samyi-khrabryi-piechal-naia-uchast-iaponskikh-voennopliennykh-viernuvshikhsia-domoi-iz-sovietskogho-plieda> (дата обращения: 13.02.2018).
7. Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939. Документы и материалы. М., 2014.
8. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.
9. Кириченко А.А. Потери Японии в сражениях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: взгляд из XXI века. М., 2013.
10. Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск: Хервест, 2003.
11. Соох, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford, California: Stanford University Press, 1990.
12. Карасев С.В. Японские военнопленные // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355> (дата обращения: 13.02.2018).
13. Мошанский И. Бои в районе реки Халхин-Гол 11 мая – 16 сентября 1939 года. URL: http://modernlib.ru/books/moschanskiy_ilya/boi_v_rayone_reki_halhingol_11_maya_16_sentyabrya_1939_goda/ (дата обращения: 13.02.2018).
14. Свойский Ю.М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японских плен. М., 2014.

References

1. Krasnoyarskiy rabochiy [The Newspaper “Krasnoyarsk worker”]. 16.07.1939.
2. Shatsillo V.K. (2007). YAponiya i yaponsy glazami russkikh voyennoplennykh. 1904–1905 gg. [Japan and the Japanese through the eyes of Russian prisoners of war. 1904–1905]. Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii [The experience of world wars in the history of Russia]. Chelyabinsk. URL: http://www.bookssite.ru/verechgin/6_58.html (accessed: 13.02.2018).
3. List F. (1909). Mezhdunarodnoye pravo v sistemnom izlozhenii [Systematic presentation of international law]. Yur'yev.

4. Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Volgograd, 2000, p. 1016.
5. Smirnov L N., Zaytsev E.B. (1984). Sud v Tokio [The Court in Tokyo]. Moscow.
6. “Samyy khrabryy”: pechal’naya uchast’ yaponskikh voyennoplennykh, vernuvshikhsya domoy iz sovetskogo plena [“The bravest”: the sad fate of Japanese prisoners of war who returned home from the Soviet captivity]. URL: <http://amdn.news/samyy-khrabryi-piechal-naia-uchast-iaponskikh-voienno-plennykh-viervuvshikhsia-domoi-iz-sovietskogho-pliena> (accessed: 13.02.2018).
7. Vooruzhennyi konflikt v rayone reki KHalkhin-Gol. May – sentyabr’ 1939. Dokumenty i materialy [Armed conflict in the vicinity of the Khalkhin-Gol river. May – September 1939. Documents and materials]. Moscow, 2014.
8. Cherevko K.E. (2003). Serp i molot protiv samurayskogo mecha [Sickle and hammer against the samurai sword]. Moscow: Veche.
9. Kirichenko A.A. (2013). Poteri YAponii v srazheniyakh na KHalkhin-Gole. KHalkhin-Gol: vzglyad iz XXI veka [The loss of Japan in the battles at Khalkhin-Gol. Khalkhin-Gol: a view from the 21st century]. Moscow.
10. Shirokorad A.B. (2003). Russko-yaponskiye voyny 1904–1945 gg. [Russian-Japanese wars of 1904–1945]. Minsk: Harvest.
11. Coox, Alvin D. (1990). Nomohan. Japan Against Russia. Stanford, California: Stanford University Press.
12. Karasev S.V. YAponskiy voyennoplennyye [Japanese prisoners of war]. Entsiklopediya Zabaykal’ya [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355> (accessed: 13.02.2018).
13. Moshanskiy I. Boi v rayone reki KHalkhin-Gol 11 maya – 16 sentyabrya 1939 goda [Fights near the Khalkhin-Gol River May 11 – September 16, 1939]. URL: http://modernlib.ru/books/moschanskiy_ilya/boi_v_rayone_reki_halhingol_11_maya_16_sentyabrya_1939_goda/ (accessed: 13.02.2018).
14. Svoyskiy Yu.M. (2014). Voyennoplennyye KHalkhin-Gola. Istoriya boytsov i komandirov RKKA, proshedshikh cherez yaponskikh plen [Prisoners of war of Khalkhin-Gol. The history of the soldiers and commanders of the Red Army, who passed through the Japanese captivity]. Moscow.

Поступила в редакцию 13.02.2018

Received 13.02.2018

Автор:

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Author:

Katsonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Center of Japanese Studies, Head, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10005

Японская историография проблемы территориального размежевания между Россией и Японией

В.В. Кузьминков

В статье проводится комплексный анализ японской историографии проблемы территориального размежевания между Россией и Японией, что является исключительно важным с точки зрения понимания путей и результатов развития двусторонних отношений в близкой и среднесрочной перспективах. Автор выделяет направления японской историографии территориального размежевания, даёт их характеристику, проводит сравнительный анализ подхода японских историков к оценке документально-правовых аспектов советско-японского территориального размежевания.

Ключевые слова: СССР/Россия, Япония, историография, территориальная проблема, толкование, фальсификация, Курильские острова, Южный Сахалин.

Modern Japanese historiography debates over the territorial delimitation between Russia and Japan

V.V. Kuzminkov

This paper undertakes a comprehensive historical analysis of modern Japanese historiography debates over the territorial delimitation between Russia and Japan, an issue that is extremely important for understanding the course and consequences of bilateral relations in the near and medium term future. The author highlights and evaluates the main arguments in the Japanese historiography on the territorial demarcation issue and carries out a comparative analysis of Japanese historians' approaches and assessments of the documented legal aspects of the Soviet-Japanese border problem.

Keywords: USSR/Russia, Japan, historiography, territorial issue, interpretation, falsification, Kuril Islands, Southern Sakhalin.

В японской исторической науке тема японо-российских отношений в целом разрабатывается практически с момента заключения первых договоров, начиная с середины XIX века. В силу таких объективных факторов, как наличие общей границы, исторические роль и место Японии и России в формировании военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии, обусловленные их комплексной мощью, наличие элементов конкуренции, соперничества и противостояния на разных исторических этапах, – все это определяло разную по активности деятельность японских историков в вопросе как изучения двусторонних японо-российских отношений, так и в исследовании России как главного субъекта в регионе, являющегося приоритетным на шкале национальных интересов Японии.

После поражения во Второй мировой войне Япония стала развиваться под непосредственным контролем и с помощью США. Платой за это стала абсолютно проамериканская политика Токио, прежде всего, в вопросах противостояния СССР. В этом противостоянии Япония нашла свою «нишу» – она стала оспаривать территориальные итоги Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась «от всех прав, правооснований и претензий» на территории, вошедшие в состав СССР по итогам решений ряда международных конференций и на основе Устава ООН. Используя в качестве инструмента собственное толкование Сан-Францисского мирного договора и результаты договорённостей между Союзными державами в период Второй мировой войны и после её окончания, японская сторона перешла в наступление и стала выдвигать территориальные претензии к СССР, оспаривая правомерность включения островов в состав территорий советского Дальнего Востока. Такая стратегия Токио потребовала «включения в работу» отряда японских историков и политологов, перед которыми стояла конкретная задача – «обосновать» исторический характер исконности «отторгнутых» у Японии Советским Союзом территорий, и напротив – доказать противоправный характер владения СССР оспариваемыми территориями.

Оспариваемые Японией территории включают в себя 18 островов Малой Курильской и 3 острова южной части Большой Курильской гряды. Острова южной части Большой Курильской гряды: о. Итуруп площадью 3318 кв. км с прилегающими скалами Лебедя и Камень-Лев и о. Кунашир площадью 1495 кв. км, о. Славный, или Ловцова, а также все острова Малой Курильской гряды площадью 360 кв. км – о. Шикотан площадью 264 кв. км, о. Средний, о. Дальний, о. Грига, о. Девятый Вал, о. Айвазовского, а также Плоские острова (Хабомаи, в прошлом Суйсё) площадью около 100 кв. км, состоящие из о. Полонского, о-вов Осколки, о-вов Шишки, о-вов Лисьи, о. Зелёный, о. Танфильева, о. Сигнальный, о. Рифовый, о. Сторожевой, о. Юрий, о-вов Дёмина, о. Анучина, а также территорий всех мелких островов и скал, расположенных вокруг перечисленных островов [1, 29 дек., № 238 (3658)].

В российской и японской печати все эти острова принято называть по названию четырёх главных островов – Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Официальные претензии Японии распространяются на упомянутые четыре острова, однако в Японии есть серьёзные политические силы, которые претендуют на всю Курильскую гряду – с севера до юга. Такие требования содержатся в официальной программе японской Компартии [2]. Характерно, что расширенные претензии скрываются японской стороной за формами японского языка. Так, во всех законах и поправках к ним, касающихся проблемы «северных территорий», речь идёт именно о «территориях», а не о четырёх островах, а после упоминания о «северных территориях» всегда следует японское слово «*надо*» (другие). В частности, принятый в 1982 г. закон звучит, как «Закон о специальных мерах по содействию решению проблемы северных **и других** территорий» (*Хонпо рёдо мондай **надо** но кайкэцу но сокусин но тамэ но токубэцу соти ни кансуру хорицу*).

С середины XX в. в японской исторической науке начинает складываться новое направление – историография российско-японского территориального размежевания. Это направление до сегодняшнего дня продолжает оставаться частью японской исторической науки и собирает вокруг себя как старые, так и новые поколения японских историков, международников, журналистов, дипломатов, которые и составляют современную японскую

школу специалистов и экспертов японской историографии японо-российского территориального размежевания.

Анализ широкого массива материалов позволил выявить целый ряд особенностей этой школы, главной из которых является наличие в японской историографии указанной темы двух основополагающих течений – консервативного и либерального, которые отражают не только наличие расходящихся точек зрения среди японских исследователей, но и наличие разных подходов к оценке проблемы территориального размежевания в японском обществе в целом.

Консервативное направление

В отношении проблемы территориального размежевания историография консервативного толка ставит целью обоснование территориальных претензий Японии и активно участвует в пропаганде японской позиции как внутри страны, так и за рубежом. Представители консервативного направления выступают за «возвращение» минимум четырёх островов Курильской гряды как неперемное условие нормализации советско-японских отношений путём заключения мирного договора. Важно отметить, что сам термин «возвращение» является концептуальной ревизией итогов Второй мировой войны, обозначая непризнание российского суверенитета над Курильскими островами. В зависимости от степени категоричности территориальных претензий представителей консервативного направления можно условно разделить на три группы: «национал-консерваторы», «умеренные консерваторы» и «либерал-консерваторы». Как показал анализ историографии указанного направления, масштабы претензий, «доказательная» риторика, особенности трактовки, фактографическая база и другие признаки позволяют отнести к лагерю национал-консерваторов японских коммунистов, выступающих за «возвращение всех Курильских островов».

Национал-консерваторы. Представителей этого направления объединяет резко негативное отношение к Советскому Союзу, основанное на убеждённости в том, что последний стремился подчинить Японию, распространив в стране коммунистическую идеологию. Среди представителей этой группы много бывших дипломатов, работавших на советском направлении, и публицистов. Их публикации отличаются враждебной риторикой в отношении СССР с использованием идеологических штампов типа «коммунистическая угроза», «советский заговор», «советские интриги» и др.

К наиболее известным национал-консерваторам можно отнести Накагава Яцухиро, Накатани Такэё, Тэратани Хироми, Сайто Тадаси, Сигэмицу Акира, Симидзу Такэхиса, Соно Акира, Хогэн Синсаку, Хосокава Рюитиро, Явата Кадзуо и др. В своих работах указанные авторы выступают за «одновременное возвращение всех четырёх островов» (*ёнто иккацу сокудзи хэнкан рон*) как минимальное условие для нормализации советско-японских отношений. Более того, большинству национал-консерваторов присуще расширенное толкование понятия «северные территории», которое они распространяют не только на Курильские острова, но и на весь остров Сахалин. Хорошо понимая бесперспективность решения территориальной проблемы на таких условиях, национал-консерваторы выступали и продолжают сегодня выступать за сохранение ограниченного уровня контактов между СССР и Японией, Россией и Японией.

Среди авторитетных представителей национал-консерваторов следует выделить специалиста по советско-японским отношениям, бывшего дипломата Симидзу Такэхиса. В своих работах Т. Симидзу, опираясь на широкий круг японских и советских источников, последовательно отстаивает территориальные претензии на Курильские острова и остров Сахалин. Т. Симидзу не согласен с официальным толкованием понятия «северные территории» как проблемы принадлежности четырёх островов Курильской гряды. По его мнению, такая трактовка появилась в связи с частым употреблением в средствах массовой информации термина «одновременное возвращение четырёх островов». Он утверждает, что «северные территории» – это общее название для территорий к северу, которые Япония утратила в результате тихоокеанской войны». В состав этих территорий входят «Южный Сахалин, Курильские острова и острова Хабомаи и Шикотан». Более того, Т. Симидзу считает, что понятие «северные территории» следует распространять также на северную часть острова Сахалин на том основании, что «В.И. Ленин признал агрессией приобретение Россией острова Сахалин в обмен на северную часть Курильских островов по Санкт-Петербургскому договору 1875 г.» [3, с. 98].

Похожей позиции придерживается профессор Университета Цукуба Накагава Яцухиро. В своей монографии «Ложь Горбачёва: Советский Союз не оставляет своих амбиций» (1987) он выдвигает претензии на весь остров Сахалин и часть Курильских островов. Профессор Я. Накагава рассматривает первые русско-японские договоры о государственной границе как «агрессию» со стороны России.

Монография Я. Накагава была написана в самый разгар перестройки в Советском Союзе, поэтому основная часть книги посвящена анализу советских реформ. Судя по содержанию, Я. Накагава совершенно не верил в благие намерения советских реформаторов и считал, что целью Советского Союза по-прежнему был «экспорт (коммунистической) революции», поскольку иначе невозможно само существование советского государства. Он считал, что улучшение отношений с Советским Союзом для «стран свободного мира» означало превращение этих страны в «сателлиты СССР или, по меньшей мере, ставило бы их в зависимое от СССР положение» [4, с. 47–51].

Территориальные амбиции национал-консерваторов изначально строились на «демонизации» Советского Союза, который, как они утверждали, воспользовавшись капитуляцией Японии, «нарушил советско-японский пакт о нейтралитете и незаконно оккупировал» южную часть острова Сахалин и Курильские острова. При этом очевидно мирный характер первых русско-японских договоров о государственной границе в работах национал-консерваторов преподносится как «агрессия» со стороны России. В то же время Портсмутский мирный договор 1905 г., заключённый как результат агрессивной и вероломной войны со стороны Японии, в их интерпретации приобретает «мирный и законный характер», поскольку Японии удалось «восстановить» суверенитет над южной частью острова Сахалин.

Необходимо отметить, что подобное искажённое толкование исторических фактов внутренне связано с более крупной проблемой – «перевернутым» толкованием японской агрессии во Второй мировой войне как «необходимой самообороной», а подчинение азиатских стран милитаристской Японии преподносится как «освобождение» этих стран от европейской колонизации. Иначе говоря, в японской историографии фактически сформировался принципиально новый подход – отрицание общепризнанных в мире причин

начала войны на Тихом океане, её инициаторов, итогов тихоокеанской авантюры японских милитаристов, законного характера послевоенного территориального урегулирования.

Умеренные консерваторы. Группу умеренных консерваторов представляют учёные, которые поддерживают позицию официального Токио в том, что условием нормализации отношений между Россией и Японией является «возвращение всех четырёх островов» (*ёнто иккацу хэнкан рон*). Отличие их позиции от позиции национал-консерваторов состоит в том, что они допускают «постепенное возвращение» островов при условии признания японского суверенитета над всеми четырьмя островами. В связи с тем, что их позиция очень близка к официальной, они часто приглашаются в качестве экспертов на слушания в парламент, работают советниками в различных государственных структурах, привлекаются к публичной экспертизе тех или иных вопросов, включая территориальные вопросы.

К умеренным консерваторам можно отнести таких известных политологов, журналистов и бывших дипломатов как Ватасэ Сюкити, Ёкота Кидзабуро, Ириэ Митимаса, Ито Кэнъити, Кимура Хироси, Нагоси Кэнро, Отиай Тадаси, Сава Хидэтаке, Сайто Мотохидэ, Сайто Цугому, Сакураи Ёсико, Сасэ Масамори, Суэцугу Итиро, Сэрита Кэнтаро, Такано Юити, Такубо Тадаэ, Тамура Косаку, Уэда Тосио, Хакамада Сигэки, Ямагата Тайдзо и др. Свою позицию о необходимости «возвращения всех четырёх островов» они мотивируют тем, что «северные территории – это исконно японские территории», которые после заключения Симодского трактата 1855 г. были официально признаны Россией как японская территория и до их «незаконной оккупации» советскими войсками в 1945 г., не принадлежали ни царской России, ни Советскому Союзу. На этом основании они считают, что эти территории не входят в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору.

Серию серьёзных исследований проблемы территориального размежевания как важного аспекта японо-российских/советских отношений провёл видный японский специалист по российско-японским отношениям и политике России в отношении Японии, почётный профессор Университета Хоккайдо Кимура Хироси. Среди работ Х. Кимура по проблеме территориального размежевания между СССР и Японией особого внимания заслуживают монографии «Проблема северных территорий: история и путь к возвращению» (1989) и «История японо-российских переговоров по пограничным вопросам» (1993), написанная как пояснение к «Совместному сборнику документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией» (1992).

Профессор Х. Кимура признаёт, что «улучшение советско-японских отношений важно не только для двусторонних контактов, но и для обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и мире в целом». Однако «ключом к улучшению двусторонних отношений», по мнению Х. Кимура, должно стать «возвращение Японии всех четырёх островов» [5, с. 251].

В отличие от антисоветски настроенных национал-консерваторов, Х. Кимура – типичный патриот, для которого вопрос «возвращения» островов связан с чувством национальной гордости. В связи с этим в конце 1980-х годов он разработал подробную стратегию по «возвращению северных территорий». Эта стратегия базировалась на трёх основных принципах. Во-первых, Япония должна иметь твёрдую решимость вернуть территории. Прежде всего, «необходимо принять меры, чтобы со временем у нового поколения не выветрилась память». Поскольку острова находятся под «оккупацией

Советского Союза», Япония должна активно настаивать на их «возвращении». Сохранение островов под «оккупацией Советского Союза» ставит Японию в невыгодное положение.

Во-вторых, важно использовать изменение международной ситуации. Потребность Советского Союза в экономической помощи, особенно для развития Дальнего Востока, представляет собой наилучшую возможность для решения проблемы «северных территорий».

В-третьих, наиболее важная внешнеполитическая задача Японии состоит в обеспечении её безопасности, главным элементом которой является японо-американский договор безопасности. Поэтому нельзя жертвовать японо-американскими отношениями ради «возвращения территорий». Следующей по значимости задачей японской дипломатии является обеспечение экономического процветания Японии, но советско-японские экономические отношения не играют определяющей роли для японской экономики. А вот на третьем по приоритетности месте стоит проблема «северных территорий». Поэтому для «возвращения территорий» Японии следует объединить вопрос предоставления Советскому Союзу экономической помощи с «требованием возвращения территорий».

Такая позиция Х. Кимура была основана на глубоком недоверии к Советскому Союзу и совпадала с позицией Министерства иностранных дел Японии, считавшего, что Советский Союз намеревается «уйти, не расплатившись» (*кунигэ рон*). Тем не менее, Х. Кимура считал, что Япония должна принять меры для того, чтобы в случае «возвращения» островов СССР/Россия смогли «сохранить лицо» [5, с. 209–250].

Сторонники этой концепции в целом поддерживают требование японского правительства о «возвращении всех четырёх островов», и одновременно высказывали и продолжают высказывать сомнения в отношении справедливости выделения четырёх островов в особую группу «исконно японских территорий». Наиболее раннее исследование по этому вопросу принадлежит профессору Токийского университета Такано Юити, известному своими работами «Территории Японии» (1962) и «Северные территории с точки зрения международного права» (1986). Профессор Ю. Такано считал, что географически острова Итуруп и Кунашир являются частью Курильских островов. Более того, он отмечал слабость официальной японской позиции, поскольку «на Сан-Францисской мирной конференции США не признали претензии Японии на острова Итуруп и Кунашир» [6, с. 111].

Похожую позицию в исследовании, посвященном проблеме юридического обоснования принадлежности Курильских островов, высказал профессор Университета Хоккайдо Сугихара Таканэ. В частности, он настаивал на том, что «рассматривать острова Хабомаи и Шикотан как часть острова Хоккайдо вполне логично». Вместе с тем он же утверждал, что «исключать из состава Курильских островов Кунашир и Итуруп неестественно. Как минимум, с точки зрения географии, исключение этих двух островов слабо обосновано» [7, с. 99].

Либерал-консерваторы. Группу либерал-консерваторов представляют японские исследователи, которые исповедуют более гибкую форму реализации установки Токио на «возвращение Курил». Среди сторонников этой концепции следует выделить профессоров Накадзима Минэо, Сато Цунэаки, Симотомаи Нобуо, Хасунума Кэйсукэ, Хасэгава Цуёси, а также бывших дипломатов Того Кадзухико, Сато Масару, политика, депутата японского парламента Судзуки Мунэо, которые наиболее активно участвовали в дискуссии по территориальной проблеме и сегодня остаются ведущими специалистами в этом вопросе. Конечная цель либерал-консерваторов также заключается в «возвращении всех четырёх

островов», однако, понимая, что категоричное требование «вернуть» сразу четыре острова практически не имеет шансов на успех, они предлагают согласиться на «поэтапное возвращение островов» (*данкайтэки хэнкан рон*).

Одним из первых концепцию «поэтапного возвращения островов» предложил китаист, профессор Токийского института иностранных языков Накадзима Минэо. Среди работ профессора М. Накадзима наибольший интерес представляет монография «Как понимать горбачёвский Советский Союз: в чём истинные намерения новой стратегии» (1987), в которой автор изложил свои мысли в отношении решения проблемы территориального размежевания с Советским Союзом.

Профессор М. Накадзима утверждал, что «пора признать суровую действительность, которая заключается в том, что Япония проиграла в безрассудно развязанной войне», поэтому японской стороне не следует заикливаться на требованиях возвращения всех четырёх островов, а занять более гибкую позицию. Например, «согласившись на возвращение двух островов, настаивать на возвращении суверенитета над остальными двумя островами, а может быть, на их совместном использовании или совместном освоении» [8, с. 200]. М. Накадзима отмечал, что если советско-японские отношения, включая решение проблемы «северных территорий», займут своё место в общей картине будущего Японии, то тогда «некоторые уступки в территориальном вопросе вовсе не будут поражением или унижением» [9, с. 221].

Похожего мнения придерживается специалист по российско-японским отношениям, профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Хасэгава Цуёси. В своей работе «Проблема северных территорий и японо-российские отношения» (2000) профессор Ц. Хасэгава отмечает, что чрезмерное упорство японской дипломатии «вернуть сразу четыре острова лишь осложняет отношения с постсоветской Россией». Поэтому необходим более гибкий подход, возможно, с отсрочкой передачи части территории. Сначала следует «вернуть два острова», а потом продолжить переговоры в отношении оставшихся двух островов. Ц. Хасэгава считает, что лучше получить два острова, чем, настаивая на «возвращении» четырёх, не получить ни одного [10, с. 7].

Оригинальную «концепцию поэтапного возвращения островов» предложил профессор Университета Кобэ Хасунума Кэйсукэ. По мнению профессора, «повторять как заклинание об одновременном возвращении четырёх островов – совершенно бесполезное дело», поэтому следует разделить «возвращение» островов на несколько этапов. Вначале К. Хасунума предлагает заключить мирный договор на условиях передачи Японии двух островов, временно оставив два других острова под управлением Советского Союза, но при посредничестве Совета Безопасности ООН. В конечном счёте, после того как Япония станет постоянным членом Совета Безопасности, ей должен быть «возвращён остров Кунашир». Остров Итуруп, по мнению Хасунума следовало сделать «буферной зоной» под опекой Совбеза ООН [11]. По сути дела, конечная цель предложения Хасунума почти совпадала с конечной целью официального Токио, а именно – изъятие из-под суверенитета Советского Союза всех четырёх островов. Отличие состояло лишь в том, что остров Итуруп предлагалось передать под вечную опеку Совбеза ООН.

С начала 1990-х годов правительство Японии, не снимая претензий на четыре острова, фактически перестало требовать «возвращения сразу всех четырёх островов». Этим обстоятельством воспользовались представители так называемой русской школы японского

МИД, отвечавшие за разработку стратегии на российском направлении (кабинеты Р. Хасимото, К. Обути, Ё. Мори), взяв за основу «концепцию поэтапного возвращения», они предложили «схему 2+2». Согласно этой схеме, предлагалось сначала заключить мирный договор на основе Совместной декларации 1956 г. путём «возвращения» островов Шикотан и Хабомаи. При этом заключение мирного договора должно было быть обусловлено договорённостью продолжать переговоры о принадлежности островов Кунашир и Итуруп. В японской историографии этот подход получил название «концепция предварительного возвращения двух островов» (*нито сэнка хэнкан рон*). Таким образом, конечной целью дипломатов «русской школы», тем не менее, было «возвращение всех четырёх островов».

Однако в действительности это был отход от традиционной позиции Японии – «одновременного возвращения всех четырёх островов». Поэтому после возврата к более жёсткой политике Токио (кабинет Дз. Коидзуми), сторонники традиционного подхода подвергли критике курс, проводившийся дипломатами «русской школы», обвинив их в уступках российской стороне в территориальном вопросе. В результате дипломаты, выступавшие в поддержку «концепции поэтапного возвращения», были отстранены от переговорного процесса и наказаны.

Либеральное направление

После начала политических преобразований в Советском Союзе в середине 1980-х годов в японской печати всё чаще стали появляться научные публикации, которые по сравнению со взглядами консерваторов носили известный либеральный характер. Эти авторы, образовавшие либеральное направление, выступали с предложениями компромисса по территориальному вопросу с СССР. Именно эта группа японских исследователей стала автором ряда известных концепций урегулирования территориальной проблемы: «концепции возвращения двух островов», «концепции два плюс альфа(α)» и «концепции возвращения трёх островов».

Наиболее известной среди указанных концепций решения проблемы территориального размежевания между СССР и Японией в рамках либерального направления является «концепция возвращения двух островов» (*нито хэнкан рон*). Среди сторонников этой концепции выделяются такие известные историки, юристы и бывшие дипломаты, как Вада Тосиаки, Вада Харуки, Ивасита Акихиро, Магосаки Укэру, Моримото Ёсио, Мотидзуки Киити, Мураяма Ситиро, Сато Масандо, Тэрасава Хадзимэ, Хара Тэруюки, Хирасава Кадзусигэ и др. Позиция этой группы сторонников либерального направления состоит в следующем: поскольку Япония отказалась от Курильских островов и южной части острова Сахалин по Сан-Францисскому мирному договору, то единственно возможным является требование о «возвращении» островов Шикотан и Хабомаи. Тем более, что согласно Совместной декларации 1956 г. Советский Союз обещал передать указанные острова после заключения мирного договора между СССР и Японией.

Одним из первых с предложением заключить мирный договор с Советским Союзом на основе «возвращения» двух островов на страницах американского журнала *Foreign Affairs* в октябре 1975 г. выступил тогдашний советник премьер-министра Т. Мики Хирасава Кадзусигэ. Своё предложение К. Хирасава обосновал необходимостью развития

экономических отношений с Советским Союзом, имея в виду, прежде всего, разработку и добычу природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока [12, с. 165].

За решение проблемы территориального размежевания с СССР путём «возвращения двух островов» последовательно выступал Вада Тосиаки. В своей монографии «Иллюзия северных территорий» (1981) Т. Вада сравнил «проблему северных территорий» с антикоминтерновским пактом, высказав мнение, что подобно антикоминтерновскому пакту, эта проблема играла важную роль в антисоветской и антикоммунистической пропаганде [13, с. 10]. Т. Вада считал, что требование «возвращения четырёх островов» основано на иллюзиях японских политиков, вольно трактовавших результаты московских переговоров 1956 г. [13, с. 12]. Он предложил подписать мирный договор с Советским Союзом на условиях Совместной декларации 1956 г., предварительно заключив двустороннее соглашение «об отказе от войны и применении военной силы» [13, с. 14–15].

Другой концепцией представителей либерального направления является «концепция два плюс альфа» (*нито + α*). Среди сторонников этой концепции можно выделить таких учёных, как Вада Харуки, Мотидзуки Киити, Накадзима Минэо и др. Изначально в качестве “α” профессор Х. Вада предложил сделать из четырёх островов специальную зону для совместной экономической деятельности. В дальнейшем предлагались различные варианты “α”: передача «остаточного суверенитета» над островами Итуруп и Кунашир Японии, совместный суверенитет на неопределённый период времени, совместное развитие Итурупа и Кунашира как специальной экономической зоны, передача этих двух островов под опеку ООН, передача двух остальных островов в Международный суд в Гааге и др.

В начале XXI века широкую известность получила «концепция возвращения трёх островов» (*санто хэнкан рон*). Автором этой концепции считается профессор Центра славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо Ивасита Акихиро. Профессор А. Ивасита предложил разделить острова пополам исходя из общей площади островов [14]. Поскольку на остров Итуруп приходится 60 % территории всех четырёх островов, А. Ивасита предложил разрешить спор путём передачи Японии трёх островов – Кунашир, Шикотан и Хабомаи [15].

Выступить с такой инициативой А. Ивасита побудило разрешение территориального спора между Россией и Китаем. В своей монографии «Проблема северных территорий – не четыре, не ноль и не два» (2005) А. Ивасита предложил провести границу по южной оконечности острова Итуруп.

Нельзя сказать, что предложение профессора А. Ивасита было исключительно новаторским. С подобной инициативой до него выступали профессор Х. Вада (1991) и консультант исследовательского института «Номура» бывший посол в Чехии Миямото Нобуо (2000). Однако именно предложение А. Ивасита было замечено и стало предметом серьёзных обсуждений не только в академическом сообществе, но и в политических кругах Японии.

В своих работах профессор А. Ивасита утверждает, что урегулирование пограничной проблемы в российско-китайских отношениях также, как и в случае с проблемой территориального размежевания между Россией и Японией, не имеет юридических оснований [15]. По его мнению, решение проблемы должно состояться на основе политического компромисса и реальной выгоды для обоих государств. А. Ивасита

предлагает воспользоваться российско-китайским опытом для решения проблемы «северных территорий». В частности, он предлагает прекратить дискуссию вокруг исторических прав на «спорные территории» и, исходя из объективно существующей необходимости урегулирования проблемы территориального размежевания, попытаться решить вопрос с выгодой для обеих сторон.

Последним из наиболее известных способов урегулирования проблемы территориального размежевания между Россией и Японией, разработанным представителями либерального направления, стала «концепция раздела островов пополам по площади» (*мэнсэки нитобун рон*). Согласно этой концепции, острова предлагается поделить пополам по площади всех островов таким образом, что Япония получит острова Хабомаи, Шикотан, Кунашир и 25 % территории острова Итуруп.

Наиболее широко эта концепция обсуждалась в период кабинета Асо Таро (2008–2009). Так, 17 апреля 2009 г. газета «Майнити» опубликовала интервью тогдашнего спецпредставителя правительства по внешней политике Яти Сётаро, в котором он заявил о возможности раздела южных Курил ради стратегического сближения с Россией. С. Яти предложил вариант с передачей не всех четырёх островов, а «трёх с половиной островов», т. е. разделив пополам совокупную площадь южных Курил [16].

Однако данный компромисс не поддержали ни в правящей ЛДП, ни в японских СМИ. 20 мая 2009 г. на слушаниях в парламенте позиция С. Яти была подвергнута жёсткой критике со стороны оппозиции. После дебатов в парламенте Японии к указанной концепции больше не возвращались, и она не нашла широкой поддержки среди научного сообщества Японии.

Анализ японских материалов говорит о том, что проблема «северных территорий» стала самостоятельным направлением в современной японской историографии. Естественно, что работы современных авторов не свободны от идеологических штампов, а выводы и аргументы зачастую не подкреплены глубоким развёрнутым анализом. Сложность и противоречивость проблемы заставляет современных авторов, как правило, обращать внимание лишь на один из множества аспектов проблемы и часто ограничиваться его рамками. Поэтому на современном этапе стоит задача комплексного анализа проблемы с учётом как можно большего числа объективных и субъективных факторов.

* * *

Исследование японских материалов по проблеме территориального размежевания позволяет сделать вывод о том, что акценты в изучении темы на современном этапе существенно сместились. Во время холодной войны, когда СССР и Япония находились по разные стороны баррикад, в японской историографии традиционно большое внимание уделялось «исконной принадлежности» островов Японии и их «незаконной оккупации» Советским Союзом после окончания Второй мировой войны. На основе этого делался вывод о том, что решение проблемы возможно только при условии «возвращения всех четырёх островов» Японии. Однако сегодня появились и другие подходы, предлагающие прекратить споры вокруг исторических прав на «спорные территории» и решить проблему, исходя из объективно существующей необходимости её урегулирования с выгодой для обеих сторон.

Библиографический список

1. Устав Сахалинской области // Губернские ведомости. 2010.
2. Нихон кёсанто корё: [Программа КПЯ]. Принята на 23-м съезде партии 17 января 2004 г. / Коммунистическая Партия Японии. Официальный сайт. URL: <http://www.jcp.or.jp/jcp/Koryo/index.html> (дата обращения: 10.02.2018).
3. *Симидзу Такэхиса*. Хоппо рёдо мондай рэкиси то гэндзицу: [Северные территории: история и современность] // Гэндэй но манако. Токио, 1977. Авг. Р. 98–113.
4. *Накагава Яцухиро*. Горубатёфу но усо – сорэн ва ябо о сутэтэинай : [Ложь Горбачёва: Советский Союз не оставляет своих амбиций]. Токио, 1987.
5. *Кимура Хироси*. Хоппо рёдо – кисэки то хэнкан э но дзёсо : [Проблема северных территорий: история и путь к возвращению]. Токио, 1989.
6. *Такано Юити*. Рёдо мондай то ниссо канкэй но сёрай: [Территориальная проблема и будущее японо-российских отношений] // Сэкай. Токио, 1978. Янв. Р. 107–130.
7. *Сугихара Таканэ*. Кокусайхо кара мита хоппо рёдо: [Северные территории с точки зрения международного права] // Хоппо рёдо о кангаэру: [Размышления о северных территориях] / под. ред. Кимура Хироси. Токио, 1981. Р. 86–106.
8. *Накадзима Минэо*. Горубатёфу сорэн но ёмиката – синсэнряку но синъи ва нани ка : [Как понимать горбачёвский Советский Союз: в чём истинные намерения новой стратегии]. Токио, 1987.
9. *Накадзима Минэо*. Горубатёфу га нагэру «тайнити сэнряку» но фугиммина хэнкакю : [Неприятный кручёный мяч «стратегия в отношении Японии» от Горбачёва] // Гэндэй. Токио, 1986. Дек. Р. 206–221.
10. *Хасэгава Цуёси*. Хоппо рёдо мондай то нитиро канкэй: [Проблема северных территорий и японо-российские отношения]. Токио, 2000.
11. Асахи симбун. 28.12.1988.
12. *Hirasawa, Kazushige*. Japan`s emerging foreign policy // Foreign Affairs. Oct 1975. Vol. 54, Issue 1. P. 155–172.
13. *Вада Тосиаки*. Хоппо рёдо но гэнкакю : [Иллюзия северных территорий]. Токио, 1981.
14. *Ивасита Акихиро*. Хоппо рёдо мондай – 4 дэмо 0 дэмо 2 дэмо наку : [Проблема северных территорий: не четыре, не ноль и не два]. Токио, 2005.
15. *Ивасита Акихиро*. Россия может вернуть Японии три спорных острова. Но оставить себе самый большой // Известия. 04.02.2004. URL: <http://izvestia.ru/news/286540> (дата обращения: 10.02.2018).
16. Майнити симбун. 17.04.2009.

References

1. Charter of the Sakhalin Region // Provincial news. 2010.
2. Program of the Japanese Communist Party Adopted on January 17, 2004 at the JCP 23rd Congress // Japanese Communist Party. URL: <http://www.jcp.or.jp/jcp/Koryo/index.html> (accessed: 10 February 2018).
3. Shimizu, Takehisa. (1977). Hoppo ryodo mondai – rekishi to genjitsu [Northern Territories: History and Modernity], *Gendai no manako*, August: 98–113.
4. Nakagava, Yatsuhiro. (1987). Gorbachofu no uso – soren ha yabo wo suteteinai [Gorbachev's Lie: The Soviet Union does not abandon its ambitions], Tokyo: Nesuko.

5. Kimura, Hiroshi. (1989). Hoppo ryodo – kiseki to henkan he no joso [Northern Territories: the history and the path to return]. Tokyo.
6. Takano, Yuichi. (1978). Ryodo mondai to nisso kankei no shorai [Territorial problem and the future of Japanese-Russian relations], *Sekai*. January: 107–130.
7. Sugihara, Takane. (1981). Kokusaiho kara mita hoppo ryodo [Northern territories from the point of view of international law], in Kimura Hiroshi (ed.), Hoppo ryodo wo kangaeru [Reflections on the Northern Territories], Tokyo: Hokkaido Shimbunsha.
8. Nakajima, Mineo. (1987). Gorbachofu soren no yomikata – shinsenryaku no sin`i ha nani ka [How to understand Gorbachev's Soviet Union: what are the true intentions of the new strategy], Tokyo: Dai ichi kikaku shuppan.
9. Nakajima, Mineo. (1986). Gorbachofu ga nageru “tainichi senryaku” no fuginmina henkakyu [Unpleasant twisted ball "strategy against Japan" from Gorbachev], *Gendai*. December: 206–221.
10. Hasegawa, Tsuyoshi. (2000). Hoppo ryodo mondai to nitiro kankei [The problem of northern territories and Japanese-Russian relations], Tokyo: Chikuma.
11. Hasunuma, Keisuke. (1988). Hoppo yonto no henkan ha dankaitekini [The return of the four islands must be carried out step by step], *Asahi Shimbun*, 28 December.
12. Hirasawa, Kazushige. (1975). Japan`s emerging foreign policy // Foreign Affairs. Vol. 54, Issue 1, pp. 155–172.
13. Wada, Toshiaki. (1981). Hoppo ryodo no genkaku [The Illusion of the Northern Territories], Tokyo: Sobunsha.
14. Iwashita, Akihiro. (2005). Hoppo ryodo mondai – 4 demo 0 demo 2 demo naku [The problem of the northern territories: not four, not zero and not two], Tokyo: Chuo koron shinshya.
15. Iwashita, Akihiro. (2004). Rossiya mozhet vernut` YAponii tri spornykh ostrova. No ostavit` sebe samyy bol`shoy [Russia can return Japan three disputed islands. But leave itself the biggest], *Izvestiya*, 4 February, <http://izvestia.ru/news/286540> (accessed: 10 February 2018).
16. Yachi S. (2009). Hoppo ryodo: santo to etorofu ichibu hennkan demo [Northern Territories: even three islands and part of Iturup], *Mainichi Shimbun*, 17 April.

Поступила в редакцию 18.02.2018

Received 18.02.2018

Автор:

Кузьминков Виктор Вячеславович, PhD (политология), старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kuzminkov@yahoo.com

Author:

Kuzminkov Victor V., PhD (Political science), Senior Researcher Fellow, Center of Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: kuzminkov@yahoo.com

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10006

Пространство и время в философии Нисида Китаро

Л.Б. Карелова

Восприятие пространства и времени является одной из определяющих характеристик культуры, которые проявляются в повседневных жизненных ориентациях, искусстве, литературе, философии. В статье исследуется концептуализация пространства и времени в трудах Нисида Китаро (1870–1945), представившего миру японскую интеллектуальную традицию в форме современного дискурса, включённого в философскую полемику XX века.

Ключевые слова: философия Японии, Нисида Китаро, пространство, время, история, чистый опыт, самопостижение, «вечное сейчас», «место».

Space and Time in the Philosophy of Nishida Kitaro

L.B. Karelova

Perception of space and time is one of the essential characteristics of a culture manifesting itself in everyday life orientations, art, literature, philosophy. The article analyses the conceptualization of space and time in the works of Nishida Kitaro (1870-1945). Nishida has introduced Japanese intellectual tradition to the world in the form of a modern discourse involved in the 20th century philosophical polemics.

Keywords: Japanese philosophy, Nishida Kitaro, space, time, history, pure experience, self-realization, “eternal now”, “place”.

Исследованию проблем пространства и времени Нисида Китаро (1870–1945) посвятил несколько специальных эссе, в том числе «Самоопределение вечного сейчас», «Временное и невременное», «Пространство». Вместе с тем пространство и время в том или ином контексте затрагиваются практически во всех его основных произведениях разных лет, и размышления, связанные с ними, дали жизнь ряду оригинальных идей.

Пространство и время в ранних работах Нисида Китаро

В ранних работах Нисида Китаро пространство и время анализируются как формы объединяющей деятельности сознания.

В «Исследовании блага» Нисида отождествляет реальность с совокупностью феноменов сознания, которые возникают как движения саморефлексии некой объединяющей силы (*тошцу рёку*, 統一力). Эта сила есть трансцендентная активность сознания, которая

генерирует и синтезирует его содержание в актах самообъективации, посредством которых она проявляется сама для себя, создавая мир как собственный самообраз. Объективация этой чистой активности (*дзюн кацудо*, 純活動) сознания ведёт к появлению его конкретного содержания. В соответствии с фундаментальным тезисом «Исследования блага», когда мы осознаём нечто как происходящее в каком-то месте и в какое-то время, мы не воспринимаем изначальную активность сознания, а только сформированный ею образ. Исходный акт сознания свободен от каких-либо ограничений и рамок объективированного мира, накладываемых на него. Нисида описывает чистый опыт как единственную реальность, а многообразный мир предстаёт как образ самообъективируемого сознания. В этом контексте пространство и время определяются как формы, посредством которых содержание опыта объединяется; при этом они не имеют значения фундаментальных структур, определяющих акт сознания: «Такие вещи, как пространство и время, являются формами, которые объединяют опыт, основываясь на его содержании...» [5, с. 27].

Более подробно суть времени отражают следующие строки: «То, что мы называем временем, есть не что иное, как форма, которая упорядочивает содержание нашего опыта, так как, чтобы идея времени возникла, содержание сознания должно сначала быть сплавлено и объединено, чтобы стать одним целым. Если бы это не было так, мы бы не могли мыслить темпорально, связывая и упорядочивая то, что происходит до и после. Таким образом, объединяющая функция сознания не контролируется временем, но, напротив, время устанавливается этой объединяющей функцией. Мы должны сказать, что в основании сознания лежит некая трансцендентная, неизменная вещь за пределами времени» [5, с. 73–74]. При этом уже начиная с первых страниц можно наблюдать чёткое разграничение между осознаваемыми модусами времени и настоящим принципиально иного порядка, в котором существует чистый опыт. Формулируя своё понимание чистого опыта, Нисида пишет: «Мысли относительно прошлого или настоящего, даже если они принадлежат нашему собственному сознанию, уже не принадлежат чистому опыту в тот момент, когда мы высказываем их в форме суждения. Действительно, чистый опыт может существовать только в настоящем сознании событий как они есть, без придания им каких-либо значений» [5, с. 10]. Далее Нисида рассуждает так: «Настоящее чистого опыта не является тем интеллектуально созданным настоящим, которое перестаёт быть настоящим, когда человек думает о нём». Он также подчёркивает, что «фокус сознания постоянно находится в настоящем», и поэтому «человек не воспринимает прошлое непосредственно», а переживает его в настоящем сознании [5, с. 11].

Нельзя не заметить уже в «Исследовании блага» особое внимание к пространственной составляющей сознания в связи с проблемой объединения опыта различных индивидов, которое рассматривается как объединение отдельных полей опыта. Принцип единства поля «чистого опыта» позволяет Нисиде объяснить пути взаимодействия отдельных сознаний и образование надиндивидуальных форм сознания: «Подобно тому, как сознание индивида образует единую реальность, где сегодняшнее и вчерашнее сознание непосредственно соединены, сознания наших жизней могут быть восприняты как целое. Когда мы продолжаем дальше данную мысль, мы видим, что она верна не только внутри области одного индивида, но мы также можем рассматривать как одно различные сознания, соединённые вместе... Дух каждого индивида есть не что иное, как клетка внутри социального духа» [5, с. 75].

Тем не менее пространство и время, согласно взгляду, выраженному в «Исследовании блага», предстают как результаты вторичной рефлексии над феноменами опыта, поскольку «все феномены сознания в его состоянии непосредственного опыта есть только одна деятельность, но благодаря рефлексии над ними как над объектами познания их содержание по-разному анализируется и различается» [5, с. 191]. В связи с этим Нисида подчёркивает: «Факты непосредственного опыта, которые нам даны, есть только феномены сознания. Пространство, время и материальная сила – просто понятия, установленные в результате объединения и объяснения этих фактов» [5, с. 179].

Восприятие пространства и времени в качестве осознаваемых форм опыта сохраняется и в другом раннем труде Нисиды – «Интуиция и рефлексия в самоосознании». Примером может служить следующее высказывание: «...Что представляет собой время? Оно несомненно есть форма, которая объединяет наш опыт, но способность к объединению с помощью этой формы происходит от объединяющей функции трансцендентальной апперцепции» [4, с. 33]. При этом Нисида продолжает подчёркивать абстрактный характер понятий пространства и времени, указывая на их производность от процесса самодетерминации сознания: «...аналогично тому, как самоосознание даёт основу для чистого времени, оно также представляет основу для чистого пространства, формы внешнего. Оно придаёт и времени, и пространству их априорные качества. Тогда как время и число выражают бесконечную прогрессию самосознания... пространство есть... выражение внутреннего единства самосознания, которое лежит в основе бесчисленных взаимосвязей... Самоосознание есть одновременно бесконечная прогрессия “рефлексий и действий” и неизменное единство...» [4, с. 191–192].

Таким образом, несмотря на то, что Нисида частично принимает представления о времени и пространстве Канта и неокантианцев, соглашаясь с ними в том, что время и пространство являются формами объединения опыта, «позволяющими каждому фрагменту нашего непрерывного гетерогенного опыта рассматриваться в качестве гомогенного» [4, с. 39], его подход принципиально отличается. Философ рассматривает пространство и время не как изначально заданные априорные формы сознания (конституирующие условия опыта), а как продукты деятельности самоосознания.

В процессе размышлений над подходами неокантианцев, Гегеля, Бергсона, Гуссерля в «Интуиции и рефлексии» появляются дополнительные нюансы в понимании пространства и времени – ставятся проблемы их реальности, гомогенности, континуальности. В этом труде философ показывает образование воспринимаемых времени и пространства из первоначального акта самоосознания, во многом повторяя идеи Когена о конструировании времени и пространства. Приведём пример его рассуждений: «Самоосознание как интроспекция обнаруживает развитие в двух направлениях. С одной стороны, это хронологическая вертикальная динамика, наблюдаемая в нашей индивидуальной истории, а с другой стороны, происходит горизонтальное развитие в направлении центра более общего “я”... Индивидуальное развитие есть основа времени и числа, характеризуемая Когеном как “предвосхищение”. Развитие всеобщего, объединение индивидов представляют собой основу пространства и геометрических отношений» [4, с. 210]. Вместе с тем в отличие от Когена Нисида не разделяет какую бы то ни было предзаданность в виде «предвосхищения» или наличие внешних целей движения сознания.

Важно зафиксировать, что процесс самодетерминации сознания рассматривается Нисида как непосредственный опыт самоотрицания себя внутри себя и в связи с этим определяется как «дисконтинуальная континуальность» (*хирэндзоку-но рэндзоку*, 非連続の連続). В итоге и пространство, и время предстают в виде прерывистой длительности, сочетающей континуальность и дискретность. Эта тема приобретает развёрнутый вид в одном из позднейших эссе «Пространство» [8, с. 205–206].

Вполне закономерно, что Нисида разделяет взгляды Бергсона и Гуссерля о том, что абсолютное время, абстрагируемое естественными науками, которое течёт бесконечно, но разделяется на равномерные отрезки и может быть измерено, не является исходной фундаментальной формой времени. С точки зрения Нисиды, представления об эволюции вселенной, сформированные естественными науками, есть только один из вероятных путей осмысления мира опыта [4, с. 226]. Он принимает представление Бергсона, что абсолютное время происходит от привычки спатиализировать время, рассматривая его как абсолютно гомогенную линию [4, с. 257], и утверждает, что образ вечно текущего из прошлого в будущее гомогенного времени не находит подтверждения в действительности [4, с. 227].

Акцентирование пространственного аспекта в соотношении времени и пространства происходит у Нисиды уже в иной форме, отличной от стереотипа линейности. Развивая тему реальности времени, Нисида показывает различие между физическим временем естественных наук и последовательностью актов внутреннего творчества «жизненного порыва», рассматриваемой им как базовая исходная форма времени. Анализ этой базовой формы времени с точки зрения восприятия «жизненного порыва» как самоосознания приводит Нисида к следующему выводу: «Эта внутренняя последовательность, или то, что Гуссерль называл феноменологическим временем, является более фундаментальной, чем физическое время, которое создано на его основании. Подлинные начала вселенной находятся не в удалённом прошлом космических туманностей, а в центре внутреннего творчества. Как показывает теория относительности, абсолютное время есть идеал, у которого нет надёжного базиса в действительности, и выбор координат физических явлений, когда мы организуем содержание опыта в форме пространства, как раз и определяет последовательность времени» [4, с. 226–227].

В противоположность образу линейного времени Нисида склоняется к модели волнообразного времени, распространяющегося из центра, совпадающего с настоящим моментом. Рассматривая процесс самодетерминации сознания как движение самосознающей воли, Нисида рассуждает следующим образом: «Можно представить череду актов воли в виде темпоральных фактов и сконструировать их непрерывную последовательность, вид реальной длительности. Однако воля не движется по прямой линии из прошлого к будущему; её движение волнообразно распространяется в виде кругов, расходящихся из настоящего, как из центра. Если мы стараемся выстроить звенья цепи волевой активности в прямую линию, мы получаем некоторый порядок, но это – порядок окаменевшей воли. Мы не в состоянии воспринять свободное движение живой воли...» [4, с. 269–270].

Одна из проблем, на которой останавливает своё внимание Нисида, – это возможность движения времени вспять или повторное переживание опыта прошлого. Он вступает в полемику с Бергсоном, который придерживался концепции необратимости времени, выдвинутой им в «Опыте непосредственных данных сознания», а также «Материи и памяти»

[1, с. 137, 247]. В свою очередь Нисида утверждает, что «воля переворачивает прошлое и делает его настоящим» [4, с. 270]. В опровержение тезиса о необратимости времени он приводит развёрнутую аргументацию. Во-первых, объясняет он, если абсолютное время, сконструированное мышлением и представленное в виде системы координат, которым оперирует физика, не допускает движения вспять, то реальная длительность недоступна для нашей рефлексии, поэтому она не может оцениваться ни как обратимая, ни как необратимая [4, с. 259]. Во-вторых, Нисида утверждает, что значения, которые мы осознаём, одинаковы и в прошлом, и в настоящем, и они не подвержены влиянию наших меняющихся актов сознания. По его словам, нам кажется, что феномены сознания могут возникать только единожды, так как мы считаем, что наше осознание этих феноменов и есть их сущность, и они появляются во времени; однако в этом случае было бы трудно представить какое-либо единство между феноменами сознания и выйти за пределы фактуальности сознания [4, с. 264–265]. Следующий его довод состоит в том, что в динамическом состоянии самосознающая воля превосходит временные отношения, которые присущи феноменам сознания. Более того, они производны от неё, поэтому «воля может сделать прошлое настоящим». Приведём ещё несколько отрывков из «Интуиции и рефлексии»: «В воле все миры объектов, прошлое, настоящее и будущее являются настоящим, и прошлое целиком принадлежит настоящему и меняется вместе с ним. Хотя чистая длительность неповторима, в творческой эволюции вся совокупность прошлого функционирует как настоящее, и чем глубже мы проникаем в основания нашего “я”, тем выше наша способность трансформировать прошлое в настоящее... В воле мы можем сделать всё прошлое настоящим, объединяя всё его содержание в динамическом состоянии. Или, иначе говоря, в этом динамическом состоянии прошлое, настоящее и будущее упраздняются и время преодолевается... Воля делает прошлое настоящим в памяти. Мы представляем воссоздаваемое в памяти “я” и настоящее “я” по-разному, поскольку мы смешиваем “я” во всей его полноте с “я” как объектом познания и оказываемся не в состоянии понять, что даже в текущем акте познания “я” как объект отличается от “я”, которое целиком не поддаётся рефлексии... Как объект познания “я” не может вернуться в прошлое, но как необъективируемая воля, как подлинный субъект “я” может сделать прошлое настоящим. Ощущение неповторимости времени есть невозможность нашего выхода за пределы активного субъекта, невозможность для самоосознания сделать объектом “я” во всей его целостности. “Я” вспоминаемое и рефлексия “я” настоящего отличаются от подлинного “я”...» [4, с. 267–268].

В духе феноменологии Нисида утверждает, что только живому существу доступно ощущение времени и переживание момента настоящего, поскольку оно прямо причастно к потоку самоосознания. В связи с этим он подчёркивает: «Прошлое принадлежит памяти, будущее есть не что иное, как ожидание, и только в настоящем “я” соприкасается с реальностью, теряется в реальности, становится с ней одним целым. Настоящее есть модус, когда реальность пребывает в состоянии абсолютной активности. Если подлинное самосознание, как утверждал Фихте, есть абсолютная активность, то настоящее есть точное местонахождение самоосознания» [4, с. 245]. И далее: «Настоящее есть центр гравитации реальности, так как оно есть точка, где наш опыт пребывает в движении, а только то, что пребывает в движении, обладает реальностью» [4, с. 256].

Настоящее, с точки зрения Нисиды, есть не только момент соединения с реальностью и объединения одной системы опыта, но также является точкой, в которой эта система

превосходит себя и перетекает в иные системы, «точкой, в которой различные системы объединяются в абсолютной реальности» [4, с. 256].

Последующая трансформация подходов Нисида к интерпретации пространства и времени совершается в ходе построения концепции «места» как поля, в котором происходит не только дифференциация содержания конкретной деятельности сознания, но и его сопоставление с иным содержанием, пребывающим в том же самом поле. Впервые эта концепция была разработана им в эссе «Место», вошедшем в книгу «От действующего к видящему». В этом новом контексте пространство и время определяются как производные измерения самодетерминации места опыта, однако при этом они не оказывают определяющего влияния на формирование данного локуса.

Пространственные образы в философии Нисида Китаро

Кроме проанализированных выше подходов к концептуализации пространства и времени, у Нисида Китаро существенным аспектом является использование им пространственных коннотаций при конструировании трансцендентального образа субъекта, логики места, а также и самого времени. И это в очередной раз подчеркивает значение пространственного восприятия в японской культуре в целом.

Одной из ключевых категорий философии Нисида является, как уже отмечалось, категория «места» (*басё*, 場所). В начале своего эссе Нисида говорит, что при формировании концепции «места» на него повлияло понятие *chora*, которое он почерпнул из платоновского диалога «Тимей», где оно обозначает вместилище, заключающее идеи-матрицы всех вещей, оставаясь при этом неопределённым. С другой стороны, есть предположение, что на создание концепции места Нисида натолкнуло восприятие предиката как места у Эмиля Ласка – ученика Риккерта [12, с. 13–14].

В философии Нисида концепция места выступила и как модель познавательного процесса, и как пространственная схема функционирования сознания. С одной стороны, «место» как место непосредственного чистого опыта – это подлинная основа «я», в то же время Нисида называл его «местом небытия», локусом его самоидентификации. Место у Нисида – это подобие зеркала, отражающего само себя: «Зеркало, которое отражает само себя, есть не только место, где познание принимает свою форму, но также где формируются эмоции и воля» [10, с. 213].

В «Тимее» Платона *chora* выступает как посредник между миром идей и их конкретными воплощениями в виде вещей; при этом сама она не принимает формы вещей. Нисида в своём знаменитом суждении – «Чтобы могла существовать отдельная вещь, должно существовать место, в котором она находится» – отдельную вещь и место представляет в виде противопоставления точки и круга [10, с. 279].

Идея логики Нисида, в центре которой не грамматический или логический субъект суждения, а предикат, получила название логики «места». Вместо построения концепции субъекта как центра вселенной Нисида отдаёт приоритет предикату, на основе которого субъект идентифицируется. В то же время речь не идет об Аристотелевом универсальном предикате. Целью Нисида было разработать логику, в которой предикат, понимаемый как превосходящее место универсальности, может партикуляризовать себя таким образом, что конкретный индивид появляется в качестве самодетерминации универсального.

Функционирование самоопределения универсальности объясняется философом через пространственные образы поля, места. Предикат в логике Нисида определяет и пространственно превосходит субъект как свою собственную партикуляризацию.

Для Нисида «место» менее общего порядка поглощается местом более общего порядка, что можно представить в виде концентрических кругов, при этом предельным местом становится «место абсолютного небытия», которое включает в себя все вещи, в том числе и время [11, с. 187].

В более поздней работе «Самоосознающая система универсального» (1930) мыслитель показывает, что структура самоосознания может быть представлена в виде трёх основных уровней, описываемых в терминах типологии «места». Он различает, во-первых, «место бытия», где сознание детерминирует мир природы, что находит выражение в суждениях о вещах. Во-вторых, «место относительного небытия», в котором рождается осознание «я», отличного от мира природы и поэтому определяемого термином «относительное небытие»; и в-третьих, «место абсолютного небытия», в котором бытие возникает через оппозицию к относительному небытию, представляя собой локус отрицания отрицания.

«Вечное сейчас» в философии Нисида

Пример восприятия времени сквозь призму пространственности в философии Нисида Китаро – понимание вечности и концепции «вечного сейчас» (*эйэн-но има*, 永遠の今), или «абсолютного настоящего» (*дзэттайтеки-но гэндзай*, 絶対的の現在), которую он развивает в книге «Самопостигающая самодетерминация ничто» («無の自覚的限定»), в частности в разделах «Самоопределение вечного сейчас» и «Временное и вневременное»

О соотношении времени и вечности Нисида пишет: «Вечность в подлинном смысле не есть то, что превосходит время, напротив, она должна быть подобна пространству, в котором образуется бесконечное число времён» [6, с. 235]. Аналогии этой концепции он находит не только в буддийской мысли, но и в западной традиции. Идею вечности как основы времени Нисида обнаруживает у Платона, Августина и Экхарта. В частности, он пишет: «То, что подразумевается под “вечным сейчас”, *nunc aeternum*, по словам Экхарта, означает не что иное, как исчезновение в одной точке настоящего и безграничного прошлого и безграничного будущего; “сейчас” создаёт мир подобно Богу в первый день творения; время каждый раз начинается заново» [11, с. 182]. Ссылаясь на Августина, он утверждал: «Как говорил Августин, существуют не прошлое, настоящее и будущее, а настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Настоящее способно вобрать в себя прошлое, настоящее и будущее» [11, с. 183]. Вслед за ними Нисида говорит о «вечном сейчас», которое включает в себя все модусы времени, в том числе и преходящее настоящее, конституируемое как мысленное представление. По определению Нисида, «вечное сейчас» есть самодетерминация абсолютного ничто, и таким образом оно представляет собой основу времени: «То, что мыслится как абсолютное ничто, должно заключать в себе течение времени; время есть то, что оборачивается внутри вечного сейчас» [3, с. 377]. При этом «вечное сейчас» может стать началом времени в любом конкретном месте, и таким местом является сознание отдельного человека: «Благодаря самодетерминации абсолютного ничто появляется бесчисленное количество людей, и можно полагать, что устанавливается бесчисленное множество времен... То, что детерминирует все эти времена, может быть

также названо абсолютным настоящим» [11, с. 188]. Таким образом, по словам Нисида, «не “я” существует во времени, а время существует в наших “я”» [11, с. 187]. В результате обнаруживается ещё один аспект пространственного представления времени у Нисида, который проявляется в том, что «сейчас» подразумевает место, в котором «абсолютное ничто» самодетерминируется через самоопределение отдельных «я»: «Настоящее есть настоящее, находящееся именно в месте самоопределения “я”... Можно допустить, что здесь гасится бесконечное прошлое и здесь начинается бесконечное будущее» [11, с. 190–191].

Точка, в которую сходится прошлое и от которой отсчитывается будущее, Нисида определяет как «здесь» [11, с. 181–182]. «Вечное сейчас» представляется им как круг, поле, центр которого может возникать где угодно [11, с. 199].

Концепция «исторического тела»

Ещё одной темой, которую представляется уместным затронуть в связи с проблемами пространства и времени, – это тема истории. Своё оригинальное видение истории Нисида представил, в частности, в форме концепции «исторического тела», которая была сформулирована в лекциях, прочитанных в 1937 г. в Женском техническом колледже г. Нагано в рамках заседаний Философского общества «Синано». В этих лекциях, обозначая важность проблемы телесности вообще, он предлагает пространственное восприятие истории как совокупности человеческого опыта. Приведём образец его рассуждений: «Исторический мир представляет собой нечто, пребывающее в состоянии творчества, и, следовательно, люди являются творческими элементами этого исторического мира... Наша человеческая сущность состоит в том, что мы активны как части, как элементы исторического мира. Поскольку мы обладаем телами, можно сказать, что мы делаем вещи элементами этого мира. И сама наша жизнь, и наше истинное “я” существуют в месте, которое является творческим субъектом, становясь элементом этого исторического мира... Я настаиваю на том, что понятие “историческое тело” не относится только к материальному телу в обыденном смысле... Тело и сознающее “я” не существуют отдельно от творящего и производящего исторического мира. Тело существует только в тот момент, когда оно функционирует в историческом мире. Следовательно, и человеческое общество, которое есть продолжение человеческого тела в широком смысле, должно рассматриваться как историческое тело, обладающее телесными характеристиками» [13, с. 51].

Такой подход к истории не как к чисто временному, но и пространственному явлению, позволил Нисида обосновать теорию уникальных и в то же время не изолированных друг от друга культурно-исторических тел, которую часто неадекватно воспринимали как апологию национальной исключительности. Идею национального тела Нисида сформулировал следующим образом: «Как же насчёт творческого процесса японского общества? Его развитие включает создание общества исторического тела Японии. Оно имеет свою творческую миссию... Все народы, которые развили свои индивидуальные культуры, являются такими историческими видами. Они представляют собой творческие виды, которые постепенно начинают взаимодействовать и развиваться далее в своем направлении... Исторический мир развивается таким путём через свою творческую активность» [13, с. 53]. Нисида Китаро вводит понятие исторического пространства наряду с физическим пространством и пространством психической деятельности [8, с. 217].

Идеи времени и пространства, представленные в работах Нисида, бросали определённый вызов философским взглядам западного модерна. Его понимание времени не предусматривало какой-либо телеологии, идеи направленного движения, прогресса. Характерная для японской культуры и тесно связанная с буддийским мировосприятием ориентация на «здесь» и «сейчас» [2, с. 233–238] в философии Нисида получила теоретическое оформление. Концепции «места» и «вечного сейчас» давали ключ к осмыслению того, что любые дихотомии и метанарративы есть не что иное, как конструкции человеческого разума, возникшие в конкретном поле опыта, и не могут рассматриваться как предзаданные и абсолютные. Сближение пространства и истории в философии Нисида стало принципиально новым для философии XX в., тогда как доминирующей тенденцией в западной философии на протяжении XIX–XX вв. было противопоставление истории и пространства.

Библиографический список

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 336 с.
2. Като Сюити. Нихон бунка ни окэру дзикан то кукан 日本文化における時間と空間 : [Пространство и время в японской культуре]. Токио: Иванами сэтэн, 2012. 264 с.
3. Нисида Китаро. Ватаси то нандзи 私と汝 : [Я и ты] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 6. Иванами сэтэн, 1966. С. 341–427.
4. Нисида Китаро. Дзэн-но кэнкю 善の研究 : [Исследование блага] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 1. Токио: Иванами сэтэн, 1965. С. 1–200.
5. Нисида Китаро. Дзикаку ни окэру тэкан то хансэй 自覚における直感と反省 : [Интуиция и рефлексия в самопостижении] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 2. Токио: Иванами сэтэн, 1965. 396+6 с.
6. Нисида Китаро. Дзикантэки нару моно оёби хидзикантэкинару моно 時間的なるもの及び非時間的なるもの : [Временное и вневременное] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 6. Токио: Иванами сэтэн, 1965. С. 233–258.
7. Нисида Китаро. Иппанся-но дзикакутэки тайкэй 一般者の自覚的体系 : [Самоосознающая система универсального] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 5. Токио: Иванами сэтэн, 1965. 529 с. + 3.
8. Нисида Китаро. Кукан 空間 : [Пространство] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 11. Токио: Иванами сэтэн, 1965. С. 193–236. (1944).
9. Нисида Китаро. Тэцугаку-но компон мондай 哲学の根本問題 : [Основные проблемы философии] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 7. Токио: Иванами сэтэн, 1965. 469 с.
10. Нисида Китаро. Хатараку моно кара миру моно-э 働くものから見るものへ : [От действующего к видящему] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 4. 1965. 436 + 3 с.
11. Нисида Китаро. Эйэн-но има-но дзико гэнтэй 永遠の今の自己限定 : [Самоопределение вечного сейчас] // Нисида Китаро дзэнсю : [Полн. собр. соч. Нисида Китаро]. Т. 6. 1965. С. 181–232.

12. Place and Dialectic. Two Essays by Nishida Kitaro / Tr. by J.W.M. Krummel and S. Nagatomo. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 272 c.

13. Sourcebook for Modern Japanese Philosophy. Selected Documents / Ed. by D.A. Dilworth, V.H. Viglielmo and J.C. Maraldo. Westport, Connecticut; L.: Greenwood, 1998. 448 p.

References

1. Bergson A. (1992). Opyt o neposredstvennykh dannyykh soznaniya. Materiya i pamyat' [Experience about direct data of consciousness. Matter and memory]. Collected works of Bergson A., Vol. 1, Moscow: Moscow Club, 336 p.

2. Kato Shuichi. (2012). Nipponbunka ni okeru jikan to kūkan [Time and space in Japanese culture], Tokyo, Iwanami Shoten, 264 p.

3. Nishida Kitaro. (1966). Watashi to nanji [Me and You], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 6, Tokyo, Iwanami Shoten, p. 341–427.

4. Nishida Kitaro. (1965). Zen'nokenkyū [Study of goodness], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 1, Tokyo, Iwanami Shoten, p. 1–200.

5. Nishida Kitaro. (1965). Jikaku ni okeru chokkan to hansei [Intuition and reflection in consciousness], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 2, Tokyo, Iwanami Shoten, 396+6 p.

6. Nishida Kitaro. (1965). Jikan-tekinaru mono oyobi hi jikan-tekinaru mono [Temporal and non-temporal], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 6, Tokyo, Iwanami Shoten, p. 233–258.

7. Nishida Kitaro. (1965). Ippan-sha no jikaku-teki taikei [Subjective system of ordinary people], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 5, Tokyo, Iwanami Shoten, 529+3 p.

8. Nishida Kitaro. (1965). Kūkan [Space], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 11, Tokyo, Iwanami Shoten, p. 193–236. (1944).

9. Nishida Kitaro. (1965). Tetsugaku no konpon mondai [The fundamental problem of philosophy], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 7, Tokyo, Iwanami Shoten, 469 p.

10. Nishida Kitaro. (1965). Hataraku mono kara miru mono e [From the acting to the seeing], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 4, Tokyo, Iwanami Shoten, 436+3 p.

11. Nishida Kitaro. (1965). Eien no ima no jiko gentei [Self-determination of the eternal now], Nishida Kitaro zenshu [Complete works of Nishida Kitaro], Vol. 6, Tokyo, Iwanami Shoten, p. 181–232.

12. Place and Dialectic. Two Essays by Nishida Kitaro, Tr. by J.W.M. Krummel and S. Nagatomo. N.Y.: Oxford University Press, 2012, 272 p.

13. Sourcebook for Modern Japanese Philosophy. Selected Documents, Ed. by D.A. Dilworth, V.H. Viglielmo and J.C. Maraldo. Westport, Connecticut; L.: Greenwood, 1998, 448 p.

Автор:

Карелова Любовь Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН. E-mail: lbkarelova@mail.ru

Author:

Karelova Liubov B., PhD (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the
Russian Academy of Sciences. E-mail: lbkarelova@mail.ru

Научная жизньAcademic Events

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10007

**О конференции «Япония в Восточной Азии:
политика, экономика»****О.И. Казаков**

Отчёт о прошедшей 22 декабря 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН общероссийской научной конференции «Япония в Восточной Азии: политика, экономика», организованной ИДВ РАН, Институтом востоковедения РАН и Ассоциацией японоведов.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, политика, экономика, конференция.

**On the Conference “Japan in East Asia:
Politics, Economics”****O.I. Kazakov**

The paper is a report on the All-Russia scientific conference “Japan in East Asia: Politics, Economics”, organised by the Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, and Russian Association of Japonologists. It was held on the IFES RAS on 22 December 2017.

Keywords: Japan, russian-japanese relations, politics, economics, conference.

22 декабря 2017 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла общероссийская научная конференция «Япония в Восточной Азии: политика, экономика», организаторами которой стали: Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН и Ассоциация японоведов. Это 10-я конференция Ассоциации японоведов, посвящённая современной Японии¹.

Традиционно конференция началась с презентаций японоведческих изданий, включая Ежегодник «Япония» (ИВ РАН, Ассоциация японоведов)², ежеквартальный электронный научный журнал «Японские исследования»³ (ИДВ РАН, Ассоциация японоведов)

---

¹ Материалы по всем прошедшим конференциям Ассоциации японоведов, посвящённым современной Японии, начиная с первой 14 ноября 2008 г., находятся на сайте <http://japanstudies.ru> под рубрикой «Наши конференции».

² Япония 2017. Ежегодник. М.: «АИРО–XXI», 2017. 432 с.

³ Электронный научный журнал «Японские исследования» находится по адресу <http://www.ifes-ras.ru/js>.

и ежегодник «Актуальные проблемы современной Японии»⁴ (ИДВ РАН). Также были отмечены новый учебник «История Японии»⁵ и избранные работы за 2000–2016 гг. Э.В. Молодяковой «Япония: тотальная победа консерваторов»⁶.

После презентаций изданий прозвучали доклады и выступления участников.

Стрельцов Д.В. (д.и.н., МГИМО(У) МИД России) выступил с докладом «Система власти ЛДП при С. Абэ: есть ли национальный консенсус?» По мнению Д.В. Стрельцова, японское общественное мнение не во всём бесспорно поддерживает «патриотические» взгляды премьер-министра, о чём говорят конкретные опросы по вопросам конституции, политики в области военной безопасности, исторического прошлого и т.д. В арсенале Абэ – использование кратких и ёмких слоганов, которые стали визитной карточкой его кабинета – *тихо сосэй* («обновление регионов»), *дзёсэй кацуяку* («общественная активность женщин»), *итиоку кацуяку* («активность ста миллионов»), намёк на всё взрослое население Японии), *хатаракиката кайкаку* («реформа занятости») и т.д. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев, не обязательно относящихся к числу поклонников Абэ, возникает ощущение «благодарности» к лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьер-министре «было бы только хуже». Однако опросы показывают пёструю и противоречивую картину, свидетельствующую о глубоком расколе в общественном мнении страны. В связи с чем построенную Абэ систему власти трудно охарактеризовать, как основанную на национальном консенсусе. И хотя на октябрьских 2017 г. внеочередных выборах в нижнюю палату ЛДП одержала убедительную победу, анализ показывает, что электоральная поддержка не носила массового характера, а залогом победы стали особенности избирательной системы, а также крайне аморфная в идеологическом и организационном отношении оппозиция. В частности по этой причине дальнейший путь к созданию двухпартийной системы в Японии представляется долгим и трудным.

По теме «Проблема обеспечения безопасности Японии в АТР на современном этапе» выступил **Милеев Д.А.** (ИВ РАН), отметив, что эта проблема становится всё более сложной и требующей постоянных усилий в связи с ростом напряжённости в отношениях государств региона. В 2017 г. КНДР продемонстрировала дальнейшее продвижение в разработке ядерного оружия и баллистических ракет, что создало серьёзную угрозу безопасности Японии. Другой дестабилизирующий фактор – соперничество за лидерство между США и КНР, которое с каждым годом ведётся с нарастающим напряжением, сопровождающимся интенсивной гонкой морских вооружений и сдерживанием Китая. Япония оказывается перед необходимостью участвовать в коллективных действиях в рамках стратегии Вашингтона по сдерживанию Пекина, что в свою очередь ставит под удар сохранение и развитие тесных контактов с КНР в экономической сфере.

Оборонная политика Японии опирается на японо-американский союз, который в ходе переговоров с американской стороной в 2017 г. С. Абэ смог укрепить. В завершающей стадии находится выполнение Среднесрочного плана оборонного строительства (на 2014–

⁴ Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XXXI. М.: ИДВ РАН, 2017. 288 с. ISBN: 978-5-8381-0325-3 URL: <http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/3/313>

⁵ История Японии: Учебник для студентов вузов / под ред. Д.В. Стрельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 592 с. ISBN 978-5-7567-0932-2

⁶ Молодякова Э.В. Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные работы 2000–2016 / ред.-сост. д.полит.н. В.Э. Молодяков; отв.ред. д.и.н. Е.Л. Катасонова. М.: ИВ РАН, 2017. 448 с. ISBN 978-5-89282-745-4

2018 г.), принятого в декабре 2013 г. с учётом «Основной программы национальной обороны». Однако приложенные Японией усилия в военной сфере не достаточны для эффективного сдерживания КНР, поэтому углубление японо-американского альянса остаётся приоритетной задачей японской дипломатии. Успех либерально-демократической партии во главе с С. Абэ на прошедших 22 октября 2017 г. выборах создаёт прочную основу для осуществления правящей коалицией активной политики укрепления безопасности Японии при помощи расширения её военного потенциала и развития союзнических отношений с другими государствами и, прежде всего, с США.

«Об успехах въездного туризма в Японию и российско-японском взаимном туризме» рассказал **Казakov О.И.** (ИДВ РАН). С 2012 г. Япония демонстрирует стабильный рост иностранного въездного туризма. Как представляется, Япония стала уделять особое внимание привлечению в страну иностранных туристов в 2011 г., когда авария на АЭС «Фукусима-1» стала угрозой радиоактивного заражения, и многие иностранцы покинули Японию. Въездной туризм в Японии стал восприниматься не только как статья дохода, но и как имиджевый фактор. Другим важным фактором стала подготовка Японии к Олимпийским и Паралимпийским играм в 2020 г. в Токио. Цель Японии – увеличение числа иностранных гостей к 2020 г. до 40 млн человек. Реализуя эту цель, Япония демонстрирует широкомасштабную и многоплановую работу по созданию комфортных условий как для участников и болельщиков ОИ-2020 в частности, так и для пребывания иностранцев в Японии в общем. Однако доля россиян в туристическом потоке в Японию мала – в 2016 г. она составляла 0,23 %. Но ряд мер, нацеленных на увеличение поездок россиян в Японию, уже в 2017 г. принёс свои плоды: с января по сентябрь 2017 г. в Японию прибыло 54,4 тыс. туристов из России, что на 39,6 % больше, чем в аналогичный период 2016 г. В свою очередь, в 2017 г. фиксируется некоторое увеличение японских туристов в Россию, вероятно, вызванное «потеплением» в российско-японских отношениях.

Успешный опыт Японии создания в стране благоприятных условий для привлечения иностранных туристов может быть полезен и для России. Как представляется, в современном мире въездной туризм всё больше становится показателем привлекательности страны для иностранцев. Кроме того, неуклонное увеличение в Японии китайских и южнокорейских туристов, к которым в самой Японии отношение сложное, способствует улучшению взаимопонимания на уровне «народной дипломатии» и, в частности, говорит об эффективности «мягкой силы» Японии.

Кистанов В.О. (д.и.н., ИДВ РАН) выступил с докладом «Некоторые особенности политики Японии в Восточной Азии». Он отметил, что Япония в послевоенный период внесла большой вклад в развитие Восточной Азии, причём этот регион становится для неё жизненно важным районом мира как в экономическом, так и политическом плане, из-за возвышающегося Китая и набирающей экономическую мощь и военную силу АСЕАН. Что касается внутривосточной ситуации, то усиление в Японии в последние годы правоконсервативных сил во главе с нынешним премьер-министром С. Абэ создаёт благоприятные условия для продвижения по пути усиления военной составляющей во внешнеполитической стратегии Токио. Под предлогом элиминирования вызовов своей безопасности в Восточной Азии Токио взял курс на дальнейшее укрепление военного союза с Вашингтоном. Баланс противоречий и сотрудничества между Японией и Китаем во многом будет формировать политический ландшафт и экономическую среду не только в Восточной

Азии, но и во всём АТР. Но самым большим вызовом собственной безопасности Япония считает ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи.

В последние годы в Азии происходят коренные структурные сдвиги в сфере экономики и политики. В частности это проявляется в перебалансировке взаимоотношений трёх азиатских держав – Китая, Японии и Индии. На военно-политическую ситуацию не только в Восточной Азии, но и всего АТР в обозримом будущем, очевидно, во всё возрастающей степени будет влиять расстановка сил в треугольнике, состоящем из таких ведущих держав Восточной Азии, как Россия, Япония и Китай.

Несмотря на существенное охлаждение отношений России с США и другими ведущими государствами Запада, наложившими санкции на Россию по поводу Крыма и Украины, 2016 и 2017 гг. ознаменовались заметным сближением России и Японии в политической и экономической областях. Однако решение существующего между ними территориального спора, перспективы которого пока не ясны, делает туманной и перспективу заключения российско-японского мирного договора.

Тему «Проблемы и перспективы японо-корейского политического диалога» затронул **Вершинин И.Н.** (магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет). По его мнению, современное состояние международных отношений в Восточной Азии характеризуется высокой степенью напряжённости в связи с развитием ядерной и ракетной программы КНДР. Однако эта нестабильность в регионе может дать импульс к развитию двусторонних отношений Японии и Республики Кореи. Анализируя ситуацию, докладчик пришёл к следующим выводам.

Во-первых, агрессивные действия и высказывания северокорейских лидеров дали новый толчок развитию политических контактов между Японией и РК, однако они происходят в основном в рамках существующих трёхсторонних и многосторонних соглашений. Подобная тенденция вызывает опасения в связи с растущей экономической и политической зависимостью РК от КНР, которая напрямую влияет на развитие японо-корейского диалога.

Во-вторых, руководству обеих стран следует отложить в сторону разногласия по поводу исторических событий («женщины для утешения», храм Ясукуни), которые являются значительным сдерживающим фактором дальнейшего развития двусторонних отношений. Для нормализации отношений Японии следует переработать существующую концепцию «мягкой силы», трансляция которой встречает противодействие со стороны южнокорейского руководства. Одним из перспективных направлений является продвижение общего азиатского культурного бренда в связи с серией Олимпийских игр. Объединение «корейской волны» и «японской волны» может дать позитивный толчок развитию «мягкой силы» обеих стран.

Тему «Северокорейский фактор в политике Японии» подняла **Крячкина Ю.А.** (Российский институт стратегических исследований), которая отметила, что КНДР остаётся единственным государством в Северо-Восточной Азии, с которым у Японии не установлены дипломатические отношения. Проблемными для отношений двух государств до сих пор остаются вопрос о похищенных гражданах, который за период начала 2000-х годов решился лишь частично, и развитие ракетно-ядерной программы КНДР. Япония демонстрирует довольно жёсткую линию поведения в отношении северокорейского руководства в ответ на ракетно-ядерные испытания в КНДР. Токио ведёт одну из наиболее последовательных

санкционных линий в отношении КНДР, что выражается в активных призывах к международному сообществу о введении санкций и разработке собственного санкционного пакета по Пхеньяну (прекращение транспортного сообщения, визовые ограничения, санкции для физических и юридических лиц, ведущих дела с КНДР). В последнее время Токио всё чаще говорит о необходимости усиления давления на КНДР со стороны России и Китая.

На фоне очередного обострения ситуации в начале сентября 2017 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил о необходимости укреплять и наращивать потенциал ПРО. В частности, было заявлено о закупках у США двух комплексов наземной системы ПРО Aegis Ashore (в дополнение к уже имеющимся у Японии четырём крейсерам УРО, оснащённым системой Aegis). Кроме того, министр обороны Японии Онодэра Ицунори инициировал разработку законопроекта, разрешающего нанесение превентивных ударов по противнику со стороны Японии, что сейчас запрещено внутренним законодательством. В результате же досрочных выборов в нижнюю палату парламента (октябрь 2017 г.), С. Абэ и ЛДП фактически получили народное одобрение на продолжение реализуемой политики в отношении Пхеньяна, что было широко растиражировано в японских СМИ.

Лобов Р.Н. (ИДВ РАН) затронул тему «Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией: на политическом перепутье». 9 мая 2017 г. в Республике Корея состоялись досрочные выборы, по итогам которых новым президентом страны стал представитель политической оппозиции, кандидат от Демократической партии «Тобуро» Мун Чжэ Ин. 10 мая президент РК получил полномочия президента страны. Так началась новая страница в современной политической истории Кореи и новый этап в южнокорейской внешней политике. Новый президент страны оказался перед лицом непростого, противоречивого внутри- и внешнеполитического наследия его предшественницы, впервые в истории Кореи отстранённой от власти в результате импичмента.

Логика политического процесса в РК такова, что в течение первого года своего президентского срока новый президент страны формирует управленческую команду и формулирует ключевые основы своей внешней политики. Важной частью внешнеполитической программы неизбежно становятся проблемы взаимоотношений Сеула с «большой четвёркой» – США, Китаем, Россией и Японией. В конце президентского срока Пак Кын Хе было распространено убеждение, что отношения Сеула с «большой четвёркой» были испорчены. Самый большой урон понесли японо-южнокорейские отношения, оказавшиеся в заложниках политизации исторического прошлого двух стран. Политический диалог на высшем уровне был заморожен, единственная за всё время официальная встреча глав государств РК и Японии состоялась в ноябре 2015 г. в рамках трёхстороннего саммита. С другой стороны, была предпринята попытка решить проблему «женщин утешения».

На чём сосредоточится новый президент РК при осуществлении своей внешнеполитической линии? Продолжится ли эксплуатация проблемы исторического прошлого во взаимоотношениях двух стран? Сигналы из Сеула приходят самые разные: с одной стороны, характерной чертой внешнеполитического курса Мун Чжэ Ина стало стремление к урегулированию проблем во взаимоотношениях с ключевыми партнёрами. Ощутимо изменилась политическая риторика. С другой – оппонирование расширению сотрудничества с Японией в военно-политической сфере не исчезло.

Чижевская М.П. (Институт Европы РАН) выступила по теме «Проблема поддержки позиции Японии в отношении КНДР и КНР со стороны Европейского союза». Согласно

Стратегии по безопасности Японии 2013 г., главными региональными угрозами для страны являются ракетно-ядерная программа КНДР и агрессивная политика КНР в Восточно-Китайском море. В стремлении противостоять этим угрозам Япония ищет поддержку среди значимых акторов мировой политики. Из западных держав активную поддержку Японии оказывает их союзник США, в то время как Европейский союз занимает более осторожную позицию.

В отношении Северной Кореи ЕС жёстко выступает против развития её ракетно-ядерной программы, а также против нарушений прав человека. После последних испытаний ракет 29 августа и 15 сентября 2017 г. ЕС осудил провокационное поведение КНДР, поддержал инициативу Японии и США созвать внеочередное заседание Совбеза ООН, расширил санкции против Северной Кореи. Япония и ЕС ежегодно подают в Генассамблею ООН совместные резолюции, призывающие правительство страны соблюдать права человека. Практически в каждом итоговом документе по результатам японо-европейских саммитов присутствует упоминание о северокорейской проблеме и, отдельно, о проблеме похищенных граждан. Однако дальше того, чтобы признать важность проблемы в совместных пресс-релизах и резолюциях, ЕС не идёт.

Угроза развития японо-китайского территориального конфликта находит у руководства ЕС меньший отклик. В разгар конфликта в сентябре 2012 г. ЕС принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости соблюдать принципы Конвенции ООН по морскому праву, но при этом даже не были названы стороны конфликта, сообщение было предельно кратким, с обтекаемыми формулировками. Такой же краткой и сдержанной была резолюция ЕС, в которой он признавал решение Гаагского трибунала об отсутствии приоритетных прав Китая на использование территорий и ресурсов Южно-Китайского моря, но при этом не призывал Пекин к его исполнению.

По мнению докладчика, ЕС не готов идти на конфронтацию с Китаем и явно поддерживать Японию в территориальном споре вокруг островов Сэнкаку, во-первых, из-за существенной экономической зависимости от Китая, во-вторых, из-за внутренних разногласий между странами-участницами. На данном этапе ЕС старается усидеть на двух стульях: избегать явной критики Китая и сохранять благожелательные отношения с Японией, которая ожидала от ЕС большей поддержки и была разочарована сдержанной реакцией на решение Гаагского трибунала.

С темой «Воздействие политических событий на экономические взаимосвязи Японии и КНР» выступила **Коростелёва М.О.** (НИУ ВШЭ). В Восточной Азии сформировалась ситуация, которая, похоже, противоречит либеральным теориям мира: экономические отношения между странами активно развиваются несмотря на достаточно серьёзный уровень политической напряжённости и даже на фоне периодически обостряющихся конфликтов. Ярким примером являются японо-китайские отношения.

Воздействие политических событий на японо-китайские экономические связи докладчик разделяет на прямое и опосредованное. Прямое воздействие наблюдается в тех случаях, когда в ответ на негативное политическое событие власти принимают жёсткие административные меры, нацеленные на ограничение экономического обмена. Такими мерами были введение обеими сторонами высоких импортных пошлин на продукцию друг друга во время «торговой войны» в 2001 г., временная заморозка, сокращение объёмов и прекращение выплат официальной помощи развитию (ОПР) Китаю в 2000–2004 гг.,

ограничение поставок редкоземельных металлов из КНР в Японию начиная с 2010 г. Причём в перечисленных эпизодах проигравшей стороной выступает Япония. Это свидетельствует об асимметричной экономической зависимости в японо-китайских отношениях.

Негативный новостной фон может оказывать влияние на динамику экономических взаимосвязей Японии и КНР опосредованно: в таком случае решение о приостановке, сокращении, изменении форм или прекращении сотрудничества с иностранным партнёром принимают частные компании. Опосредованное воздействие по-разному проявляется в краткосрочном и среднесрочном периодах. В краткосрочном периоде негативные новости вызывают реакцию у компаний-импортёров, и они временно сокращают объёмы закупок. Это сказывается на динамике товарооборота, но не сразу, а с временным лагом примерно в 5 месяцев. Однако как только политическое событие уходит в прошлое, объёмы торговых потоков восстанавливаются. В среднесрочной перспективе негативные политические события побуждают частные компании корректировать свою инвестиционную стратегию. Так, после обострения территориального конфликта в 2012 г. наблюдается снижение объёмов японских прямых инвестиций в китайскую экономику как в абсолютном, так и в относительном выражении. О настороженном отношении инвесторов и потенциальных инвесторов из Японии к ситуации в Китае свидетельствуют и результаты опросов JETRO: в 2012–2015 гг. в числе главных рисков на китайском направлении называлась нестабильная политическая обстановка.

Лещенко Н.Ф. (к.и.н., ИВ РАН) выступила на тему «Непрочитанные страницы в истории российско-японских отношений. Столкновение интересов. Конец XIX – начало XX в. (По работам Д.М. Позднеева)». Большинство проблем в межгосударственных отношениях имеют свои исторические корни, что наглядно демонстрируют российско-японские отношения. Проблема, связанная с Курильскими островами, обозначилась уже при подписании первого русско-японского договора в 1855 г., установившего межгосударственные отношения между странами. И территориальный вопрос в дальнейшем превратился в камень преткновения в русско-японских отношениях. В опубликованной в 1925 г. работе «Япония. Страна, население, история, политика» Д.М. Позднеев так писал об этом: «Цисима (1000 островов) [*Тисима*], или Курильская группа известны благодаря дипломатической борьбе между Японией и Россией за их обладание, закончившейся договором 1875 г., по которому Япония отказалась от своих претензий на южную часть о. Сахалина и получила взамен этого Курильские острова... Этот обмен был колоссальным и грубым промахом прежней царской дипломатии». По мнению учёного, Россия лишилась свободы действий в дальневосточных водах, а главное, выхода в океан, он предугадал трудности в решении этой проблемы в будущем.

В работе Д.М. Позднеева, написанной и изданной в Японии в 1909 г., – «Материалы по истории Северной Японии и её отношений к материкам Азии и России» содержится много сведений. И стоит обратить внимание на такой вывод автора: «Определить, что в жизни Дальнего Востока важнее: движение ли сюда России, пробуждение Китая или возникновение новой великой державы-Японии, представляется положительно недоступным для обыкновенного человеческого ума. Но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этими тремя факторами главным образом определяется ныне и будет ещё надолго определяться жизнь прилегающих к западному побережью Тихого океана стран. Однако, каковы бы ни были грядущие формы политических отношений держав на Дальнем Востоке,

остаётся неизбежно верным одно положение – необходимость изучения ими [Россией и Японией] друг друга. Для полного же знания всякого вопроса, касающегося любого государства, необходимо изучение его географии и истории». По мнению докладчика, прогноз учёного оправдался.

Саркисов К.О. (к.и.н., ИВ РАН) обозначил две темы: «События в Цзинане и убийство Чжан Цзолиня (1928 г.)» и «Василий Васильевич Верещагин и Япония». По первой теме докладчик отметил, что в начале января 1928 г. после невольной отставки Чан Кайши возвращался в большую политику, но ситуация в партии Гоминьдан оставалась крайне сложной. В самой японской столице в эти дни происходило нечто тоже похожее на бунт. На выборах партия Сэйюкай во главе с Танака набрала много голосов и по числу парламентских мест сравнялась с оппозиционной партией Минсэйто, но равновесие было шатким. Настоящим испытанием для кабинета министров оставалась внешняя политика. Особенно тревожной была ситуация в Китае. В середине февраля 1928 г. вернувшийся во власть Чан Кайши начал поход на Пекин, где правил «маньчжурский диктатор» Чжан Цзолинь. Первое серьёзное столкновение японцев с вооружёнными силами тех, кто шёл в сторону Пекина, произошло в мае 1928 г. в Цзинани – столице Шаньдунской провинции. 3 мая первые ожесточённые бои между гоминьдановскими силами и японскими частями сопровождались значительными потерями с обеих сторон. В этот период особенно чётко проявилось самоуправство японских военных, решения которых стали брать верх над соображениями японской дипломатии. Внезапно оставив Цзинань, Чан Кайши начал двигаться в сторону Пекина. Заявление Токио о недопущении военных действий в Маньчжурии «уравновешивалось» готовностью обеспечить плавный и бескровный переход власти в Пекине в руки Чан Кайши. Но уход Чжан Цзолиня из Пекина и его перебазирование в Мукден ставило перед Токио новые проблемы – возвращение диктатора в маньчжурскую столицу не обещало лёгкой жизни для японской дипломатии. Решение нашли военные: вагон поезда с Чжан Цзолинем в том месте, где под мостом он пересекал линию ЮМЖД, 4 июня 1928 г. ранним утром от мощного взрыва разлетелся на куски.

Через месяц 6 июля 1928 г. в Пекине, в одном из храмов у Западных Холмов во время церемонии перехода власти в руки Гоминьдана и формального объединения страны у тела Сунь Ятсена собрались командиры армий «Северного похода». Чан Кайши, обняв гроб своего учителя, не мог сдержать слёз. Фэн Юйсян поднимал его с колен и как мог утешал, а рядом в траурном молчании стояли Янь Сишань и Ли Цзунжэнь. Только им четверым было разрешено лицезреть покойника. Через год все присутствующие перессорятся и будут воевать друг против друга. Концентрация власти в руках Чан Кайши вызовет неприятие. В стране по-прежнему будет царить хаос, которым воспользуется Япония, чтобы сохранить и укрепить свои позиции в Маньчжурии.

Касаясь второй темы, докладчик напомнил, что 26 октября 2017 г. исполнилось 175 лет со дня рождения русского художника Василия Васильевича Верещагина. Его кисти принадлежат многие яркие картины, изображающие Восток, его архитектуру и людей в обширном географическом диапазоне от Средней Азии до Индии, от Китая до Филиппин. В 1903 г. Верещагин посетил и Японию. О его пребывании сведения отрывочны. В японских газетах можно найти упоминание о том, что 16 октября 1903 г. российский посланник барон Розен нанёс визит Главному Церемониймейстеру императорского двора барону Санномия

Ёситанэ и выразил ему благодарность за радушный приём российского художника Верещагина во время пребывания того в Японии.

Талант русского художника особенно проявился в написании батальных картин. Спустя три месяца после начала русско-японской войны Верещагин отправился в Порт-Артур в надежде, что его возьмут на борт одного из кораблей в качестве художника. Он был известен своими резкими антивоенными высказываниями. Искусство и война – вещи несовместимые. Ярко рисуя картины боёв, он показывал, как отвратительно убийство людьми себе подобных. Адмирал Макаров, взявший его на борт броненосца «Петропавловск», флагмана российских кораблей в Порт-Артуре, говорил художнику: *«Береги себя! Если убьют меня, всегда найдётся замена. Убьют тебя – замены тебе не найти»*.

Они погибли оба в один и тот же день и в ту же минуту. 13 апреля 1904 г. флагман российской эскадры «Петропавловск» наткнулся на японскую мину: сдетонировал боезапас и после мощного взрыва, разломанный пополам, он пошёл ко дну. *«Это большая потеря для российского флота»*, – писал в эти дни японский историк и критик Сасагава Римпу. *«Но это и огромное несчастье в истории российского искусства. Данное событие выделяется на общем фоне новостей и мы, японцы, глубоко сочувствуем высоким порывам большого художника, который пожертвовал собой во имя своей страны, во имя искусства»*.

По теме «Российское направление во внешней политике Синдзо Абэ» выступил **Кузьминков В.В.** (PhD, ИДВ РАН), напомнив хронологию развития отношений. Так, 26 декабря 2012 г. сразу после назначения на должность премьер-министра Японии С. Абэ заявил о готовности улучшить русско-японские отношения. 29–30 апреля 2013 г. С. Абэ посетил Москву – это был первый официальный визит главы японского правительства в Россию за 10 лет. По итогам саммита был подписан ряд меморандумов об экономическом сотрудничестве в различных областях. Принципиально новым моментом стал предложенный японской стороной новый формат консультаций министров иностранных дел и министров обороны (формат «2+2»).

7 февраля 2014 г. сразу после завершения своей речи на собрании участников «движения за возвращение северных территорий», С. Абэ вылетел в Сочи на церемонию открытия XXII зимних Олимпийских игр с целью укрепить доверительные отношения с президентом России. Это было особенно важно в условиях политического бойкота церемонии открытия игр лидерами ряда западных стран, включая США и Великобританию.

Однако в марте 2014 г. в ответ на присоединение Крыма к России Япония как член «большой семёрки» (G7) присоединилась к антироссийским санкциям, что осложнило взаимоотношения с Россией.

Накануне саммита G7 в Исэсима и вопреки позиции президента США Б. Обамы, настойчиво советовавшего С. Абэ воздержаться от посещения России, в мае 2016 г. С. Абэ посетил Сочи с рабочим визитом. Важное значение имело предложение С. Абэ о расширении экономического сотрудничества – «программа из восьми пунктов». С целью форсировать зашедшие в тупик переговоры о мирном договоре, С. Абэ предложил «новый подход, свободный от идей прошлого». По мнению докладчика, это был тактический шаг японской стороны, которая рассчитывала путём экономического сотрудничества и интенсивного политического диалога на высшем уровне создать благоприятную атмосферу для принятия политического решения по территориальному вопросу.

Кульминацией политики С. Абэ на российском направлении должен был стать визит российского президента в Японию. Японская пресса наперебой обсуждала количество островов, которые В.В. Путин якобы согласится «вернуть» во время своего визита. Однако прошедший в Японии 15–16 декабря 2016 г. российско-японский саммит не принёс японцам ожидаемых результатов. В итоге стороны сделали специальное Заявление для прессы, в котором выразили консолидированное мнение о том, что «важным шагом на пути к заключению мирного договора может стать начало консультаций о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южных Курильских островах». При этом японская сторона не скрывала, что совместная хозяйственная деятельность на островах должна открыть дорогу к их «возвращению». Но до сих пор сторонам так и не удалось достичь согласия в отношении правового режима, на основе которого они будут осуществлять совместную хозяйственную деятельность на островах. Докладчик делает вывод, что «новый подход» С. Абэ, рассматривающий экономическое сотрудничество как аванс за будущие политические уступки, не работает. К тому же японская сторона переоценила возможности личной дипломатии.

Хойлова У.А. (МГИМО(У) МИД России) выступила по теме «Восточноазиатская дипломатия как фактор формирования российского направления внешней политики Японии в постбиполярный период». По её мнению, восточноазиатская дипломатия Японии носит противоречивый характер: с одной стороны, её вектор направлен на поддержание равных и стабильных отношений со странами Восточной Азии в целях сохранения безопасности и стабильности в регионе, а с другой – Япония стремится обеспечить собственную безопасность путём сдерживания растущих угроз со стороны КНДР и КНР. Соображения собственной безопасности становятся всё более определяющими для Японии, что не может не оказывать влияния и на выработку российского направления внешней политики Японии.

Докладчик делает два вывода. Первый: восточноазиатская дипломатия Японии действительно вносит коррективы в позицию Японии как в отношении самой России, так и по ключевым вопросам, лежащим на повестке дня японо-российских отношений, создавая положительные условия для развития двусторонних отношений. Второй: фактор восточноазиатской дипломатии не способствует существенному углублению японо-российских связей. Если ухудшение отношений Японии с восточноазиатскими странами неизменно ведёт к сближению Японии с США, то на российском направлении происходят незначительные изменения – инициативы Японии ограничиваются лишь призывами к международному сотрудничеству, а двустороннее взаимодействие не продвигается далее диалога.

Что касается Китая, то Япония крайне настороженно относится к сближению России и Китая, полагая, что оно может принять антияпонский характер, а также крайне болезненно воспринимает особенно их военно-техническое сотрудничество. В то же время Япония не выдвигает серьёзных инициатив по укреплению военно-технического сотрудничества с Россией. Таким образом, противоречивость восточноазиатской дипломатии Японии вносит существенный элемент неоднозначности в политику и на российском направлении.

По теме «Северные территории»: политические цели масштабной картографической агрессии Японии» выступил **Зимонин В.П.** (д.и.н., Военный университет Министерства обороны РФ), который сообщил, что 30 ноября 2017 г. ИА «Регнум» опубликовало опрос россиян, в котором приняли участие 54 309 человек. Подавляющее число (89 %)

респондентов твёрдо заявили: Курилы при любом развитии отношений между Россией и Японией должны оставаться российскими. Однако опрос также показал, что лишь 54–55 % респондентов достаточно информированы по существу вопроса о том, кому принадлежит приоритет в первооткрытии и первоосвоении Курильских островов, как исторически решался вопрос об их государственной принадлежности и в чём суть современных японских подходов по этому вопросу. Докладчик отметил, что вплоть до реформ Мэйдзи (1867–1869), как свидетельствуют карты «Полного атласа Японии», не только Курилы, но и северный остров современной Японии Хоккайдо не входили в состав империи.

В настоящее время Япония постоянно муссирует тему о «северных территориях», более того, в 2009 г. официально провозгласила южные Курилы своей неотъемлемой частью. Кроме того, есть много свидетельств, что реваншистские притязания к России южными Курилами отнюдь не ограничиваются. В мае 1988 г. по заказу японского правительства был подготовлен «Промежуточный отчёт по исследованию внешней политики и комплексного обеспечения национальной безопасности». «Япония, – говорится в нём, – должна продолжать выдвигать требования о возврате всех северных территорий... Заключить японо-советский мирный договор после возвращения четырёх северных островов. Япония должна также пытаться заключить японо-советский мирный договор, включая возвращение всех Курильских островов. Объявить пункт с) 2-й статьи мирного договора с Японией, в котором утверждается, что Япония отказывается от Курил, недействительным». В правительственном документе «Белая книга по обороне Японии» «северные территории» обозначаются ещё более фривольно: начиная с первого выпуска за 1981 г., японские границы в них обозначаются севернее о. Итуруп, а «спорные территории» – до середины о. Сахалин и Камчатки. По мнению докладчика, необходим твёрдый отпор любым поползновениям на российские территории.

Тему «Перспективы экономического сотрудничества между Россией и Японией в период нового сближения» затронул **Валиуллин Р.З.**, который привёл примеры успешного сотрудничества между Россией и Японией в производственной сфере. В частности, он обратил внимание на важность создания эффективной цепи поставщиков. Россия должна удвоить темпы роста с 1,8 % в 2017 г. до 3,5 %, чтобы достигнуть среднемировых показателей. В условиях медленного роста экономики важен пример Японии, где в отсутствие сырьевой ренты уже более 50 лет сохраняются высокая производительность труда и уровень инноваций. Основа её экономики – развитые цепи поставщиков.

Японские компании привлекает рынок Европейской части России, где за последние 10 лет начали работу заводы крупнейших производителей: автомобилей – Toyota и Nissan, экскаваторов – Komatsu и Hitachi, шин – Yokohama и Bridgestone. Они производят продукт, опираясь на глобальные цепочки поставщиков, но российским компаниям надо в них войти.

Запуск экскаваторного завода Hitachi в Твери (2010–2015) – пример высокотехнологичного производства в условиях волатильной экономики: чтобы конкурировать, необходимо специализироваться на ключевых инновационных продуктах и снижать их себестоимость, развивая цепи поставщиков и оптимизируя логистику, считает докладчик.

Нелидов В.В. (МГИМО(У) МИД России) выступил с темой «Внешиполитический процесс в Японии периода “системы 1955 года” на примере заключения японо-американского Договора безопасности». Он отметил, что период господства ЛДП в японской

политике в 1955–1993 гг., известный также как период «системы 1955 года», является ключевым для всей послевоенной истории Японии: во многом именно тогда сформировались те институты и особенности политической культуры, которые продолжают определять её функционирование и по сей день. Вследствие этого изучение процесса принятия решений в данный период, в частности, анализ процесса выработки решений в сфере внешней политики, является актуальной и практически значимой задачей, в том числе, с точки зрения понимания логики современной японской внешней политики. Докладчик рассмотрел один из примеров такого процесса, относящийся к начальному этапу существования «системы 1955 года», включающему выработку, подписание и ратификацию японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г.

Исходя из анализа действий и мотиваций различных участников этих событий – премьер-министра Киси Нобусукэ, министра иностранных дел Фудзияма Айитиро, лидеров фракций правящей ЛДП, а также оппозиционных политиков – докладчик делает следующие выводы. Во-первых, вопреки распространённому в японской политической системе механизму принятия решений «снизу вверх», выработка деталей изучаемого решения осуществлялась очень ограниченным кругом лиц. Во-вторых, действия практически всех задействованных акторов могут быть истолкованы как, в немалой мере, оппортунистические и мотивированные стремлением скорее максимизировать собственную конъюнктурную выгоду, нежели добиться конкретной цели в сфере внешней политики. В-третьих, итоговым результатом действий всех участников внешнеполитического процесса было то, что, несмотря на реализацию общей цели, а именно успешное подписание Договора безопасности на условиях, в общем и целом отвечавших интересам Японии, практически ни один из отдельно взятых участников не смог достичь своих индивидуальных политических целей в полной мере.

На тему «Военно-техническое сотрудничество Японии с иностранными государствами и интересы России» выступил **Парамонов О.Г.** (к.и.н., МГИМО(У) МИД России). По его мнению, страны, занимающиеся экспортом вооружений, на протяжении длительного времени не рассматривали Японию в качестве своего конкурента из-за существовавшего в Токио консенсуса между политиками и представителями бизнеса о целесообразности полного отказа от торговли оружием с целью обеспечения мирного развития страны. Но возникшая в Японии во время холодной войны система полного запрета экспорта вооружений и участия в его совместном производстве, известная как «Три принципа военного экспорта», стала постепенно смягчаться под влиянием участия Токио в американских планах по созданию ПРО. Так, с 2008 г. Япония участвует в совместной с США разработке новой модификации противоракеты Standard Missile-3, получившей название SM-3 Block IIА.

Решение С. Абэ открыть трансфер некоторых категорий продукции военного назначения обусловлено изменениями региональной среды безопасности, в частности усилением военно-морской мощи Китая. В Токио, очевидно, полагают, что осуществление Японией военно-технического сотрудничества под политическим «прикрытием» взаимодействия с США может способствовать снижению заинтересованности Пекина в региональной гонке вооружений, обеспечив поддержание достаточного уровня военных возможностей дружественных Японии государств. Кроме того, С. Абэ рассчитывает диверсифицировать политику Японии в области безопасности, используя военно-

техническое сотрудничество для выстраивания и укрепления связей в оборонной сфере не только с региональными акторами, например, Австралией и Индией, но и с европейскими странами.

Начав с осторожных шагов по участию в региональной ПРО ТВД, Токио оказался вовлечён в процесс создания глобальной противоракетной архитектуры, предназначение которой выходит за рамки национальных интересов Японии. При этом затрагивается крайне чувствительная для России проблематика, связанная с ЕвроПРО. С точки зрения оценок экспортных перспектив японского ОПК, включая возможности его конкуренции с другими крупными экспортёрами военной продукции, в том числе с Россией, представляют интерес уже имевшие место попытки самостоятельного выхода Токио на внешние рынки вооружений с такими высокотехнологичными видами военной продукции, как самолёты и подводные лодки, отмечает докладчик.

Катасонова Е.Л. (д.и.н., ИВ РАН) подняла тему «Япония и соперничество “мягких сил” в Восточной Азии». В последние годы большую популярность в мировой геополитике приобрела концепция «мягкой силы», выдвинутая в 1990 г. американским политологом Джозефом Наем. Общий смысл понятия «мягкой силы» состоит в том, что сила и влияние страны на международной арене измеряются не только количеством боеголовок и экономической мощью, но и политическими и культурными достижениями. Дж. Най предрекал «подъём Азии», выделяя, в первую очередь, большие потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии.

В азиатских странах очевидно влияние японской поп-культуры, начиная с комиксов-манга, анимационных фильмов-аниме, кино, поп-музыки, моды, кухни и т.д. Но несмотря на впечатляющие успехи Японии в этой области, на большие средства, вкладываемые в реализацию известного проекта «Cool Japan», страна по силе своего «мягкого воздействия» пока ещё отстаёт от США, Великобритании и др., что свидетельствует о существующих пределах, сдерживающих дальнейшее продвижение японской «мягкой силы» в мире. И один из них – стремительно растущая конкуренция со стороны Китая и Республики Корея.

В последние годы наблюдается стремительное распространение корейской культуры в мире, инициированное и спонсированное правительственными и частными структурами страны и получившее название «корейской волны». «Корейская волна» – своеобразная альтернатива японскому проекту «Cool Japan», поднялась в конце 1990-х годов. Сначала вестниками и проводниками этой волны были теледрамы и художественные фильмы, а также популярная музыка – К-Поп, вызвавшие в других странах, включая Японию, настоящий культурный бум. А сегодня это понятие уже предполагает и иностранный туризм, и модную одежду, и сувенирную продукцию, и национальную кухню, а также многое другое, что сделано в Южной Корее. Новый подъём «корейской волны» сегодня связывают, прежде всего, с зимними Олимпийскими играми в Пхёнчхане в 2018 г. Правда, по иронии судьбы, летние Олимпийские игры 2020 г. пройдут в Токио, и соперничество двух держав в этой области достигнет небывалого накала.

Рост «мягкой силы» в последнее время демонстрирует и современный Китай. Китайские теоретики сразу приступили к разработке собственных постулатов международных отношений, сделав особый акцент на пропаганде национального духовного и художественного наследия. Эта задача сегодня возложена на так называемые Институты и классы Конфуция – культурно-образовательные центры по обучению китайскому языку и ознакомлению с традиционной китайской культурой. Пожалуй, это – самый успешный и перспективный

проект в политике «мягкой силы» Китая. Начав с Республики Корея и стран Азии, китайцы вскоре внедрили это культурное начинание в более чем 100 стран мира. Правда, по мнению экспертов, позитивные оценки влияния Китая пока ещё можно встретить лишь в Африке и Латинской Америке, тогда как в США, Японии и Южной Корее преобладают негативные отклики.

По мнению докладчика, можно определённо утверждать, что путь к региональному лидерству лежит, в том числе, через развитие «мягкой силы» стран и что своими «мягкими силами» в обозримом будущем предстоит побороться Японии, Китаю и Южной Корее.

На тему «Осуществление японской политики “мягкой силы” на примере отношений со странами Центральной Азии» выступила **Добринская О.А.** (к.и.н., ИВ РАН). По её мнению, «мягкая сила» является одним из наиболее развитых инструментов японской внешней политики. И хотя пять республик Центральной Азии (ЦА) не считаются приоритетными с точки зрения японских национальных интересов, регион находится в сфере пристального внимания Токио, и на него направлены значительные финансовые ресурсы.

По мнению докладчика, особенности политики «мягкой силы» Японии в ЦА состоят в следующем: (1) сравнительно недолгая история развития дипломатических связей; (2) использование культурной и расовой схожести и, как результат, особой близости; (3) в отличие от Восточной Азии, в этом регионе репутация Японии не отягощена негативным багажом истории. Таким образом, в ЦА изначально сложились благоприятные условия для реализации Японией своих внешнеполитических инициатив.

Политика «мягкой силы» направлена на формирование следующих особенностей имиджа Японии: имидж дружелюбного государства, не преследующего корыстных целей в отношении ЦА; имидж нейтрального актора в регионе; привлекательность японской послевоенной модели развития; лидерство в сфере инноваций; лидерство в решении социально-экономических проблем; государство, придающее особое значение вопросам окружающей среды.

Основными инструментами проецирования мягкой силы Японии в ЦА являются Официальная помощь развитию, а также культурная и публичная дипломатия. Ресурсными центрами японской мягкой силы в регионе стали посольства во всех пяти республиках, а также так называемые совместные Центры развития человеческих ресурсов «Японские центры». Реализация Японией политики «мягкой силы» в ЦА позволяет сформировать благоприятное отношение местных элит и населения, способствует продвижению её экономических интересов и реализации внешнеполитического курса.

Муратшина К.Г. (к.и.н., Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина) и **Жанг Тхи Тхом** (УрФУ) выступили с темой «“Мягкая сила” в политике Японии в отношении Вьетнама». Развитие отношений с Социалистической Республикой Вьетнам является одним из важных направлений внешней политики Японии как в силу её заинтересованности в экономическом сотрудничестве с данной страной, так и в контексте соперничества с Китаем за лидерство в АТР. В отношениях с СРВ японская сторона решает совершенно конкретные задачи – от размещения необходимых для неё производств до психологического давления на Пекин в островном споре в Восточно-Китайском море.

Одним из средств развития контактов и усиления влияния стали различные проявления политики «мягкой силы» Японии в отношении Вьетнама. Прежде всего это развитие

сотрудничества в таких сферах, как образование, культурные обмены (выставки, гастроли, литературные фестивали, кино, проведение Годов дружбы), распространение японского языка и культуры, туризм, реставрация исторических памятников. Также существуют тенденции в экономическом сотрудничестве, которые повышают привлекательность Японии в глазах вьетнамских партнёров, а именно: инвестиционная активность, признание рыночного характера вьетнамской экономики, разнообразные программы обучения персонала и готовность вкладываться во вторичный и третичный сектор вьетнамской экономики, в то, что обеспечивает более-менее реальное индустриальное и технологическое развитие.

Докладчики отмечают, что стратегия, выбранная японской стороной в отношении с СРВ, оказалась успешной, и «мягкая сила», несмотря на наличие ряда проблем, работает. Результатом этого можно считать такие показатели, как рост товарооборота и туристических потоков, расширение сотрудничества Вьетнама с Азиатским банком развития, в котором, как известно, японская сторона занимает доминирующие позиции, а также готовность совместно продолжать проект Транстихоокеанского партнёрства даже после выхода из него США.

Историческую тему «Роль азиатского рынка как двигателя промышленного развития Японии в последней четверти XIX века» затонула **Емельянова О.Н.** (НИУ ВШЭ). По её мнению, существует ряд теорий, которые среди факторов индустриального экономического роста особое внимание уделяют развитию международной торговли. Среди них можно привести в пример концепции американского экономиста лауреата Нобелевской премии Кузнеця С., исследователей Енниса Х. (Ennis H.) и Норта Д., а также японского ученого Синохара Миэхэй. Подтверждением этих теорий может являться и Япония последней четверти XIX века, в которой возможность выхода на азиатский рынок существенно повлияла на процесс индустриализации. Переход Японии к новому хозяйственному укладу был не возможен без роста потребления. Однако внутренний рынок в силу ряда причин не мог за короткий период времени предложить соответствующего расширения спроса на новую индустриальную продукцию. Одновременно с этим к концу XIX века Япония для стран Запада продолжала оставаться сырьевым придатком – экспортёром сырья (шёлк и чай) и импортёром средств производства.

Решением стало расширение торговых отношений с азиатскими странами, в которых Япония начала играть качественно иную роль, выступая импортёром сырья (хлопок, рис) и экспортёром готовой хлопчатобумажной продукции. Значение азиатского рынка для японских производителей неуклонно возрастало, и он стал ключевым рынком сбыта промышленной японской продукции. При этом со временем наблюдался не только рост товарооборота, но и качественное улучшение экспортируемой продукции.

Докладчик рассказала о ключевых факторах, которые позволили японским торговцам завоевать азиатский рынок.

Мищенко Я.В. (к.э.н., ИДВ РАН) выступила по теме «Япония как потенциальный лидер ТТП: проблемы и перспективы участия в проекте». По мнению докладчика, Транстихоокеанское партнёрство (ТТП) – это важное торговое соглашение последнего времени в сфере экономики и геополитики, которое создаёт базу для формирования в будущем всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. ТТП нацелено на сокращение тарифов в региональной торговле, в перспективе – на создание

в Тихоокеанском регионе единого рынка и позиционируется как стратегическое, всеобъемлющее интеграционное соглашение нового поколения.

США, вступая в переговоры о формировании ТТП в 2008 г., утверждали, что «заинтересованность Японии в ТТП демонстрирует экономическую и стратегическую значимость инициативы». Япония не сразу приняла решение об участии ввиду разногласий японских промышленных кругов и представителей аграрного сектора. Когда Япония присоединилась к ТТП, США и Японию стали рассматривать как главную ось, «несущую конструкцию» этого многостороннего соглашения. Эти два государства имеют соглашения о свободной торговле с большинством остальных участников, но не друг с другом. После выхода США из ТТП в 2017 г. Япония намеревалась убедить Вашингтон изменить решение, считая, что без участия США проект не имеет смысла, фундаментальный баланс интересов будет утрачен. Но Япония осталась крупнейшей экономикой в рамках проекта, и чтобы обеспечить жизнеспособность ТТП и его введение в действие, оказалась перед необходимостью взять на себя лидерство в этой новой формирующейся структуре.

В настоящее время переговоры находятся на стадии обсуждения 11 странами. Японии как потенциальному лидеру предстоит большая работа по согласованию новых положений договора, по «заморозке» старых условий, одновременно по предпринимаемым попыткам убедить США в сохраняющейся привлекательности ТТП. Принятие важных итоговых решений по дальнейшей судьбе ТТП планировалось в ноябре 2017 г. во время саммита АТЭС. Однако Канада не стала участвовать в общей встрече. При этом министры торговли стран ТТП достигли соглашения о важных элементах базового соглашения. Стороны решили сменить название будущего объединения на «Всестороннее прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство», что означает, что соглашение будет охватывать не только торговлю, но также сферу инвестиций, защиту интеллектуальной собственности.

По теме «Перспективы Японии при включении четвёртого актора в переговоры с КНР и Республикой Корея о ЗСТ» выступил **Галимов М.В.** (Волгоградский государственный университет). Диалог КНР – Япония – Республика Корея, считает докладчик, зачастую остаётся без внимания. Хотя Зона свободной торговли (ЗСТ) между тремя странами могла бы стать крупнейшим интеграционным объединением после ЕС и НАФТА. Кроме того, данная ЗСТ послужила бы основой для оформления Всестороннего регионального экономического партнёрства (ВРЭП), включающего весь АСЕАН и треугольник КНР – Япония – РК (АСЕАН+3).

Для Японии ВРЭП и ЗСТ с КНР и РК могло потерять актуальность по следующим причинам. Из-за выхода США из ТТП Япония может стать лидером ТТП, где она не будет чувствовать давления со стороны КНР. К тому же корейские ученые в 2009 г. определились, что японо-корейская ЗСТ будет мало выгодна для их страны, в отличие от корейско-китайской ЗСТ. Именно поэтому КНР с РК заключили соглашение по ЗСТ в 2015 г. У Японии нет ЗСТ ни с РК, ни с КНР. Однако включение в треугольник ЗСТ четвёртого актора может уравнивать выгоды Японии и других стран при образовании новой многосторонней ЗСТ.

По мнению докладчика, Япония стоит перед непростым выбором: заключить договор о заведомо невыгодной ЗСТ с КНР и РК или выйти из переговоров и лишиться перспективы участия в ВРЭПе. Введение четвёртого актора может быть выгодно Японии. Вступление США в переговоры не представляется возможным, а участие России имеет как плюсы, так

и минусы. Японии необходимо выбрать между Индией и Австралией, с которыми у Японии есть ЗСТ, до того, как её вынудят подписать невыгодный ей в данный момент трёхсторонний договор о ЗСТ.

Тихоцкая И.С. (к.э.н., МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила по теме «Солнечное “чудо” Японии и Китая». Докладчик напомнила, что первый фотогальванический элемент был изобретен в США в середине 1950-х годов. Однако вследствие высокой стоимости прошли десятилетия, прежде чем началось их широкое использование для получения электроэнергии. В 2014 г. Международное энергетическое агентство заявило о том, что солнечная фотовольтаика в 2050 г. может стать единственным источником электричества, а её стоимость может понизиться до 4 долларовых центов за кВт·ч.

Япония была первой страной, которая стала развивать солнечную энергетику на законодательном уровне, и первой достигла 1 ГВт солнечных мощностей. Сначала фотовольтаические установки приобрели популярность в жилых домах, а после 2011 г. началось активное строительство мегасолнечных станций. В Японии разворачивается настоящий солнечный «бум», значительно ускорившийся в 2016 г.

Однако наступило время существенных перемен. Японское солнечное «чудо», вероятно, продолжится, но теперь в первую очередь благодаря китайским компаниям, крайне заинтересованным в сбыте своей продукции на японском рынке. Японские же производители будут вынуждены находить свои ниши, чтобы выпускать для солнечно-энергетической отрасли продукцию, обладающую уникальными свойствами. Солнечная энергетика как отрасль в Японии от этого только выиграет: повысится рентабельность производства, стоимость производимой электроэнергии снизится и откроются новые горизонты применения солнечных панелей и фотоэлементов. А конкуренция и амбиции сторон приведут не только к экологизации энергетики Японии и Китая, но и к улучшению экологической ситуации в Восточной Азии в целом, считает докладчик.

Тему «Японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области в 2000–2010-е годы (на примере создания “умных городов” и продвижения проектов выработки “чистой энергии”» раскрыла **Малашевская М.Н.** (к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет). Она отметила, что в начале 21 века японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области демонстрирует ощутимую динамику развития. Существует мнение, что данный процесс связан с заинтересованностью Японии в получении дополнительного источника поступления природных ресурсов, которыми располагает Монголия, и что именно этот аспект является преобладающим в развитии двухсторонних экономических связей. Однако связи в социальной сфере, внедрение инновационных проектов на территории Монголии, привлечение монгольских студентов для обучения в японских вузах заставляет задуматься о более сложной структуре двухсторонних отношений, базирующихся не только на прагматических интересах, но и идеациональных мотивах.

Докладчик затронула два аспекта данного сотрудничества: (1) развитие проектов по созданию Smart City и (2) внедрение проектов по выработке «Чистой энергии».

По вопросу реконструкции Улан-Батора в Smart City была рассмотрена концепция «умных городов», которая активно имплементируется развитыми и развивающимися странами мира в глобальном масштабе в течение последних 20 лет. «Умные города» появляются в Японии, и самыми яркими примерами служат Токио (Программа реконструкции

Коикэ Юрико), Иокогама, Тоёта, Кэйханна, Китакою. Во втором десятилетии 21 века. Япония последовательно экспортирует smart-технологии в первую очередь в Азию. В smart-реконструкции Улан-Батора участвует не только японский капитал (JETRO и JICA), но и привлекаются инициативные представители бизнеса и муниципалитетов на уровне регионов (например, Хоккайдо – Улан-Батор). Япония испытывает конкуренцию китайских и южнокорейских компаний, участвуя в проекте с начала 2010-х гг., и избрала для себя модель частичной вовлеченности в реконструкции выборочных объектов.

По линии программы выработки «Чистой энергии» на территории Монголии японские компании вовлечены в проекты создания ветряных парков в районе Цэций и Хурмэн. Данная программа развёртывается в рамках стратегии «Чистая энергия в Азии», продвигаемой на многосторонней основе. Япония является одним из основных инвесторов, технологическим донором. Ведущую роль в реализации проектов Цэций и Хурмэн играет JICA, прибегающее к использованию ОПР и привлекающее японский крупный бизнес к данной деятельности в 2000–2010-х годах.

По мнению докладчика, в качестве вывода можно говорить об укреплении и дальнейших перспективах японо-монгольского партнёрства, хотя очевидно, что два участника процесса не являются равнозначными с точки зрения экономического и международно-политического потенциала. На опыте реализации указанных социально-экономических проектов можно говорить о расширении инструментария японской внешней политики, далеко выходящей за рамки классической дипломатии, внешнеторговой деятельности и прочно вписывающейся в стратегию внешней и внутренней политики, направленной на устойчивое развитие, реализацию экологической и культурной дипломатии, применение многосторонней и многоуровневой региональной дипломатии на основе принципов «мягкой силы».

В заключение блока докладов **Полхов С.А.** (к.и.н., ИВ РАН) выступил с сообщением на тему «Дискуссия вокруг содержания учебников по истории в Японии». В частности, он отметил, что ревизия японских учебников – это часть образовательной реформы, инициированной С. Абэ. Новые стандарты отбора учебников, согласно которым при описании некоторых вопросов современной истории в учебнике должна быть отражена точка зрения правительства или решения судов, вызвали острую дискуссию в прессе и академических кругах Японии. Касательно территориальных проблем, новые учебники по географии и общественным наукам должны разъяснить ученикам, что острова Такэсима (кор. Токто) и Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) – неотъемлемая часть Японии, а учебники истории должны показывать, как и почему данные острова стали частью Японии.

Подобная позиция Японии вызвала жёсткую критику со стороны соседей, в частности, со стороны Пекина и Сеула. Однако, несмотря на это, администрация С. Абэ, по-видимому, продолжит настаивать на правильности предложенной трактовки спорных моментов из прошлого Японии, полагает докладчик.

После окончания основной части конференции состоялась дискуссия по прозвучавшим выступлениям с вопросами и комментариями.

Следующая, 11-я конференция Ассоциации японоведов по современной Японии, которая будет проходить в условиях Перекрёстного года – Года России в Японии и Года Японии в России – намечена на декабрь 2018 г.

Поступила в редакцию 18.03.2018

Received 18.03.2018

Автор:

Казakov Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9009-3225>. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Author:

Kazakov Oleg I., Head of Department of Scientometrics and Information Technology, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9009-3225>. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Научное издание

Японские исследования

№ 1, 2018

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	Л.В. Овчинникова
Выпускающий редактор:	Е.В. Белилина
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков

Дата публикации:	30.03.2018
Дата публикации (с дополнениями):	06.07.2018

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

№ 1, 2018

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	L.V. Ovchinnikova
Publishing editor:	E.V. Belilina
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov

Date of issue:	30.03.2018
Date of issue with additions:	06.07.2018

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.ifes-ras.ru/js

日本研究